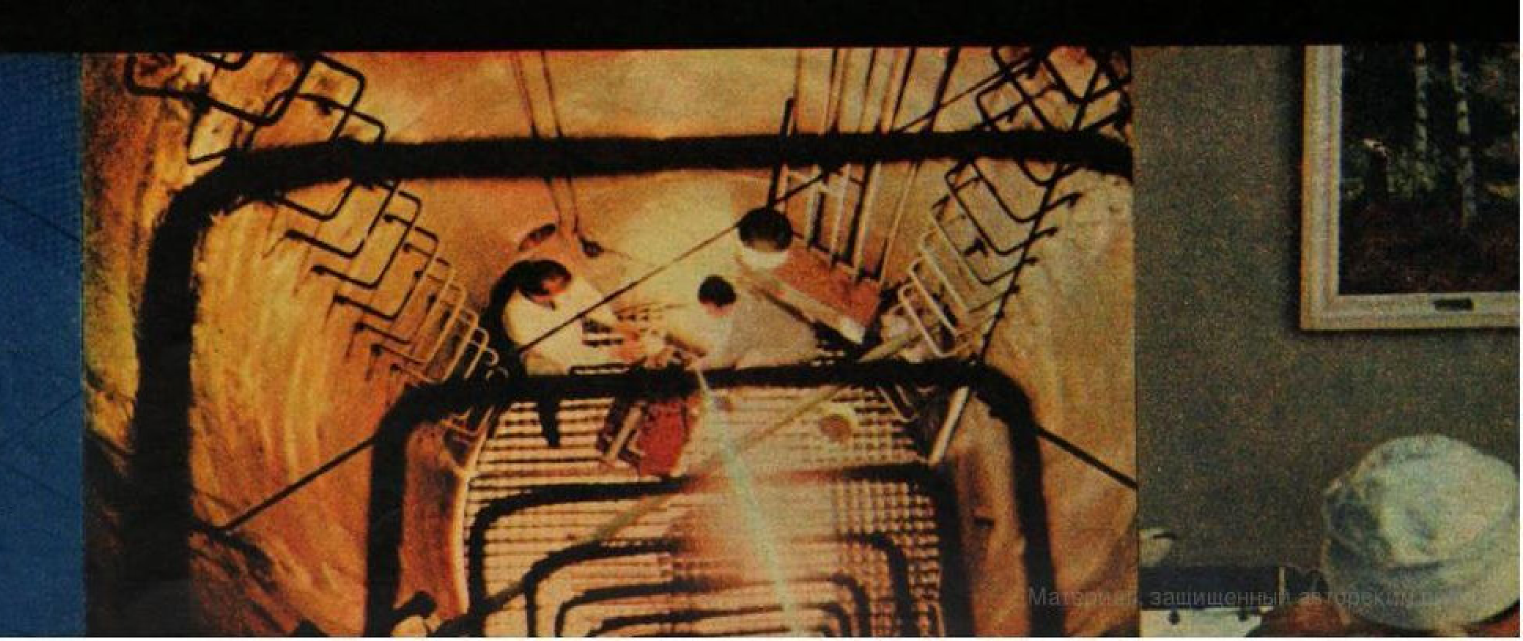
ОГОНЁК

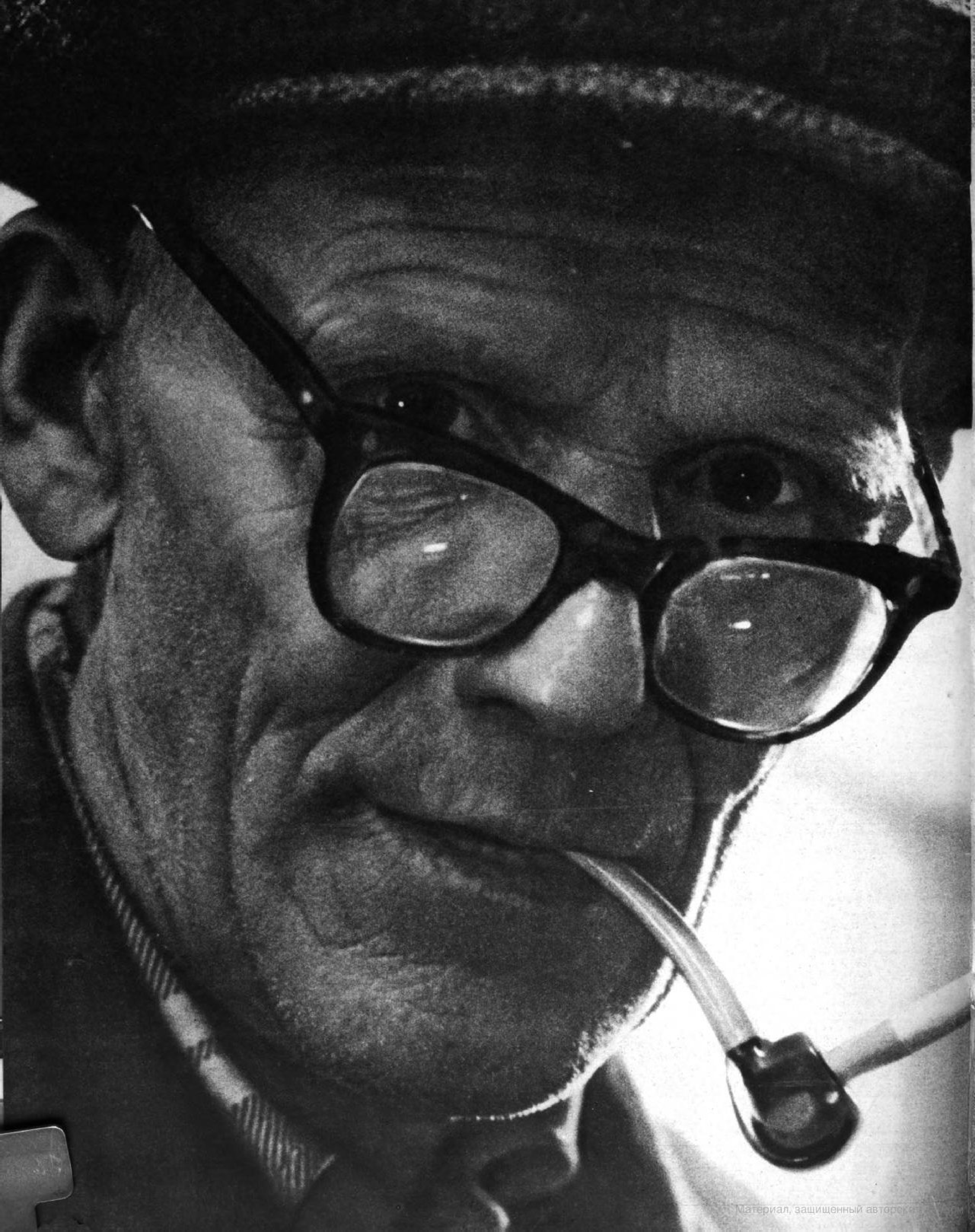
№ 14 МАРТ 1968

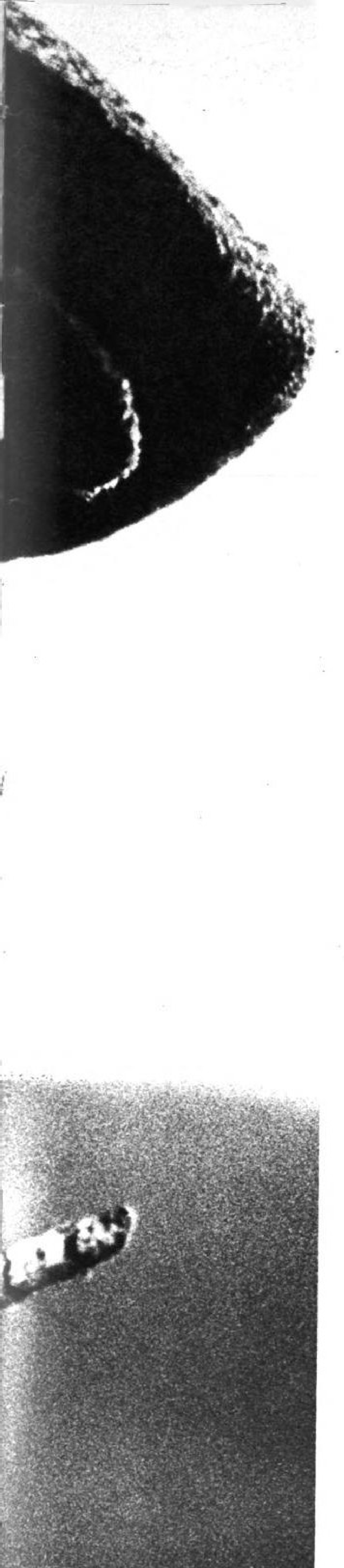
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЖИТЕЛИ ЭТОГО ГОРОДА ПРИГОТОВИЛИ СВОЙ УТРЕННИЙ ЗАВТРАК НА ЭНЕРГИИ РАСЩЕПЛЕННОГО УРАНА.

Материал, защищенный авторским правом

Материал, защищенный авторск

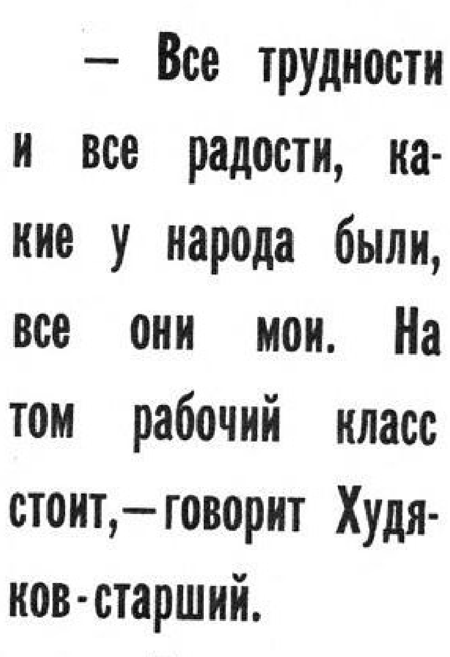
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 14 (2127)

Основан 1 апреля 1923 года

30 МАРТА 1968

— Все трудности и все радости, какие у народа были, все они мои. На том рабочий класс стоит,— говорит Худяков-старший.

— Прав отец,— подтвердили Худяковы-младшие — Виктор, Петр и Лев.

Материал, защищенный авторским правом

Виновник торжества Димка, самый младший Худяков.

Передача для женщин. Худяковы (слева направо): три Тани — техник,

Династия

О. КУПРИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Завод «Станколиния» я знаю, оказывается, с пеленок. И по сей день работают там люди, которые меня нянчили, когда родители уходили в театр, в кино или на учебу. Мне тогда меньше года было. Завод еще назывался не «Станколинией», а «Подъемником». Там работал мой отец. Он был редактором многотиражки.

Алексей Худяков к тому времени уже несколько лет токарил, а сын его Виктор, как и я, не умел еще ходить,— мы одногодки.

Я спросил у отца, помнит ли он Худякова. Нет, не помнит. Худяков — фамилия обычная. Как Иванов. Худяковых в Москве несколько тысяч.

Последний раз на «Станколинии» я был неделю назад. Нынешняя «Станколиния» — родина умнейших автоматических линий для шарикоподшипниковой промышленности и станков высокой точности.

Первое объявление, которое я увидел, была «молния». Она сообщала о том, что еще одна линия, сработанная здесь, награждена золотой медалью Лейпцигской международной ярмарки.

Алексей Антонович Худяков, хоть и появились на заводе сборочные цехи-красавцы, не изменил старому механическому, в который пришел 38 лет назад. Как был токарем, так и остался токарем. Но каким токарем! Король-токарь! Ювелир! Академик! Словом, мастер.

Стоит за станком, точит какой-то большой замысловатый винт и улыбается. Когда резец идет холостым ходом, возвращаясь в рабочее положение, Алексей Антонович этак легонько, даже ласково слегка дует на заготовку. Сдувать, правда, с нее нечего. Потом вновь подводит резец к винту и опять начинает улыбаться. И улыбка точно такая же, какая была полминуты назад.

Это привычка. У талантливых людей привычка — как талисман. Знаменитый в свое время футбольный вратарь Акимов каждый раз, прежде чем выбить мяч в поле, дважды ударял носком бутсы по земле. Худяков улыбается всякий раз, когда резец коснется заготовки.

С Алексеем Антоновичем меня познакомил его сын Виктор, мой одногодок. На заводе он уже восемнадцатый год. Первым учителем был у него отец. Потом были другие — и тут, на заводе, и в техникуме. Сейчас Виктор — заместитель начальника того цеха, где работает его отец.

Станок Худякова-старшего недалеко от двери, ведущей в небольшое помещение, где стоят два координатно-расточных станка. Алексей Антонович в дверь видит только один. Видит, как ладный шевелюристый парень священно-

Материал, защищенный авторским правом

чертежница, швея; Надежда Сергеевна — рабочая; Нина — товаровед; Тоня — инженер.

действует над микронами. Парень этот — его сын Лева. В ремонтном цехе слесарем работает младший — Петр.

На «Станколинии» — мужская династия. На соседнем заводе — женская династия Худяковых: Надежда Сергеевна и дочь Таня.

Дочь Нина нарушила семейную традицию и пошла, как теперь принято говорить, в сферу обслуживания. Впрочем, не столько нарушила, сколько восстановила. Отец и два брата Алексея Антоновича были портными. Так что Нина просто пошла по дедовой и дядиной линии.

— Все трудности и все радости, какие у народа были, все они мои. На том рабочий класс стоит,— говорит Худяков-старший.

— Прав отец,— подтвердили Худяковы-младшие — Виктор, Петр, Лев.

Ничто его не миновало, щедра была к нему жизнь и радостями и бедами.

В двадцать девятом на завод Худякова не взяли. На бирже труда получил он отказ, хотя профессией токаря к тому времени овладел уже неплохо. Не нужны были токари — и точка. Безработица.

Устроился Алексей Антонович в какую-то артель. И то с трудом. Год прошел, страна набирала силы, не стало в Москве биржи труда, и пришел наконец Худяков к токарному станку на «Подъемник». Это в тридцатом.

А в сорок первом ушел добровольцем на фронт. В артиллерию. Наводчиком. С армейской жизнью он впервые познакомился в двадцать седьмом. Сохранилась с того времени фотография — бравый артиллерист на фоне полкового знамени. И грамота уцелела. Там сказано: «Выдана наводчику 5-й батареи Худякову Алексею как награжденному за взятие первенства при проведении индивидуальных военных и строевых состязаний». Подписал грамоту командир артполка Говоров, тот самый Говоров Леонид Александрович, который потом стал Маршалом Советского Союза и действительным членом Академии артиллерийских наук.

Во время Московской битвы Л. А. Говоров командовал войсками на Можайском направлении. И Худяков был там же со своей самоходкой. И подбил там один танк и разворотил одно фашистское орудие.

На Можайском же направлении приняли Худякова в партию.

...Алексей Антонович сейчас на пенсии. В цех пришел поработать на два месяца. Как положено. А может, и больше проработает, хотя это и не положено. В прошлом году именно так и получилось.

Цех к юбилею Октября взял высокие обязательства. Пришел Худяков летом. Дел невпроворот. А станочников не хватает. В объявлении «Требуются...», что у проходной, станочники в первой графе стоят. Два месяца прошло — оглянуться не успел. Попросил продлить срок: «Бесплатно работать буду. Для государства... Для души».

...В прошлую субботу все Худяковы от мала до велика собрались вместе. Младшему внуку Димке стукнуло три года. Судя по подаркам, Димка станет строителем — бульдозеров и подъемных кранов он получил множество. После первого тоста — за виновника торжества — все притихли и посмотрели на деда. А он, красивый, в белой нейлоновой сорочке, в галстуке с блестками, сидел на самом почетном месте. Теперь по традиции должна прозвучать песня, и начинать должен он, глава семьи, недаром еще в армии был запевалой.

Начал Алексей Антонович. Голос у него высокий, сильный. Поет он, как певали раньше рабочие люди. С придыханием, с паузами.

— А ты знаешь,— сказал мне потом Алексей Антонович,— личность твоя мне все-таки знакомая. На отца, видно, похож. На тебя смотрю и его вспоминаю.

А я смотрел на его детей и в них узнавал его самого, советского рабочего, которого не миновала ни одна общая для всего народа радость. И сыновей и дочерей ничто не минует. На том рабочий класс стоит.

ВРЕМЯ, ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ В СТРОКАХ

Перед самым отъездом Советского правительства из Петрограда в Москву Центральный Комитет партии на своем заседании, в котором участвовал В. И. Ленин, обсуждал, в частности, вопрос о переводе газеты «Правда», Центрального органа РКП(б), в Москву и о газете «Петроградская правда», органе Центрального и Петроградского комитетов РКП(б). 2 апреля 1918 года — день рождения родной сестры «Правды». С этого дня и ведет свое летосчисление «Петроградская правда» — с января 1924 года она стала называться «Ленинградской правдой».

У этой газеты яркая боевая история. Полосы «Петроградской правды» хранят немало ленинских писем, обращений, призывов к питерским пролетариям. Особенно берегут ленправдисты номер газеты за 5 ноября 1922 года, где напечатаны теплые ленинские слова, обращенные к журналистам:

«Петроградской Правде»

Дорогие товарищи! От всей души поздравляю вас с пятилетним юбилеем Октябрьской революции и желаю, чтобы мы следующее пятилетие боролись на мирном фронте с таким же успехом, как до сих пор на военном.

С лучшими приветами
и пожеланиями
Ваш В. Ульянов (Ленин).

...Я листаю верстку книги, созданной к полувековому юбилею газеты коллективом ее сотрудников,— «Время, отлитое в строки». Здесь представлено самое интересное, что опубликовано в газете за полвека.

В пору Отечественной войны все девятьсот дней блокады теплом своих слов, идущих от сердца, «Ленинградская правда» согревала голодных людей. Только один раз, когда прекратили подачу электроэнергии, газета не вышла. И жители осажденного города забеспокоились. В те тяжелые дни газета была так же необходима, как и крохотный кусочек хлеба.

...На берегу Фонтанки высится современное, из стекла и бетона здание. Это Дом прессы. Один из этажей его занимает редакция газеты «Ленинградская правда» — самой популярной газеты в городе на Неве. Печатается она в соседних корпусах типографии имени Володарского. Ранним утром сюда тянутся вереницы крытых автомобилей, чтобы увезти к вокзалам, аэропортам, киоскам, почтовым отделениям 428 тысяч экземпляров газеты, которая празднует свой полувековой юбилей.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

Материал, защищенный авторским правом

Последнее поражение Уэстморленда

«Я никогда не бросал работу, не доделав ее до конца. Я не намерен нарушить это правило и теперь».

Эти слова хвастливо и гордо произнес генерал Уэстморленд, командующий вооруженными силами США в Южном Вьетнаме, в конце 1965 года, когда истекал срок его двухгодичной службы в войсках интервентов и вставал вопрос о замене генерала на этом посту. Генерала явно прельщали карьерные перспективы в войне против маленькой страны, и он цеплялся за свой пост. В Белом доме понравилось ревностное отношение Уэстморленда к грязной «работе» интервента, и Вашингтон оставил его в этой должности.

Генерал Уэстморленд стал во главе интервентов еще в 1964 году. Кандидатура Уэстморленда, сменившего незадачливого генерала Харкинса, была не случайной. Он отличился еще в Корее и в свое время был самым молодым генералом в американской армии. В него верили, как в восходящую звезду на американском военном небосклоне. И Уэстморленд лез вон из кожи, чтобы оправдать это доверие.

В Южном Вьетнаме Уэстморленд занимал кучу постов. Помимо непосредственного руководства агрессией, он стоял во главе миссии по осуществлению военной помощи марионеточному правительству Сайгона и числился верховным военным советником при этом правительстве. В сферу его деятельности входило наблюдение за операциями Седьмого флота США и за эффективностью использования американских военных баз в Таиланде.

Стратегия и тактика Уэстморленда в Южном Вьетнаме не отличалась изощренностью. Его лозунгом было — уничтожать всех и вся. В своих донесениях в Вашингтон генерал Уэстморленд играл на двух нотах: он хвастался победами и настойчиво требовал новых порций пушечного мяса. Поддержанный Джонсоном и Макнамарой, Уэстморленд увеличил численность американских войск в Южном Вьетнаме с 16 тысяч до 510 тысяч. Соответственно возросли и преступления, которые совершали американские интервенты по его приказам и под его руководством на земле Вьетнама.

Уэстморленд делал свою «работу» упрямо и исступленно. Он продолжал верить в то, что бомбами, ракетами, напалмом можно утвердить господство США в Юго-Восточной Азии. Еще несколько месяцев назад он обещал, что «годика через два» он уже будет отправлять американских солдат на родину. Еще в самый канун нового года он предсказывал в своем послании в Вашингтон, что 1968 год будет отмечен «американскими победами».

Но ныне все в прошлом для Уэстморленда. Он уже укладывает чемоданы, собираясь уезжать из Вьетнама. Он уже не вспоминает свои слова о том, что привык делать «работу до конца». Его дни как командующего во Вьетнаме сочтены. К этому поражению, которое он потерпел в кабинетах Белого дома, его привели поражения на полях битв.

Уэстморленд не один несет ответственность за преступления в Южном и Северном Вьетнаме. И не ему одному были нанесены поражения. Уже списан со счетов бывший военный министр Макнамара. А в связи с судьбой генерала французская газета «Фигаро» заметила, что Джонсон «не может дезавуировать Уэстморленда, не дезавуировав себя». Джонсон сделал это, признав тем самым и свое поражение.

А. СЕРБИН

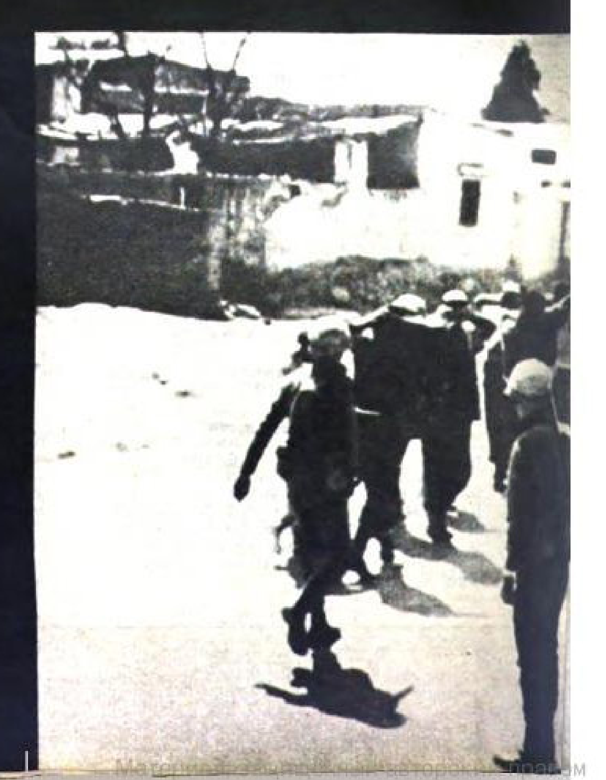

Американские солдаты под Фубаем, спасаясь,

21 марта, нарушив линию прекращения огня, израильские агрессоры перешли реку Иордан и совершили нападение на иорданские населенные пункты. Пятнадцать часов продолжались бои между вооруженными частями интервентов и войсками Иордании. Злодейское нападение не осталось безнаказанным: интервенты потеряли 200 человек убитыми, 45 израильских танков и большое коли-

ищут убежища от огня патриотов.

Техас воюет во Вьетнаме

С примечательными разоблачениями выступила в США группа «умеренных» республиканцев из организации «Рипон Сосаити». Издаваемый этим обществом ежемесячный бюллетень опубликовал недавно доклад, в котором сказано: «Могущественная группа национального руководства, может быть, даже сам президент извлекают огромные личные прибыли от продолжения войны в Азии».

С момента прихода президента Джонсона к власти, указывает бюллетень, происходит значительное увеличение военных заказов техасским компаниям. Во время правления Кеннеди Техас стоял на одиннадцатом месте в стране по количеству военных заказов; сегодня он занимает второе место вслед за Калифорнией, получая более 10 процентов всех заказов военного ведомства США. В Соединенных Штатах сегодня говорят о новом влиятельном средоточии власти, у которого уже есть и свое название — Юго-западный военно-промышленный комплекс.

Техас, родной штат Линдона Джонсона, стал значительным центром военного обучения и производства военного снаряжения. Журнал отмечает, что «положение вещей начало радикально меняться с приходом на пост президента Линдона Джонсона в 1963 году. Курс акций ведущих компаний, расположенных в Техасе или контролируемых оттуда, стал расти сразу после убийства Кеннеди». Критики правительства указывают на еще две весьма специфические тенденции: с одной стороны, очень быстрый прогресс компаний, директора которых считаются друзьями и соратниками президента, а с другой — обогащение семьи президента.

Известно, что семье Джонсонов принадлежит радиостанция «Техас Бродкастинг Компани». Она расположена в городе Остине, в доме, принадлежащем компании «Бразос Тенс Стрит». Многие обозреватели, считает «Рипон Сосаити», уверены в том, что «Бразос» контролируется Джонсонами. «Бразос», в свою очередь, связана с «Брэниф Эрлайнз» — весьма крупной авиационной компанией, получившей немало прибыльных заказов, связанных с войной во Вьетнаме. Благодаря этим заказам акции «Брэниф Эрлайнз» поднялись в цене на 16 пунктов только за два с половиной года после прихода Джонсона к власти. К «Брэниф Эрлайнз» активно подбирается «Линг — Темко — Воут компани» (ЛТВ) — одна из самых быстрорастущих звезд на техасском промышленном небосклоне, увеличившая свои активы в четыре раза за один 1967 год.

Еще один пример. Хьюстонская фирма «Браун энд Рут», близкая к Джонсону, в ходе всей его долгой политической карьеры является, пишет бюллетень, одним из партнеров консорциума, получившего огромный контракт на строительство во Вьетнаме. Наряду с другими «Рипон Сосаити» называет имя одного из самых близких друзей президента — Закари, который отхватил очень выгодный контракт на производство строительных работ в Таиланде.

В свете приведенных фактов «Рипон Сосаити» критикует «склонность правительства Джонсона чрезмерно прислушиваться к частным экономическим интересам при принятии решений в области внешней политики».

«Искусное использование политической власти в целях личной выгоды, конечно,— пишет бюллетень,—имеет много прецедентов в американской истории. Но это вовсе не значит, что мы не должны обратить внимание на деятельность Джонсона и «Техасского комплекса» и влияние этого на Америку и ее внешнеполитический курс».

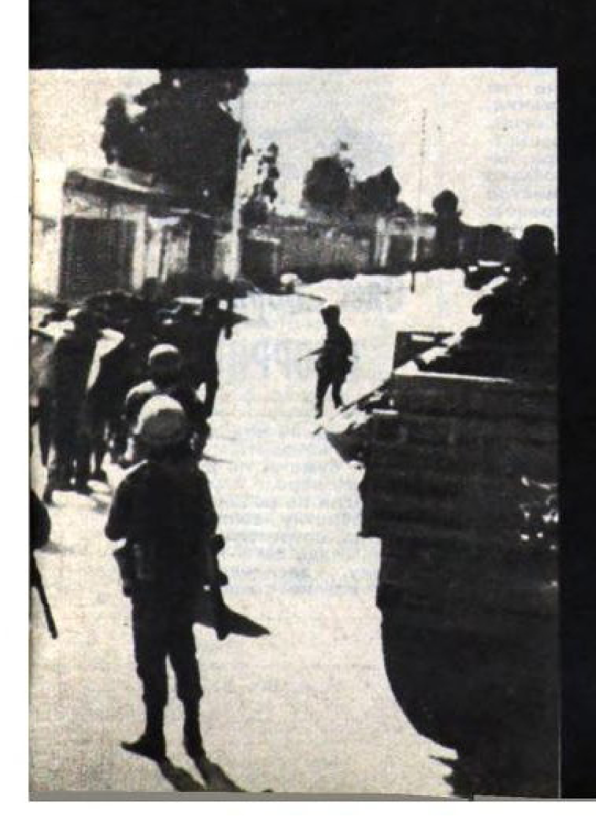
А. ИГНАТОВ

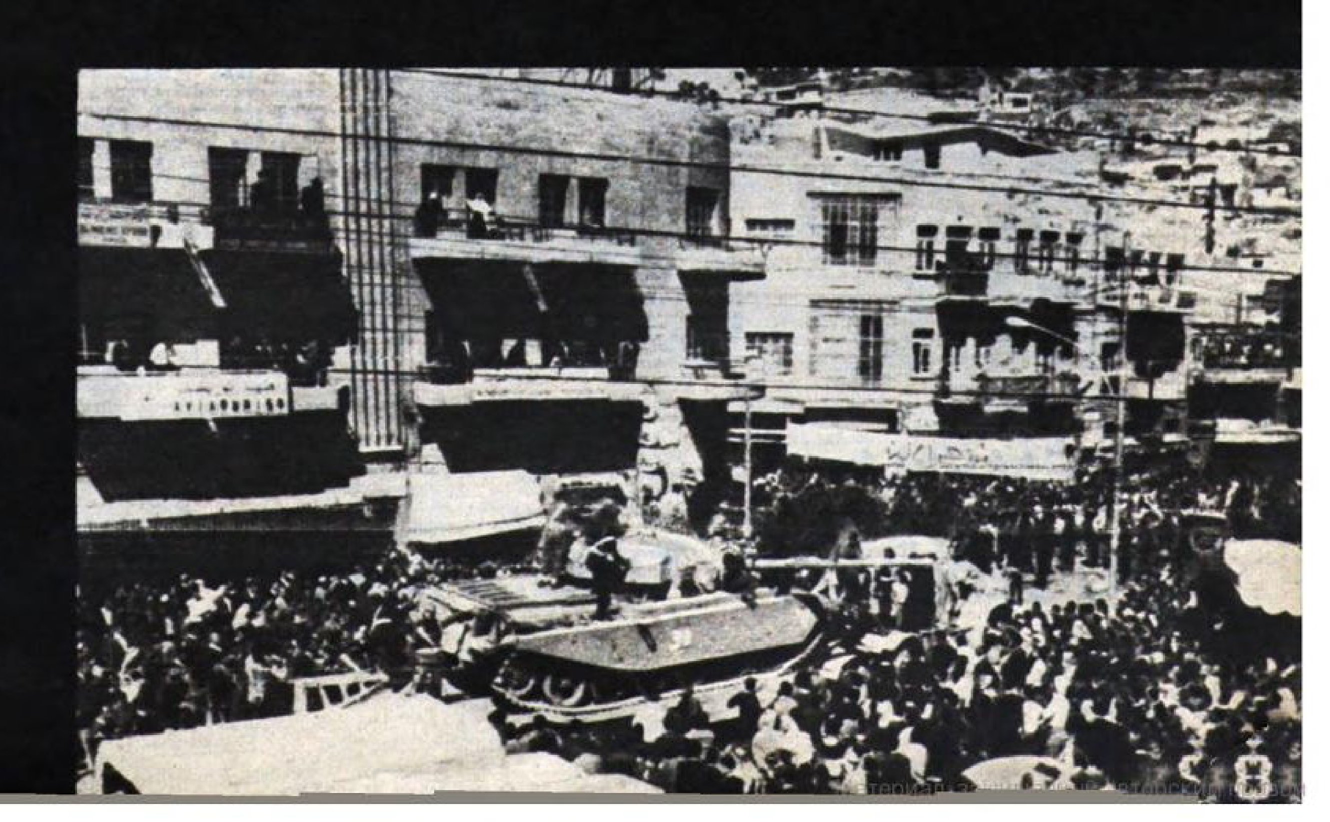
чество бронетранспортеров и автомашин было уничтожено, 5 самолетов сбито. Иорданские войска заставили израильтян убраться восвояси. Однако и после этого зарвавшиеся агрессоры не успокоились. Израильская артиллерия несколько раз обстреливала позиции иорданских частей.

В Нью-Йорке, на заседании Совета Безопасности, вопреки покровительственному отношению к агрессорам со стороны США и других западных держав, было принято решение осудить Израиль за вооруженное нападение на Иорданию. Не в первый раз агрессивные силы Израиля оказываются у позорного столба. Но им неймется. На линии прекращения огня вновь концентрируются израильские вооруженные части. Агрессор упорно продолжает сеять ветер ненависти к себе. А сеющий ветер пожинает бурю.

- Агрессоры на марше.
- Снова дула винтовок направлены на арабов.
- Один из захваченных иорданскими войсками израильских танков был доставлен в Амман.

Фото ЮПИ.

ЗЕМЛИ СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ

Вячеслав КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Узбеки испокон веков говорили: «Где кончается вода, там кончается земля». Но чем дальше голубые стрелы ирригационных каналов вклинивались в засушливые земли, тем чаще во многих местах республики можно было услышать противоположное: «Земля кончается там, где вода начинается...» Решение проблемы большой воды породило проблему большой земли.

Однажды я повез своего товарища, человека приезжего, на Ташкентское море. Было солнечно. Но, когда мы проехали полпути, вдруг упал плотный, мраморный туман. Шофер сбавил ход, включил фары.

— Ну и туманище!— удивлялся гость.— И где? В солнечном Узбекистане! Чудеса...

— Ничего удивительного. Знаешь, сколько водохранилищ у нас понастроили?

— Я слышал, будто и территория растет?.. Соседи, что ли, подкидывают?

Да, Узбекистан действительно как бы становится больше. За последние годы он увеличился на десятки тысяч плодороднейших гектаров, но, разумеется, отнюдь не за счет соседей. Более того, растут и соседи — процесс этот дает себя знать в Туркмении, в Чарджоуском оазисе, на Прикопетдагской равнине, в долине реки Вахш, в приречье Чу...

Откуда же они, эти чудо-гектары? Из самой земли. Точнее — из-под земли.

Дело в том, что в первые годы Советской власти у дехкан едва хватало сил только для того, чтобы напоить землю. Когда же поливной воды стало вдоволь, обильное орошение в ряде мест Средней Азии вызвало резкий подъем грунтовых вод, насыщенных убийственными для плодородной земли солями. Не понизишь уровень этих грунтовых вод — полю погибель, соль съест корни растений. Но чем, как это сделать? Кетменем? Вручную?

Обычным горизонтальным — 3—4 метра вглубь — дренажем некоторые земли не отвоюешь, а отвоюешь — не удержишь. Было ясно: надо забираться поглубже. Но и глубокий примитивный колодец с бадьей на веревке да дедовский чигирь не оружие победы...

Главный инженер современного проекта вертикального дренажа Б. А. Михельсон свидетельствует: «Первые опытные скважины в целях борьбы с засолением земли были построены в Голодной степи, на территории Золотоордынской опытно-мелиоративной станции и Шурузякской депрессии в 1926—1928 годах. Опыт не удался. Вернулись к решению поставленной задачи в Узбекской ССР на новом уровне техники только в 1952 году... В настоящее время проявляется эффективность этого прогрессивного вида дренажных сооружений».

Начальник Главного управления водохозяйственного строительства Узбекской ССР Наджим Рахимович Хамраев очень точно определил суть проблемы.

— Понимаете,— сказал он,— жизнь многих наших земель без глубокого вертикального дренажа — это то же, что жизнь человека без почек!..

В пятьдесят девятом году были закончены первые пять скважин в юго-восточной части города Гулистана, особенно подверженной атакам соленых грунтовых вод. В шестьдесят пятом ввели еще семь. И весь район преобразился. Трудные Шурузякские земли отвоевали с помощью двадцати восьми скважин. А Пахтааральская система со своими семьюдесятью восемью дренажными установками раз и навсегда решила проблему рассоления почти 11 тысяч гектаров угодий совхоза «Пахтаарал»! Уже есть вертикальные дрены в Центральной Фергане и в Бухарской области. В совхозе «Каган» построена система вертикального дренирования, управление которой ведется при помощи телеавтоматики, с кустового пульта. Но особенно большое строительство ныне идет в старой зоне орошения Голодной степи. Здесь к 150 действующим скважинам в нынешнем году присоединится еще 250.

Весне навстречу

СЕМЕНА ПОЛУЧАЮТ ПРОПИСКУ

На столе рядом со снопами пшеницы разложены рядами батоны пышного хлеба, а по соседству яркая мозаика из яблок. Тут же лежат початки кукурузы, коробочки хлопка, кормовая и сахарная свекла, картофель, огромные кочаны капусты.

Все эти образцы сельскохозяйственной продукции привезли с собой съехавшиеся со всех концов Союза в Министерство сельского хозяйства СССР селекционеры и сортоиспытатели. Здесь, на ежегодном пленуме Государственной комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур, подводятся итоги сложной и кропотливой работы селекционеров и дается путевка в жизнь новым, более выгодным и перспективным сортам, выведенным в научно-исследовательских институтах и селекционных станциях.

Создание нового сорта сельскохозяйственной культуры — само по себе дело очень сложное, требующее много времени. Но одно дело — получить новый сорт, другое — внедрить его в производство. Выращенный на опытных участках, он дал высокие показатели, а как поведет себя на других почвах, в других климатических условиях?

...В зале заседания — крупнейшие ученые-селекционеры страны. Они решают, какие из представленных сортов заслуживают внимания, дают им прописку в различных районах Союза.

Свыше десяти тысяч сортов сельскохозяйственных культур испытывалось на полутора тысячах государственных сортоучастков, сообщил председатель Комиссии заместитель министра сельского хозяйства СССР К. С. Назаренко. 17 новых сортов зерновых культур получили право выхода на поля, в том числе озимая пшеница «степова», «саратовская-39» и «джаны-будай». Для ряда сортов, показавших хорошие качества на полях колхозов и совхозов, значительно расширены районы их использования.

Известно: от хороших семян зависит урожай. Поэтому очень важно возможно скорее размножить семена новых сортов и внедрить их в производство. Нужно помочь колхозам и совхозам в короткие сроки перейти на сплошные посевы такими семенами, которые рекомендованы данному району.

О. КНОРРИНГ

Олег Борисович КНОРРИНГ

Последний раз щелкнул затвор «Экзакты», замерло на бумаге, не дописав фразы, перо... Еще вчера он ходил по редакции, читал верстку, сыпал, как всегда, остротами и сетовал: «Надо бы в командировку, засиделся...» И вот его не стало среди

Материал, защищенный авторским правом

— Главное слово о мелиорации,— говорит Наджим Рахимович,— слово, которое мы так ждали, сказал майский Пленум ЦК КПСС в 1966 году. За его решениями — крупные капиталовложения и внимание всей страны. Так что дело за нами... Что нам дает вертикальный дренаж? Каждая скважина в семьдесят метров глубиной — это в среднем 200 надежных гектаров поливной земли. Вот и считайте...

Побываем же на воскрешенных, помолодевших землях.

Наш курс — на Джетысай. Порусски это значит «Семь лощин». В начале 40-х годов эти целинные площади начали осваивать переселенцы из Восточного Казахстана. Нынешний начальник Кировского СМУ Лябай Мусабеков, с которым мы поехали к скважине № 68, хорошо помнит то время. Он начинал здесь орошение первых гектаров. Трудны были они, эти первые: пустошь, бескормица, техники почти никакой — война, 1942-й... Вскоре подоспело время идти Лябаю в военкомат, и он оказался под Ленинградом, в разведроте. Потом одно ранение, другое. Госпитальные койки... Два ордена Славы, медаль «За отвагу»... Это Гатчина, Луга, Синявинские болота...

— В эти бы Синявинские болота да наш дренаж! — озорно воскликнул Мусабеков.— Живо бы Джетысай из них сделали!

За Джетысай у него особая награда — орден Трудового Красного Знамени. Дело в том, что к середине 50-х годов джетысайские орошенные земли засолились, началась почечная болезнь. Вот тогда-то, точнее, в 1958 году, и было положено начало джетысайской вертикально-дренажной эпопее.

А теперь открылись новые перспективы. По пятилетнему плану здесь будет построено более трехсот вертикально-дренажных скважин. Это 59 тысяч полностью, бесповоротно освоенных гектаров! Стоимость одного возрожденного гектара всего 600 рублей. Это в 10 раз дешевле, чем орошение одного гектара целины. При вертикальном дренировании средний прирост урожая на гектар — 4 центнера хлопка-сырца. На 59 тысячах гектаров — это 236 тысяч центнеров. Для выращивания такого количества волокна понадобилось бы 10—11 тысяч новых гектаров! Где их возьмешь?

Вот какова она, зарубка роста за пятилетие только одного массива. А их в Узбекистане вон сколько!

Но вот и скважина № 68. Глубоко внизу, на ее дне, великая труженица — насосная установка. Это сердце вертикальной дрены. Оно стягивает к себе просолившуюся воду с прилегающей земли и выталкивает ее в сбросной канал.

...Идет промывка почвы. На поле возле дороги — половодье. Рабочие совхоза в восторге, помальчишески кидают комья земли в воду, бродят по ней.

— Знаете, сколько воды брошено на гектар? Восемь тысяч кубов!.. А вон там, за дорогой, посмотрите!

Смотрим. Ничего особенного. Земля как земля. Правда, сухая.

— Да там хоть сегодня пахать! Промытое поле, ни солинки! А не будь этих вертикальных — до мая бы сохло!

От собеседников мы узнали, что в результате таких промывок нередко в почве образуется еще и так называемая подушка пресных вод. Тогда из скважины идет совершенно чистая вода, годная и для орошения и даже для питья.

Один совхозный аксакал признательно сказал:

— С утра — никакого аппетита, жить не хочется. Иду на скважину, попью — опять жить хочется!

В 1960 году в Мадриде состоялся IV конгресс по ирригации и дренажу. Специалисты из разных стран говорили о насущных мелиоративных нуждах многих территорий планеты. Причем в ряде случаев именно вертикальный дренаж назывался в качестве радикальной меры.

Прошедшие годы — время интенсивного строительства систем вертикального дренажа в Узбекистане. Поэтому совершенно закономерно, что Международный семинар мелиораторов осенью 1967 года проводился в столице Узбекской ССР — Ташкенте. Всесоюзное же совещание по вертикальному дренажу, состоявшееся в феврале 1968 года, отметило, что 70 процентов работ по улучшению земель этим способом делается в Узбекистане. Да, у нас в республике есть чему поучиться мелиораторам!..

Лябай Мусабеков — начальник Кировского СМУ.

Фото В. Сваричевского.

нас. Не стало Олега Борисовича Кнорринга.

Когда вспоминаешь свершенное им на трудных репортерских дорогах, невольно хочется успеть пройти хотя бы половину их. Горьковский журнал «Наши достижения», «Совхозная газета» и газета «Социалистическое земледелие», ВДНХ и «Московский комсомолец». Фотографии молодого О. Кнорринга все чаще появляются на страницах центральных газет и журналов. А с 1941 года он на долгое время становится военным фотокорреспондентом. Фронтового корреспондента «Красной звезды» хорошо знали участники разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, Сталинградом и на Орловско-Курском направлении. Яркие фотографии с мест боев обошли многие отечественные и зарубежные фотовыставки. С первых до последних дней Великой Отечественной войны Олег Кнорринг — в боевом строю.

В 1945 году О. Б. Кнорринг пришел в коллектив «Огонька». Здесь отшлифовалась еще одна грань его журналистского таланта: он стал писать. Очерки, репортажи, корреспонденции. Он всегда приходил на помощь человеку, попавшему в беду, он страстно любил природу и был среди тех, кто зорко берег ее.

...Неожиданно остановилось сердце нашего товарища. Никогда мы не забудем Олега Кнорринга, боевого советского журналиста.

КОЛЛЕКТИВ «ОГОНЬКА»

Эта медаль выпущена к 100-летию со дня рождения М. Горького в Херингсдорфе, небольшом городке в ГДР, в котором в 1921 году отдыхал писатель. Надпись на лицевой стороне медали гласит: «И все-таки люди со временем будут жить, как братья. М. Горький». Такую именно запись оставил он в книге именитых гостей города.

Жители Херингсдорфа свято чтут места, напоминающие о писателе, открыли в городе музей его имени. А медаль эту привез домой, в Павлово-на-Оке, А. В. Ястребов, слесарь-инструментальщик завода имени М. Горького.

А. ДАВЫДОВ

Александр, Михаил и Дмитрий Петровы.

СЛУЖАТ ТРИ БРАТА

Братья Александр и Михаил Петровы очень похожи друг на друга. И частенько командир отделения младший сержант Тюлюбай Убраев, пряча улыбку, сокрушается: «Кого за службу благодарить, не разберу!»

И когда в отделение перевели третьего брата — Дмитрия Петрова, младший сержант взял его в советчики — близнецов различать.

Хорошо служат братья: на занятиях сметливы, в походах выносливы, на стрельбище с первых очередей поражают мишени...

А уж если среди ночи раздастся сигнал тревоги, они первыми становятся в строй, готовые выполнить приказ командира.

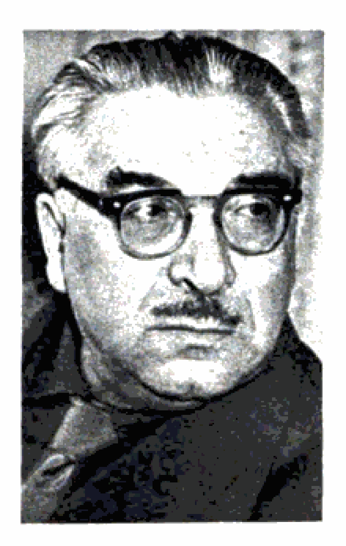
В прошлом все трое — электрики. Служить на Дальний Восток прибыли из небольшой бурятской деревушки Шаралдай.

Крестьяне колхоза «Забайкалец» всегда вспоминают их добрым словом: не было в колхозе лучших работников, чем эти статные ребята. Почти каждую неделю воинам из дому приходят письма. В них добрые вести о колхозной жизни, сельские новости.

И отец Петровых, чабан, ветеран Великой Отечественной войны, награжденный и за мирный труд, никогда не забывает напомнить сыновьям, чтобы служили они по долгу и по совести.

Капитан Юрий ДУРНЕВ

Материал, защищенный авторским правом

Мастер литого слова

Физически люди смертны — эту горестную истину, увы, никто еще не опроверг. Но всякий раз, когда траурная рамка очерчивает живое имя, ее сперва воспринимаешь как злую опечатку, как трагическое недоразумение.

Умер Илья Сельвинский.

Недавно ты получил от него письмо из больницы, излучающее доброту. На днях прочитал в «Огоньке» страницу новых его стихов. А в ближайшее воскресенье собирался навестить его в Переделкине.

И вот все оборвалось.

Невольно вступаешь в область воспоминаний. Возникает скорбная, но широкая возможность охватить эту завершившуюся жизнь целиком.

О, как много она вместила! Крымское детство, пропахшее морской солью и полынью, революционный Севастополь, две войны — гражданскую и Отечественную, ледовый лагерь челюскинцев, мгновенные озарения и каждодневный ритм напряженного, многолетнего труда, высокие удачи и неизбежные издержки, всегдашний поиск и связанный с ним риск, фронтовые ранения и те душевные травмы, без которых немыслимо творчество большого художника. И радость служения своему времени, России, поэзии. Думаешь об этом и начинаешь постигать истинные масштабы потери. И опять предстает перед тобой мастерская поэта, историка, философа, солдата, свободно размещенная во времени и пространстве. Даже не мастерская, а нечто более крупное. Может быть, как у Маяковского,— завод, вырабатывающий счастье. Здесь несколько цехов, в равной степени горячих, озаренных пламенем бессонной плавки. Здесь рождается та бесценная и многообразная продукция слова.

Сколько оставил нам Сельвинский — один из открывателей и первопроходцев советской поэзии!

Эпос — от «Улялаевщины» до «Арктики», поэтическая драматургия — от «Командарма 2» до «Большого Кирилла», боевая публицистика, достигающая таких вершин, как «Я это видел!» и «Баллада о ленинизме», лирика — от сверкающих юношеских признаний до поздних раздумий, исполненных мудрости и силы, виртуозные переводы, теоретические изыскания, наконец, весомая проза.

И еще один цех действовал многие годы — студия стиха в Литературном институте, где Илья Львович растил новых мастеров...

Прощальное слово трудно произносить, еще труднее его кончить — ведь за этим следует расставание.

Но самую мысль о разлуке отвергают стихи Ильи Сельвинского:

Поэзия! Ты — служба крови!
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

НАДЕЖНЫЙ ЩИТ РОДИНЫ

Служу Советскому Союзу! Авторы сценария Н. Грибачев, И. Стаднюк. Режиссеры В. Бойков, Б. Небылицкий. Главные операторы М. Ощурков, Е. Яцун. Главный консультант генерал-полковник В. Комаров. Композитор Ю. Чичков. Центральная ордена Красного Знамени студия документальных фильмов. Москва. 1968 год.

Генерал-майор
В. РЯБОВ

Наша кинопублицистика обогатилась новым цветным фильмом «Служу Советскому Союзу!». Выпущенная на экраны страны в канун 50-летия Вооруженных Сил СССР и посвященная этому знаменательному событию, картина получила широкое признание зрителей. И вполне заслуженно. Ее нельзя смотреть без волнения и гордости за нашу могущественную армию, созданную великим Лениным, партией коммунистов для защиты завоеваний Октября.

В основу фильма положены документальные кинокадры, отснятые на крупном военном учении «Днепр», проведенном Министерством обороны СССР осенью 1967 года. С первых и до последних кадров фильм захватывает, увлекает значительностью содержания, динамикой событий, высоким операторским искусством, удачным музыкальным сопровождением.

Показу современных Вооруженных Сил в фильме предпосланы архивные кинокадры. Мы видим В. И. Ленина среди красноармейцев, громивших интервентов и белогвардейцев на фронтах гражданской войны. Перед зрителем — незабываемые события мая 1945 года: взятие рейхстага, а затем Нюрнбергский процесс — справедливое возмездие народов фашистским преступникам.

— Когда пал Берлин и суд народов вынес приговор фашизму,— слышим мы голос диктора,— человечество надеялось, что разум восторжествовал, что наступила пора мирного сева и созидания. Но, надругавшись над людскими надеждами, попирая законы разума и совести во имя своей власти и прибылей, американские империалисты пулей, штыком, напалмом, бомбами пытаются насаждать порядки своего так называемого «свободного мира».

На экране американские самолеты, сбрасывающие бомбы на города и деревни Вьетнама. Взрывы. Взрывы. Взрывы. Плачет девочка, скорбит мать. Израильские самолеты над толпами бегущих арабов. Фашистские флаги над колонной истошно орущих неонацистов. Свастика на стене.

Люди, будьте бдительны! Остановите преступную руку агрессора, не дайте снова выползти из своих нор фашистским недобиткам! Мир под угрозой.

Американский империализм не всесилен. Его жандармская спесь и военная наглость получают достойный отпор мужественного народа Вьетнама. Падает горящий самолет, сраженный огнем зенитчиков. Летит ракета, и стервятника настигает заслуженная кара.

...В кинокадре трибуна Кремлевского Дворца съездов. На юбилейном торжественном заседании выступает Л. И. Брежнев. Хорошо зная агрессивную природу империализма, говорит он, наша партия считает необходимым, чтобы мирная политика Советского Союза подкреплялась его несокрушимой оборонной мощью.

По Красной площади проходят новейшие танки. Идут грозные для агрессоров советские ракеты. Демонстрация мощи родины Октября внушает врагам трепет. Юбилейный военный парад английская газета «Дейли миррор» назвала «Днем славы России».

Советская Армия создана народом, его творческим разумом, его золотыми руками. Свою несокрушимую силу она умеет показать не только на военных парадах, но и в самых сложных условиях современного боя, на полях больших учений, в обстановке, близкой к боевой.

Сигнал «Тревога!». Офицер у пульта. Танкисты садятся в машины, летчики — в самолеты. Двинулись в путь ракеты. А вот эта — баллистическая, межконтинентальная — в глубокой шахте, готовая поразить цель за тридевять земель.

Сентябрьской ночью прошлого года начались большие учения под кодовым названием «Днепр». Были приведены в действие войска Прикарпатского, Белорусского и некоторых других военных округов, воздушно-десантные войска и войска противовоздушной обороны страны. Условно разделенные на «восточных» и «западных», они в течение нескольких дней вели учебные сражения по всем правилам современной военной науки, с применением большого количества новой боевой техники.

Быстроходные бронетранспортеры, могучие танки, сверхзвуковые реактивные самолеты-ракетоносцы, новейшая техника десантников, инженерных войск, средства наблюдения, разведки и связи, основанные на достижениях электроники,— все это в широких масштабах представлено в фильме. Представлено в динамике постоянно меняющейся обстановки — в обороне, наступлении, при встречном бое, контрударах. Днем и ночью.

Величественную картину массового форсирования Днепра танками и бронетранспортерами нельзя смотреть без волнения. С таким же чувством зритель знакомится с кадрами, показывающими выброску крупных десантов с вертолетов и самолетов, сноровистость, быстроту, ошеломляющую дерзость действий «крылатой пехоты», оснащенной самоходками, пушками, мощными тягачами.

Техника. Техника. Техника. Но приводят ее в действие, применяют в соответствии с обстановкой на поле «боя» люди, наши замечательные воины, безгранично верные Родине, делу коммунизма, священному солдатскому долгу. Только в таком неразрывном единстве, при решающей роли человека, сильного духом и телом, возможен успех в современном бою. Это убедительно было доказано на учении «Днепр» и прекрасно показано в фильме.

Мужественные, волевые, вместе с тем простые и близкие сердцу лица солдат, сержантов, офицеров и генералов — участников учений, их самоотверженные, глубоко осмысленные, умелые действия в сложной обстановке оставляют неизгладимое впечатление, воодушевляют зрителя.

Кадры кинохроники запечатлели волнующие встречи участников учений с населением Белоруссии и Украины. В сердечных объятиях, душевных улыбках, цветах — горячая любовь и уважение народа к своим славным сынам, твердая вера в то, что у нашей Родины защита прочная, надежная.

После учений мы видим часть войск на военном параде в Киеве. Товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин поздравляют воинов с успешным окончанием учения. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко в своей речи на параде отметил, что учение явилось отчетом нашей армии перед своим народом, перед Коммунистической партией и ее ленинским Центральным Комитетом. Оно показало высокое мастерство командно-политических кадров и штабов, хорошую полевую выучку войск, крепкие морально-боевые качества солдат, сержантов, офицеров и генералов, их готовность выполнить самые сложные и ответственные боевые задачи.

Наши Армия и Флот имеют все необходимое, чтобы с честью отстоять завоевания Великого Октября и вместе с армиями стран Варшавского договора и других социалистических стран нанести сокрушительное поражение тому, кто попытается посягнуть на свободу и независимость народов социалистического содружества.

Да, у нас есть что защищать, есть чем защищать и есть кому защищать родину Октября. Как бы в подтверждение этого заключительные кадры фильма показывают боевую мощь современного Военно-Морского Флота, оснащенного подводными атомоходами и надводными кораблями-ракетоносцами, а также могучую технику наших Военно-Воздушных Сил и Войск ПВО страны. И все это служит делу защиты мира, служит Советскому Союзу.

Материал, защищенный авторским правом

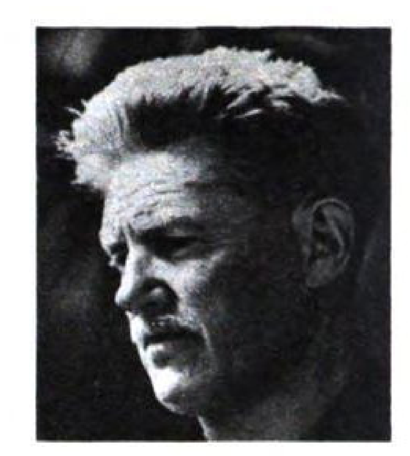
Кадры из фильма «Служу Советскому Союзу».

Материал, защищенный авторским правом

Кадры из фильма «Служу Советскому Союзу».

СВЕТЛЫЕ РОДНИКИ ТВОРЧЕСТВА

К 60-летию со дня рождения В. Закруткина

На берегу Дона, в станице Кочетовской, вот уж двадцать лет живет Виталий Закруткин. Здесь написаны основные его произведения: «Плавучая станица», «Сотворение мира», «Подсолнух» — и множество других рассказов, очерков, статей... Ничто не могло остановить его переезда сюда: ни уютная городская квартира с налаженным бытом, ни привычная работа доцента Ростовского университета. Бросил все, что издавна окружало его. Начал все сначала. Как только Виталий Александрович почувствовал в себе тягу к художественному творчеству, он переехал сюда, поближе к своим героям, поближе к земле. И вот уж двадцать лет на берегу Дона стоит его дом. И, несмотря на это, писатель в курсе всех событий литературной жизни. То его вызывают в Москву как секретаря правления Союза писателей РСФСР, то в Ростов — как депутата областного Совета или как члена правления местного отделения Союза писателей, то приглашают на читательскую конференцию.

Виталий Закруткин — человек страстный, горячий, он весь, без остатка отдается делу, завладевшему им. Депутатские дела отнимают много времени, но без этого общения с людьми он уже не представляет своей жизни. Вот жители хутора Молчановского несколько лет назад пожаловались ему, что электричество провели только в одну половину хутора, оставив вторую с керосиновыми лампами. Писали в районную газету. Не помогло. После вмешательства депутата В. Закруткина и вторая половина хутора осветилась электричеством. Вроде бы эпизод, частный случай. Но сколько вот таких частных случаев в его депутатской практике!

А вот письма...

Кто только не пишет ему! Историки, колхозники, учителя, рабочие, библиотекари, учащиеся, студенты... Читатель «Литературной газеты», прочитав статью о Закруткине, вспомнил своего первого школьного учителя: «Всякий раз, когда в печати я встречал Ваше имя, предо мной возникал образ моего первого школьного учителя русского языка Закруткина Александра Михайловича...»

У писателя много друзей. Тот, у кого доброе и отзывчивое сердце, никогда не останется одиноким. Всюду он желанный гость, а уж когда у него бывают гости, он хлебосольный и гостеприимный хозяин. Вот почему с такой теплотой и горячей любовью говорят о нем все, кто хорошо его знает. С любовью и сердечностью отзывается о нем Михаил Шолохов как о «замечательном парне» и «талантливом писателе». В дарственной надписи, которую сделал великий художник на «Поднятой целине», он написал: «Одному из самых родных моему сердцу друзей по войне и писательскому творчеству,— Виталию Закруткину,— которого крепко, по-мужски люблю и в которого столь же крепко верю,— с сердечным приветом М. Шолохов. 7.5.60. Ростов-на-Дону». На автора «Сотворения мира» обратил внимание и скуповатый на похвалы Сергеев-Ценский: «Что касается русской литературы, то, не говоря уж, конечно, о Шолохове, я бы назвал Закруткина. Талант большой, самобытный и, понимаете, глубокий. Он жизнь знает и язык народа чувствует. Это художник...»

Глубокую человечность всего облика Виталия Закруткина отмечают все, кто его знает. И эта черта проявляется во всем его творчестве. О чем бы ни писал В. Закруткин — о войне ли, оставившей неизгладимый след в памяти народной, о преодолении послевоенных трудностей и противоречий или о «сотворении мира» после Великой Октябрьской революции,— всюду и во всем на первом плане стоит человек, гордый в своей независимости, цельный в своей неподкупности, мужественный в преодолении своих противоречий и страстей. В каждом его произведении — судьбы людские, счастливые и несчастные, полные неожиданных поворотов, падений и подвигов, простые и сложные, как сама жизнь.

«Человек на войне» и «человек и земля» — вот две центральные проблемы творчества Виталия Закруткина. В прошлом году он опубликовал вторую книгу «Сотворения мира». Как и в первой книге, В. Закруткин на широком историческом фоне повествует здесь о жизни семьи Ставровых. События происходят во Франции, Германии, России. Действующие лица прежние — Дмитрий Ставров и его дети, семья Солодовых, Долотов и Длугач, Максим Селищев и Гурий Крайнов. Из новых действующих лиц удачен образ Петра Бармина, молодого отпрыска русских князей, оказавшегося по воле судьбы во Франции, тоскующего по России.

Центральное место в развитии сюжета второй книги занимают, естественно, события, связанные с коллективизацией в деревне. Правдиво, без утайки и малейшей фальши В. Закруткин повествует о драматических событиях, связанных с раскулачиванием. Вместе с враждебно настроенными к Советской власти кулаками раскулаченными оказывались и честные трудяги, такие, например, как Тимоха Шелюгин из Огнищанки. Встреча Длугача с Шелюгиным накануне раскулачивания — одна из центральных и, пожалуй, лучших сцен во второй книге романа. Длугач прав: Советская власть карает Тимофея Шелюгина не как огнищанского гражданина, а как представителя класса кулаков («Тут класс на класс войной пошел, и замирения промеж них не будет»).

Хочется верить, что глубокий и светлый родник настоящей поэзии в творчестве Виталия Закруткина еще долгие годы будет радовать нас своим полновесным народным словом.

Виктор ПЕТЕЛИН

ПИСАТЕЛИ КНИГИ

КНИГИ О ЛЮБИМОМ ГЕРОЕ

К 60-летию со дня рождения С. Сартакова

Сергей Венедиктович Сартаков пришел в литературу, что называется, из самой глубины жизни. С десяти лет будущий писатель начал трудиться, перепробовал многие профессии — охотился, добывал кедровый орех, гнал деготь, был плотником и столяром. Несмотря на тяжелые испытания жизни, трепетной любовью полюбил он свой родной таежный край — Сибирь, которой впоследствии посвятил свои лучшие книги.

В 1938 году в «Сборнике начинающих писателей Красноярского края» был напечатан первый рассказ С. Сартакова «Алексей Худоногов», названный по имени главного героя — мужественного сибиряка, самобытного русского умельца. Сама жизнь продолжила биографию Алексея Худоногова: в годы Великой Отечественной войны раскрылись новые черты характера героя-патриота, со всей отвагой молодости принявшего непосредственное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Фронтовые подвиги Алексея и были запечатлены в повести «Каменный фундамент».

Плодотворное влияние на творчество молодого писателя и на всю последующую его литературную работу оказало творчество М. Горького: произведения великого художника, особенно революционно-романтические, увлекли его своим гуманистическим смыслом, необыкновенной щедростью яркого и многоцветного слова. Огромная сила воздействия горьковских художественных принципов особенно сказалась на образной системе «Хребтов Саянских» — эпопеи, над которой писатель работал около 18 лет.

Г. Марков об этом крупнейшем произведении С. Сартакова справедливо писал в 1956 году в «Правде»: «Самое ценное в романе Сартакова состоит в изображении представителей народных низов. Автор тщательно прослеживает появление первых проблесков общественного самосознания у лучших сынов и дочерей нарождавшегося в Сибири рабочего класса».

В этой эпопее писатель предстал как сложившийся, самобытный мастер: романтически приподнятый тон повествования естественно и своеобразно сочетается в нем с живой разговорной интонацией диалогов, величественные картины суровой северной природы, так любовно и увлекательно выписанные, составляют единое композиционное целое с отличными зарисовками народного быта.

Писатель вновь и вновь обращается к современности, совершает поездки по стране, изучает то новое, что появилось в жизни народа в социалистическую эпоху. Круг его наблюдений непрерывно расширяется.

Одну за другой писатель создает книги, в которых изображается трудовой подвиг советской молодежи. Глубиной проникновения во внутренний мир героев отличаются повести С. Сартакова «Горный ветер», «Не отдавай королеву», «Козья морда», составляющие сюжетно-тематическую общность. Они насыщены героической романтикой нашей жизни и дают читателю живое, глубинное представление о формировании характера молодого современника в трудовом коллективе. С. Сартаков любит этого героя, живет с ним одной жизнью, выражая смысл его дел и поисков, зревшую нравственную силу.

В повести «Не отдавай королеву» насыщенные раздумья, внутренние монологи главного героя в сочетании с показом активной деятельности этого обаятельного энтузиаста создают живой образ нового человека. Форма лирического дневника помогает писателю социально-общественные конфликты включить в нравственно-психологическую сферу.

Герои большого социально-художественного воздействия находятся в центре действия и таких произведений С. Сартакова, как роман «Ледяной клад», повесть «Капитан ближнего плавания». Нисколько не преуменьшая трудности, с которыми сталкиваются герои, изображая жизнь во всей ее сложности, писатель на первый план выдвигает то прекрасное, что определяет сущность социалистического коллектива: трудовую романтику, целеустремленность, красоту и благородство в личных взаимоотношениях.

Новая книга Сергея Сартакова «Первая встреча» — значительный вклад писателя в Лениниану. В ней рассказывается о жизни В. И. Ленина в годы его сибирской ссылки; и в Питере, в Финляндии, после возвращения из первой эмиграции; и в Париже, во второй эмиграции; и в победные годы Октября. С особенной силой подчеркиваются здесь простота, человечность вождя революции. Живое и яркое воплощение получили здесь характеры и судьбы близких Владимиру Ильичу людей, его соратников, честно пронесших через все сложности политической борьбы ленинское знамя.

С. Сартаков полон творческих замыслов. На его писательском столе лежат отредактированные первые главы нового романа о И. Ф. Дубровинском (Иннокентии) — соратнике В. И. Ленина по женевской эмиграции. Напряженно работает художник над окончанием своего историко-революционного романа «Философский камень», первая часть которого была хорошо принята читателями.

Новые книги — жизнь и работа талантливого писателя.

С ленинской, партийной правдой в сердце С. Сартаков прошел славный путь творческих побед, на этом пути его ждут новые свершения. Главная книга его впереди! Пусть же исполнятся желания писателя, чьи произведения подтверждают богатство литературы социалистического реализма.

А. ВЛАСЕНКО

Материал, защищенный авторским правом

МЕРТВАЯ

Юрий ЖУКОВ

Глухой, холодный, мокрый вечер. Мертвенно-белые лучи от фар нашего автобуса с трудом пробивают тугую пелену свирепого зимнего дождя. За нею скорее угадываются, чем видятся, призрачные горы громадных столетних терриконов. Как солдаты на плацу, выстроились в бесконечную шеренгу утомительно похожие друг на друга, темные, островерхие, в одно-два слепых окошка домики неведомых шахтерских поселков — один в один. Все словно вымерло.

Наш водитель, спокойный, даже немного флегматичный лондонец, на сей раз немного встревожен: ему никак не удается разыскать шахту, куда мы держим путь. Между прочим, у шахты совершенно неожиданное для русского уха название — Кум. Конечно, на древнем валлийском языке это слово имеет совсем иной смысл, нежели на русском. Но наша гидесса Нина Васильевна Мак-Кларедж, уверяющая всех, что она прямой потомок княжны Таракановой, не сильна в валлийском и на вопрос, что это значит, лишь пожимает плечами. Мы умолкаем.

Мы — это советские обитатели британского двухосного ноева ковчега, уже целую неделю путешествующие по залитым водой, извилистым и узким дорогам Южного Уэльса. Люди подобрались очень разные, но, как говорится, компанейские: научные работники, журналисты, композитор, искусствовед, агроном и даже совсем молоденькая учительница из белорусской деревни, впервые выехавшая в столь дальнюю туристскую поездку (она и в Москве-то по пути в Англию оказалась в первый раз и на самолете летела в первый раз в жизни). Чудесная это пора, когда все на свете совершаешь впервые...

Надсадно рычит мотор, жалобно позванивают под ударами шквального ветра стекла. Все песни перепеты, все истории рассказаны. Теперь уже каждый пассажир знает, например, что Нина Васильевна брала уроки танца у самой мисс Кшесинской, приятельницы его величества, и сама была балериной, пока не вышла замуж за английского искусствоведа, а теперь вот работает гидом. Ну что ж, помолчим, пока наш водитель разыщет шахту с забавным названием Кум. А тем временем, откинувшись на спинку кресла, я перебираю в памяти, как цветные камушки, пестрые впечатления этих дней...

Лондон, залитый таким неожиданным для зимней поры солнцем. Его новые, американизированные кварталы с небоскребами, столь неожиданно врывающимися в чинный городской пейзаж викторианской эпохи. Сумасшедшая улочка модников Карнэби-стрит: в витринах кителя с накладными карманами из золотой парчи, бархатные кепки и дамские лакированные ботфорты. Старые знакомые: столетние вороны в крепости Тауэр, официально зачисленные на пожизненное довольствие. Смена караула у Букингэмского дворца под веселый мотив Моцарта: «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный... не пора ли мужчиною стать». Удивительный рынок старинных вещей и безделушек, заполненный волосатыми, оборванными хиппи — они здесь поют, играют, подторговывают самодельными игрушками, а некий верзила, подняв в левой руке красную книжку, басит на весь базар: «А ну, кому идеи Мао Цзэ-дуна? Пять пенсов за штуку...»

Все это туристская экзотика. Она, как пыль, оседает в памяти. Куда ярче, интереснее встречи, беседы со старыми и новыми знакомыми — английскими журналистами, парламентариями, общественными деятелями! Ну, хотя бы вот этот разговор — с ветераном английской журналистики Филиппом Прайсом, которого беспокойная судьба занесла еще в 1915 году в Россию: он брал интервью у великого князя Николая Николаевича, у Гучкова, у Милюкова; потом была Февральская революция, и Прайс интервьюировал Керенского; потом грянул Октябрь, и он, как аккуратный корреспондент «Манчестер гардиан», давал отчет о заседании II Всероссийского съезда Советов, где выступал Ленин, встречался с Лениным, писал о Ленине; потом началась гражданская война, и Прайс опять и опять писал в свою газету обо всем, что видел... Обязательно надо будет подробно рассказать об этой встрече!..

После Лондона был поезд, который вез нас на крайний юго-запад страны,— этакий тихоходный, старомодный британский поезд. И опять неожиданное знакомство: молодая негритянская чета из Нигерии (он рабочий, она продавщица, по вечерам оба учатся). Он хочет стать кинорепортером, она счетоводом. Кончат учиться — вернутся в Лагос. А пока что жизнь несладкая. Вот сейчас по случаю выходного дня едут в какой-то дальний промышленный городок навестить своего младенца, отданного на воспитание в рабочую семью. С них за это берут там полтора фунта стерлингов в неделю — дешевле, чем в Лондоне. Своего ребенка папа и мама видят редко: железнодорожные билеты дороги.

Узнав, что мы из Москвы, наши спутники оживляются. К нам, конечно, тысячи вопросов. Завязывается долгий разговор о Советском Союзе, об Африке, о Вьетнаме, о судьбах мира. «Я люблю вашу страну,— вдруг говорит нигериец,— она хорошо помогает тем, кто отстаивает свою независимость». Тут же выясняется, что у него есть земляки в Москве — учатся в университете Лумумбы. А он туда не попал. Такая жалость...

И вот уже Кардиф. И сразу же на вокзале новое интересное знакомство: нас встречает стройный, подтянутый человек, в котором сразу же угадывается бывший военный,— это мистер Эрик Грин, инженер страховой компании, в прошлом моряк, водивший в годы войны корабли из Англии в Мурманск по морям, кишевшим гитлеровскими подводными лодками. С той поры он наш друг. И такой же друг его жена, невысокая, поразительно подвижная и постоянно пребывающая в состоянии какого-то невероятного кипения энергии, неунывающая Юнис. Для всех остается тайной, как она ухитряется одновременно вести огромную общественную работу, участвовать во всех антивоенных демонстрациях, воспитывать четверых детей, выращивать цветы у своего домика и читать уйму книг, чтобы знать все на свете.

В Кардифе я был двадцать два года тому назад — 17 ноября 1945 года. Приезжал туда из Лондона, чтобы описать прогремевший тогда на всю матушку Россию футбольный матч «Динамо» против одной из самых сильных в то время в Великобритании команд — «Кардиф-сити» (наши футболисты выиграли его тогда с невероятным счетом — 10 : 1). Это был приятный для нас день. Как ни любили валлийцы свою команду, их симпатии решительно были на стороне советских футболистов,— всего полгода отделяло нас от дня победы над гитлеровской Германией, и на стенах Кардифа еще не были стерты надписи «Доброй жизни, Красная Армия!». Над воротами стадиона реяли три больших флага: бело-зеленый с красным силуэтом дракона — уэльский, красный — СССР и британский; на трибунах пели «Полюшко-поле», продавцы бойко торговали бело-голубыми розетками — цвета «Динамо»— и газетой «Совьет ньюс».

Помню, мой сосед, валлийский шахтер, отчаянный футбольный болельщик, держа в руках самодельный альбом с вырезанными из газет портретами наших игроков, то и дело просил меня указать, кто из них где на поле. А в перерыве между двумя таймами он охотно и подробно рассказывал о своей жизни, о том, как трудно быть шахтером в Уэльсе: шахты старые, выработанные, пока доберешься до забоя — задохнешься, а там мокро, работать тяжело. Хозяева не хотят вкладывать капитал в реконструкцию: говорят, невыгодно. Многие шахты закрываются...

— Но, кажется, все это уже в прошлом,— вдруг переходил он на обнадеживающий тон.— Теперь, когда мы провалили на выборах консерваторов, дела пойдут лучше. Лейбористы обещали национализировать шахты. Они, конечно, воспользуются советским опытом: ведь мы с вами союзники.

Мне не хотелось разочаровывать своего собеседника, и я вежливо промолчал. С тех пор прошло два с лишним десятилетия. Люди, интересующиеся Англией, знают, что надежды шахтеров Уэльса, проголосовавших в тысяча девятьсот сорок пятом году за лейбористов, не сбылись. Правда, лейбористское правительство Эттли действительно национализировало угольную промышленность. Но что это была за национализация! Хозяева получили за свои старые, никуда не годные шахты — это произошло два года спустя, в 1947 году,— огромную компенсацию: четыреста миллионов фунтов стерлингов. А на новые капиталовложения средств уже не хватило. Правительство, видимо, не сумело, а быть может, и не захотело сделать свою угольную промышленность передовой. Во всяком случае, об использовании советского опыта не могло быть и речи. Лейбористское правительство быстро забыло о том, что Англия была союзницей СССР. Великобритания готовилась стать членом антисоветского военного блока...

Какой же он, Кардиф, сегодня, спустя двадцать два года? Внешне город изменился мало. Над ним по-прежнему доминирует большой, хорошо сохранившийся замок, обнесенный высокой зубчатой стеной. Руины зданий, разбитых гитлеровской «люфтваффе», конечно, уже разобраны — здесь разрушений было меньше, чем в Лондоне. Но новых строек я что-то не заметил. Вот только реклам, пожалуй, прибавилось. Однако они не в состоянии вернуть городу тот неповторимый климат оптимизма и надежды, которым жил он вместе со всей страной в ту памятную осень тысяча девятьсот сорок пятого года.

С той поры не раз менялись правительства Великобритании — лейбористов сменили консерваторы, на смену консерваторам опять пришли лейбористы,— а судьбы Южного Уэльса, былой «черной жемчужины» британской короны, не только не улучшились, но, напротив, ухудшились. Невидимая мертвая рука все жестче и жестче сжимает горло этому краю.

Когда-то именно здесь, в Южном Уэльсе, билось сердце промышленной Англии. Именно здесь были сосредоточены ее сила и могущество. Век стали, пара и электричества беспощадно вытеснил из этих красивейших долин патриархальщину. Я помню великолепный фильм Джона Форда «Как зелена была моя долина». В нем с суровым и бескомпромиссным реализмом было показано вторжение промышленного капитализма в деревенский рай. Погибала зелень, погребенная под отвалами штыба. Дым и копоть застилали землю. Рушились и перестраивались семейные отношения. Люди погибали. И над всем этим высилось капище современного Молоха, страшного идола, в жертву которому были принесены зеленые долины Британии.

Материал, защищенный авторским правом

РУКА

Но вот жрецы этого Молоха опустошили богатые недра Южного Уэльса; старые терриконы понемногу начинают зарастать травой; рудникам и металлургическим заводам оказывается все труднее выдерживать конкуренцию с зарубежными фирмами — средств на модернизацию ни государство, ни частные компании не отпускают, и вот все вокруг начинает мертветь...

Вчера мы были в Суонси. Двести лет назад этот полуостров, глубоко врезавшийся в море, гремел на весь мир — здесь зарождалось индустриальное могущество страны. Уже в четырнадцатом веке тут начали добывать каменный уголь, а в 1717 году Суонси стал металлургическим центром. Тут привыкли к слову «первый»: отсюда британские корабли увозили в самом начале восемнадцатого века первую английскую медь (руду добывали рядом, в Корнуэлсе, а металл из нее выплавляли здесь); потом здесь же начали плавить первое английское олово; в тысяча семьсот девяностом году в Суонси соорудили первый маяк, а в тысяча восемьсот четвертом построили первую железную дорогу длиною в пять километров, между прочим, она просуществовала более полутораста лет. Еще в 1961 году ее забавные вагончики, теша туристов, бегали вокруг порта.

Суонси процветал и богател. Подумать только: здесь добывали не только олово, но серебро, золото, кобальт, никель, цинк! В 1876 году начали плавить сталь. Когда медная руда в Корнуэлсе кончилась, ее начали привозить из Африки: ведь рабский труд туземцев был так дешев, что высокие транспортные расходы окупались с лихвой.

Огненные печи индустриального Молоха пылали все жарче, и шахтеры едва поспевали снабжать их рудой — в радиусе шестидесяти километров было выкопано пятьсот шестьдесят шахт. Серо-желтая отработанная порода наступала на зеленые долины и горы. Леса редели, исчезали совсем. Все меньше оставалось привольных лугов. Но рудники и заводы давали людям работу, и все реже вспоминали здесь, что когда-то, в самом начале восемнадцатого века, в Суонси, представьте, был фешенебельный курорт лондонской знати. Сама мысль о том, что здесь, где круглые сутки полыхало пламя раскаленных печей и ядовитый голубой дым стелился по черной земле, когда-то можно было отдыхать, казалась людям смешной и нелепой.

И вдруг все это кончилось, словно оборвалась туго натянутая струна, и настала тишина. Только построенный в 1921 году англо-иранской компанией нефтеперегонный завод поддерживает индустриальную жизнь в Суонси. Он перерабатывает восемь миллионов тонн нефти в год. Обрушились и заросли травой старинные горные выработки. Уцелели лишь немногие шахты. Еще действует машиностроительный завод. Он построен на американские деньги. Сохранился заводик медного литья. А что делать людям? Чуть ли не каждый десятый здесь безработный.

Тихо, очень тихо в Суонси. Группа друзей принимала нас в пустынном, холодном кафе на берегу морского залива. Грохотал пенистый прибой, ветер расшвыривал по серому пляжу забытые шезлонги, в окна не переставая стучал надоедливый дождь. На дороге ни одного автобуса, ни одной машины: кому, кроме русских, придет в голову совершать туристские поездки в такую непогодь? Впрочем, солнце и летом в Южный Уэльс заглядывает редко.

— Не сезон,— глухо сказал, отставляя чашечку с кофе, Ричард Смэйл, секретарь общества. Он вслепую пошарил по столу, отыскивая пакет с сигаретами,— шальной удар мяча в лицо лишил его, великолепного спортсмена, зрения, и он никак не мог свыкнуться с внезапной переменой в своем существовании.— Не сезон,— повторил он.— Слишком тихо...

Мы помолчали. Ветер ударил снова по стеклам, и они жалобно застонали.

— Есть люди,— сказал Смэйл,— которые говорят, что Екклезиаст был прав, когда проповедовал: ветер возвращается на круги своя,— все в мире развивается по кругу. Был Суонси морским курортом, и быть ему курортом снова. Но куда деть город со стосемидесятитысячным населением, куда деть бесчисленные горняцкие поселки, чем занять людей? В 1720 году, когда Суонси был курортом, постоянное население здесь составляло всего пять тысяч человек, и всем хватало работы. А сейчас?..

— Деревья возвращаются на наши холмы,— откликнулся муниципальный инженер Джон Бизли.— Говорят, что Суонси хотят превратить в заповедник. Здесь можно создать национальный парк. Сохранились руины замка Анри Бомонда. Он был построен норманнами еще в 1099 году. Будут ездить сюда туристы. Когда дождь перестает, здесь не так уж неуютно...

— А что делать нашим рабочим? Куда им деваться?

Снова возникла долгая, мучительная пауза. Опять появилось неотступно преследовавшее нас в эти дни ощущение, будто людям здесь не хватает воздуха,— невидимая мертвая рука душила их, сжимая все туже свои ледяные пальцы...

Но наш водитель, кажется, разыскал-таки путь к шахте по имени Кум: острее стал чувствоваться специфический сладковато-горький душок, столь хорошо знакомый каждому, кому довелось побывать, скажем, в Донбассе или в любом другом горняцком краю. В сумерках чаще замелькали темно-серые шахтерские домишки. Еще один крутой поворот — и перед нами скромное невысокое здание, похожее на придорожный ресторанчик. Это клуб, построенный на шиллинги, собранные самими шахтерами.

Шахтеры Южного Уэльса — общительный народ. Они любят вечерком после работы, отмыв у себя на кухне въедливую черную угольную пыль и переодевшись, собраться вместе, чтобы посудачить за кружкой пива, сыграть в кости, попеть старинные песни, потанцевать или поглядеть кинокартину. А сегодня к тому же не частая оказия: встреча с советскими людьми. Поэтому в баре клуба — наиболее оживленном его уголке — не протолкнешься: заняты все столики, люди сидят вплотную друг к другу на скамьях вдоль стен, толпятся в проходах. Появление гостей встречается одобрительным гулом.

Какие все же крепкие и могучие эти парни, валлийские шахтеры! Широкоплечие, большерукие, они как будто бы не очень ловко чувствуют себя в своих праздничных черных костюмах, надетых по случаю выходного дня (свитер был бы сподручнее),— богатырские бицепсы, словно чугунные шары, перекатываются, раздувая рукава. Перед каждым — гигантская кружка, вмещающая добрых две пинты черного портера или эля. Мы сразу же попадаем в крепкие объятия этих богатырей, и вот уже пиво и перед нами, и начинается неизбежная долгая беседа на тему «у нас и у них» — людям всегда хочется разузнать получше, как живут человеки по ту сторону границы, разделяющей миры.

Впрочем, мы сразу же обнаруживаем, что горняки шахты Кум достаточно осведомлены о нашей стране. Видите ли, жизнь устроена так, что, пока у шахтера есть работа, ему не так уж плохо живется (средний заработок — 20 фунтов стерлингов и 6 шиллингов в неделю), и те, кто умеет жить экономно, могут себе позволить такую роскошь, как, например, поездка в Советский Союз. Но вот когда работы у тебя нет, тут твое дело швах. В таком трудном положении оказались уже очень многие в окрестных поселках: шахты закрываются одна за другой. А вот Кум, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, пока еще процветает.

Шахта эта существует уже пятьдесят пять лет, но своих горных запасов она еще до конца не выработала. Здесь лучший в мире коксующийся уголь, а рядом его потребитель — металлургический завод. В работе восемь пластов. Полторы тысячи шахтеров добывают три тысячи тонн угля в сутки — как видите, производительность труда отличная, и шахта способна выдержать любую конкуренцию. А сейчас проводится реконструкция, и Кум станет давать шесть тысяч тонн угля в сутки. Таких благополучных шахт в Южном Уэльсе осталось уже немного, и горняки Кума с тревогой прислушиваются к известиям о закрытии горных разработок, о массовых увольнениях рабочих, о росте безработицы повсюду.

Секретарь профсоюза Гаррисон — сам он шахтер — рассказывает мне, что в мае 1965 года на конференции шахтеров Южного Уэльса председатель этого союза Уильям Уайтхэд обнародовал страшные цифры: с 1947 года в Англии закрылось четыреста четыре шахты, и число горняков, работающих в этом краю, уменьшилось до шестидесяти девяти тысяч человек. Он сказал, что это самая низкая цифра за сто лет. А к августу 1967 года на работе оставалось еще меньше шахтеров: всего пятьдесят семь тысяч.

Администрация утверждает, что у нее нет никакой возможности сохранить и эту численность горняков: потребление угля в Англии падает (на смену твердому топливу идет газ); с другой стороны, все усиливается механизация, и машина отбирает работу у человека. Говорят, надо уходить с шахт и искать другую работу. Легко сказать! А где ее найдешь, эту работу? Да если и найдешь, как освоишь новую специальность после того, как двадцать — тридцать лет привыкал к своему шахтерскому делу?

Особенно трудно приходится пожилым шахтерам. Под землей они цари и боги — мастера своего дела. А у проходной какой-нибудь фабричонки, где приходится клянчить хоть какую-нибудь работу после того, как пришлось расстаться с шахтой, это лишь жалкие пятидесятилетние старики, не имеющие никакой квалификации. Их нужно начинать учить с азов. А какой хозяин на это пойдет? Он предпочтет нанять молодого парня...

Правда, пятидесятипятилетнему шахтеру, который непрерывно проработал двадцать лет, получая за свой труд пятнадцать — двадцать фунтов стерлингов в неделю, и вдруг оказался без работы, выплатят выходное пособие — 405 фунтов. Но, скажите на милость, кто возьмет на работу пятидесятипятилетнего старика? В течение двенадцати месяцев он будет еще получать пособие по безработице: 7 фунтов 6 шиллингов в неделю. А потом, когда ему исполнится уже пятьдесят шесть лет? Ложись и помирай?..

Утопающий, как говорится, хватается и за соломинку. И вот старики начинают осаждать кабинеты врачей. Пока работали, они скрывали свои болезни, боясь увольнения. Теперь же каждый рад получить свидетельство о страшной шахтерской болезни — силикозе, которым поражены почти все они: уэльские шахты очень пыльные, а техника безопасности поставлена плохо. Справка о неизлечимой болезни дает право на повышение жалкого и недолговременного пособия на двадцать процентов. Ну что ж, хотя бы это...

И еще одно: предположим даже, что на твою долю выпадает нечто вроде счастливого билета в лотерее — для тебя найдется работа где-нибудь в Шотландии или в другом районе. Легко ли будет расстаться с родным краем? О, речь не идет, конечно, о каких-то сентиментальных чувствах, о кровных, родственных узах и прочем таком, хотя и это имеет значение для пожилого человека. Нет, наши собеседники имеют в виду куда более прозаические вещи. Видите ли, в былые времена, когда еще никто не мог себе представить, что за беда стрясется с Уэльсом, люди стали брать ипотечные займы для того, чтобы приобрести в собственность старенькие домики, в которых с незапамятных времен селила шахтеров горнорудная компания. Зачем это они делали? Уж очень хотелось

Материал, защищенный авторским правом

отделаться от навязчивого чувства страха и неуверенности в завтрашнем дне: пока работаешь, все хорошо, а уволят тебя — убирайся вон из хозяйского дома.

Ну вот, худо ли, хорошо ли, но очень многие стали теми, кто на казенном языке именуется «owner occupiers» — «собственниками, занимающими жилище» (ведь есть и другие — богатые — собственники, которые в своих домах не живут, а сдают их в аренду). Они выплачивали заем в течение многих лет, многие и сейчас продолжают его выплачивать, и «собственный дом», как громко именуется какая-нибудь дряхлая хижина,— это все, что приобрел шахтер за всю свою жизнь.

Так как же теперь ему быть? Вы скажете: продать дом и уехать на все четыре стороны? А где вы найдете дурака, который захочет сейчас покупать эти домишки в умирающей провинции? Вот и остаются старики доживать свой век в опустевших поселках, утративших смысл существования. Пока что они проедают выходные пособия и пособия по безработице. А завтра? Авось, господь бог смилуется и возьмет старцев на небо...

— Ну, вы зря впадаете в пессимизм, господа,— вдруг вмешивается в разговор заглянувший в бар по случаю приезда советских гостей представитель администрации, молодой, щеголевато одетый господинчик.— В конце концов нельзя же остановить технический прогресс. Реконверсия неизбежна. О стариках же должны заботиться дети. К тому же для нашей шахты Кум эта проблема носит чисто умозрительный характер: наш великолепный уголь идет нарасхват...

— Друзья, друзья,— вмешивается в разговор наша гидесса, потомок княжны Таракановой.— Ну что же это вы занялись такой серьезной материей? В зале уже танцуют. А вы знаете, как танцуют в Уэльсе?

О, в танцах ученица балерины Кшесинской знает толк...

Мы на несколько минут выходим в зал. Там действительно шахтерская молодежь вовсю отплясывает и старинные и новые танцы — все подряд, вперемежку,— пыль стоит столбом. Но нам все же хочется продолжить завязавшийся было разговор по душам, и мы вскоре возвращаемся в бар, где воздух стал еще более сизым от многих десятков табачных горняцких трубок.

Теперь речь идет уже не о Южном Уэльсе, а о нашей стране. Шахтеры рассказывают нам о том, как в 1964 году они приплыли к нам на теплоходе «Балтика»— ездили сразу четыреста рабочих. До чего же интересное было путешествие! Как много тогда узнали шахтеры об удивительной большевистской стране, о которой газеты пишут так много и все по-разному. А один из шахтеров Кума с какой-то делегацией еще в 1961 году добрался до самого Кузбасса и поглядел, как там добывают уголек...

Вдруг снова появляется служащий администрации. Его лицо светится: о, какой великолепный сюрприз приготовил он советским гостям! Знают ли они, что здесь, на шахте Кум, работает их земляк — да, да, настоящий земляк, мистер Костьютшок,— простите, у русских такие трудные имена... К нам уже протискивается бочком улыбающийся дяденька в таком же, как у всех шахтеров, темном костюме, с цепочкой от часов поперек жилетки.

— Не-е,— говорит он,— я просто Костючок. Я ж с-под Сарн. С-под самой старой границы. Ах, боже ж мой, так вы, значит, правду с Москвы? Ну, як же ж оно там?..

Чувствуется, что наш неожиданный собеседник действительно взволнован этой встречей — он не видел советских людей, наверное, лет пятнадцать — двадцать. Но его что-то связывает, и он вдруг, не дожидаясь ответа на свое всеобъемлющее и, наверное, искреннее «як же ж оно там», вдруг, мешая русские, украинские и английские слова, начинает барабанить, словно выученный урок, рассказ о том, как хорошо живется рабочему человеку в Великобритании. Служащий компании внимательно глядит на него. Шахтеры, сидящие рядом, прислушиваясь к отдельным английским словам, вылетающим изо рта у Костючка, догадываются, о чем идет речь, и тихо посмеиваются.

Костючок докладывает, что он, как справный бурильщик, «выколачивает» — он вспомнил это старое русское словечко — 22 фунта стерлингов в неделю, да жена его, «английская баба», как он сказал, приносит домой шесть фунтов — «она в магазине торгует», да дочка — юниор секрэтери — «Ну, младшая секретарша по-вашему» — зарабатывает пять фунтов. В общем, с голоду Костючок со своей «английской бабой» и английской дочкой, конечно, не умирает,— он даже домик приобрел в рассрочку. Вот кара, конечно, нет — «кар — это по-ихнему автомобиль»,— на кар духу не хватает, но можно и без него прожить...

Слова у Костючка бодрые, солидные, как его цепочка от часов на животе, но в серых, тусклых глазах у него светится какая-то неизбывная тоска, и этот контраст так силен, что я, может быть, не очень вежливо обрываю его заученный рассказ и попросту спрашиваю своего бывшего соотечественника, каким ветром его занесло в Южный Уэльс.

Костючок усаживается поудобнее и выкладывает свою автобиографию, которой хватило бы на добрую повесть: как он перед войной приехал работать в Донбасс, как стал шахтером; все вроде бы шло ладно, работал он на шахте 4-бис у Луганска, но вот по молодости лет малость свихнулся, стал прогуливать, связался с нехорошими людьми, попал в тюрьму; отсидел семь месяцев — выпустили, а тут война. Мобилизация.

В это время генерал Андерс начал формировать свою польскую армию. Костючок знал польский язык, и его взяли туда. Андерс, отказавшись воевать на Восточном фронте, увел армию за границу — сначала в Иран, потом еще дальше. Так наш Костючок попал в Африку, а оттуда в Италию. Там воевал...

Наступил мир — стала решаться судьба уцелевших солдат: куда ехать? В Советский Союз? Офицеры стращали: тем, кто служил у Андерса, там не жить. В Польшу? Говорили, что там все разрушено, к тому же у Костючка в Польше — ни родных, ни знакомых. Андерс объявил: я сам еду в Англию, и всем, кто отправится со мной, будет гарантирована работа и приличная жизнь. А может быть, армия Андерса еще и придет из Англии в Польшу, как к себе домой...

— Это он думал, что Миколайчик там старый режим сделает. Не-е,— певуче протянул Костючок.— Спервоначалу, в общем, было ничего, хотя ночью все наша Украина снилась. Нашел бабу, не-е... Пошли дети рождаться... Работа нашлась,— я ж к шахтерскому делу был еще в Донбассе приучен... Думал так: подзаработаю деньжонок, возвернусь все-таки в Сарны, не-е... Писал домой. Ответа не было. Потом отписали из сельсовета: никого из Костючков живых нету... И вот теперь Костючок вроде английский гражданин, не-е...

Он горестно умолк, и всю его напускную бодрость, с которой он к нам подходил полчаса назад, словно ветром сдуло. Он сидел молча, понурый, глядел на дно опустевшей пивной кружки, словно забыв о том, где находится. Все-таки по ночам ему, наверное и теперь снится Украина.

— Друзья, друзья,— снова вмешалась неутомимая Нина Васильевна Мак-Кларедж,— ну что вы притихли? Давайте споем. Господа, наши советские гости никогда, наверное, не слыхали наших замечательных уэльских песен. Споемте, споемте, господа!..

Шахтеры не заставили себя уговаривать. Положив руки на плечи друг другу так, что образовалась длинная неразрывная цепь, они запели низкими бархатными голосами протяжный величавый гимн, покачиваясь то вправо, то влево. Мы не могли разобрать слов — шахтеры пели на древнем валлийском языке, но сердце подсказывало, что речь идет об их прекрасной зеленой стране, о трудной жизни рабочего человека, о величии его труда, о дружбе и солидарности пролетариев.

— Это наш рабочий гимн,— сказал мой сосед,— мы всегда его поем, когда собираемся вместе...

И долго еще звучали в тот вечер песни в прокуренном баре шахтерского клуба. Шахтеры пели свои песни, мы — свои, потом все вместе пели «Подмосковные вечера» — кто на свете их не знает? И даже оживившийся под конец Костючок начал подпевать, мешая английские слова с русскими, когда кто-то из наших вдруг запел довоенную песенку из фильма «Дети капитана Гранта».

Пришло время уезжать, и все высыпали под дождь на улицу. Развеселившиеся шахтеры протяжно басили, имитируя кондукторов: «Автобус Кум — Москва. Первая остановка Кардиф, далее везде...», «Автобус Кум — Ленинград. Первая остановка Кардиф, далее везде...» Шахта Кум, ярко освещенная электрическими огнями, еще шумела и грохотала. Здесь еще теплилась жизнь. Но все вокруг нее было погружено в чернильный мрак — мертвая рука неизлечимой экономической болезни уже задушила окрестные рудники, и темные, словно вымершие поселки, по которым мчался наш автобус, рассекая глубокие лужи, не подавали никаких признаков жизни...

Последний вечер в Кардифе... Опять льет надоедливый дождь. В тусклом свете фонарей блестят, сверкая, словно глыбы антрацита, мокрые камни древних стен замка. Сущее божье наказание этот зимний ливень. Уже реки вышли из берегов. Уже эвакуированы из затопленных домов триста семей. Сегодня детей во многие школы возили на лодках.

Наш автобус держит курс к скромному домику в предместье Кардифа, где живут наши друзья Эрик и Юнис Грин,— это последняя встреча с ними. Мокнут под ледяным дождем яркие цветы на клумбах перед домом, по земле стелется густой желтоватый дымок, льющийся из кирпичной трубы. Эрик уже разжег камин: какая же встреча в Англии обходится без камина!

На кухне хлопочет, вскрывая банки с пивом, капитан Принс, друг Грина, семидесятивосьмилетний гигант, которого годы никак не берут. Постукивая в такт своей деревянной ногой, он мурлычет могучим басом какую-то песенку, и даже от этого мурлыканья дрожат стекла в окнах. Капитан Принс, оставивший ногу на поле боя под Верденом в 1916 году,— председатель Кардифского отделения Британского легиона, организации ветеранов, но нет, пожалуй, во всем Южном Уэльсе человека миролюбивее его.

Узнав, что руководитель нашей группы полковник в отставке Никитин, такой же миролюбивый человек, как и он сам, коллекционирует старинные воинские знаки отличия, Принс приволок ему целую груду потемневших от времени орденов и медалей — за англо-бурскую войну, за войну в Бирме, за войны в Индии. Тех англичан, что носили их, зря пролив свою кровь в этих дальних странах, давно уже нет в живых, и знаки эти — лишь немой укор тем, кто и в двадцатом веке хотел бы вести себя так, словно на дворе еще девятнадцатый...

Юнис и Эрик угощают гостей, кое-как разместившихся на старых креслицах, стульях, табуретках, а то и просто на полу, поближе к огню. Идет долгая оживленная беседа о том, что мы увидели и узнали за эти дни, о сложных международных делах нашего времени, о трудных проблемах Южного Уэльса. Отец Эрика, восьмидесятилетний, седой как лунь ветеран рабочего движения — он и до сих пор ведет активную общественную жизнь,— рассказывает все новые и новые истории о том, как шахтеры борются за свои права. Он хорошо помнит великую забастовку 1926 года, когда русские рабочие пришли на помощь британским горнякам, вступившим в жестокое единоборство с хозяевами. С той поры и тянется ниточка дружбы между Южным Уэльсом и Советским Союзом...

Потом молодежь уходит в соседнюю комнату — там крутят на патефоне вперемежку советские и английские пластинки и идет пляс. К молодежи присоединяются капитан Принс и дедушка Грин. Они запевают дуэтом народные баллады — дедушка высоко тянет своим старческим тенором, капитан наводняет домик громовыми раскатами своего офицерского баса.

Теперь они начинают учить нашу молодежь забавному танцу «Йоки-токи» — деревянная нога не мешает Принсу выделывать забавные коленца. «Йоки-токи» надо одновременно плясать и петь, добавляя после каждого куплета строчку из церковного песнопения «Глори, глори, аллилуйя». Вот уж где раздолье для капитана! Он самозабвенно горланит этот припев, словно команду на учебном

Материал, защищенный авторским правом

плацу, завершая победоносным громовым выкриком «Йя!» и притопыванием деревянной ногой...

А мы с Эриком сидим вдвоем у камина и продолжаем нескончаемый разговор о судьбах Южного Уэльса, схваченного мертвой рукой.

— Вот любопытный документ,— говорит мне Эрик, беря со стола брошюрку. — Это — заявление председателя Национального совета по угледобывающей промышленности лорда Робинза, с которым он выступил после консультаций с министром по делам энергетики. Эти консультации состоялись в мае и в середине ноября 1967 года. Некоторые цифры вам будут интересны. В августе 1967 года у нас в угольной промышленности оставалось 398 тысяч человек. Записали? Триста девяносто восемь. Ну вот, а к 1975 году будет всего 237 тысяч. Двести тридцать семь. Но и это еще не все. К 1980 году во всей угольной промышленности Англии останется каких-нибудь 65 тысяч рабочих. Только шестьдесят пять! Это значит, что уже в ближайшие восемь лет из каждых трех горняков двое станут безработными, а к 1980 году только один шахтер из семи все еще будет иметь работу. Что же касается Южного Уэльса, то наш край вообще превратится в промышленное кладбище. Уже через пять лет окажутся лишними тридцать тысяч из работающих ныне пятидесяти семи тысяч, а к 1980 году на работе останутся лишь девять тысяч...

Эрик потянулся к коробке с сигаретами и, нервно чиркнув спичкой, закурил. У меня перед глазами встали здоровые крепкие парни с шахты Кум, с которыми мы толковали накануне, и среди них человек с наигранной веселостью и пустыми пугливыми глазами — заблудившийся в чужих краях Костючок. Ему сейчас лет сорок пять. Какая же судьба ждет его в угасающем Южном Уэльсе?

— Доклад лорда Робинза вызвал большой шум,— продолжал Эрик.— Буквально через несколько дней правительство опубликовало Белую книгу по вопросам топливной политики. И, представьте себе, официальный правительственный документ полностью подтвердил правильность расчетов, приведенных Робинзом. Так люди узнали правду о судьбе, которая ждет наш край.

Мы помолчали. Из-за стены донесся могучий рык капитана Принса:

— Глори, глори, аллилуй-я-а!..

— Капитан может довольствоваться своей скромной военной пенсией — в конце концов много ли человеку нужно на исходе восьмого десятка,— сказал Эрик.— Но как быть тысячам шахтерских семей, которые вдруг окажутся на краю пропасти? Куда идти великолепным мастерам своего дела — квалифицированным машинистам врубовых машин, бурильщикам, горным мастерам, которые до сих пор жили безбедно, обзавелись домами, вырастили детей? Переучиваться на подметальщиков улиц, поступать в сторожа мертвых поселков?..

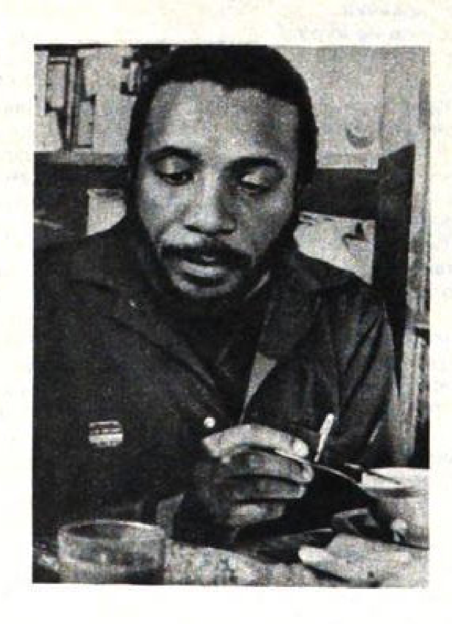
Страшная это вещь — смерть. Даже когда умирает один человек, его кончина действует угнетающе на окружающих. Но когда умирает целый край — это еще страшнее...

Кардиф — Москва.

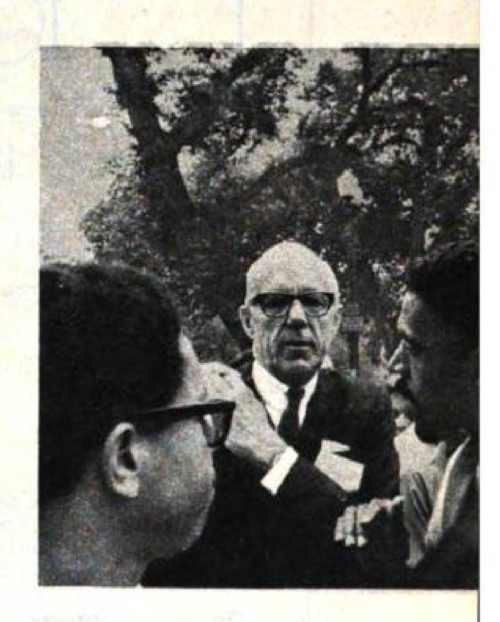

Кхесань. Уже много недель не сходит это слово со страниц газет. Здесь, на самом севере Южного Вьетнама, в 25 километрах от демилитаризованной зоны и всего в 16 километрах от лаосской границы, уже много дней идут бои. Около шести тысяч американо-сайгонских солдат держат глухую оборону. Где былые разговоры о «доблестных морских пехотинцах, преследующих врага повсюду»! Накрывшись мешками с песком, вояки вкапываются в землю от непрерывных огневых налетов Армии Освобождения. «Жизнь на этой базе подобна аду»,— пишет о положении в Кхесани французский журнал «Пари-матч».

Эскалация агрессии во Вьетнаме вызывает все большее недовольство американского общественного мнения. Недавно противники внешней политики Джонсона решили выдвинуть кандидатами на посты президента и вице-президента США на предстоящих выборах Дика Грегори и Бенджамена Спока. Дик Грегори — популярный негритянский артист — уже второй раз проводит сейчас голодовку в знак протеста против американской агрессии. Знаменитому детскому доктору Бенджамену Споку, как известно, угрожает судебный процесс за участие в кампании против призыва молодежи в армию. И хотя ни Грегори, ни Спок практически не имеют возможности быть избранными в условиях американской «демократии», само их выдвижение свидетельствует о нежелании прогрессивных американцев поддерживать авантюры своего правительства.

Недавно при проведении раскопок в окрестностях Неаполя было обнаружено несколько отлично сохранившихся мраморных статуй и среди них статуя императора Веспасиана, которой насчитывается уже около 1 900 лет.

Весь мир возмущен расправой над родезийцами, учиненной расистским режимом Яна Смита. На снимке: демонстрация кенийцев около здания английского представительства в Найроби.

Фото ЮПИ.

Алексей МАРКОВ

Новые стихи

Подарок

Ты вошла. В глазах твоих смешинки.
Легкие смахнул я с плеч пушинки.
Словно нынче тополиный пух
Носится по улицам вокруг!

Поцелуем согреваю руки,
Пахнущие холодом разлуки,
Вглядываюсь в милые черты
И теряюсь между «вы» и «ты»!

...Ну, а я — нигде вот не бываю..
Про тебя немного забываю!
Хорошо, что ты пришла сама.
Хорошо, что белая зима...

А в глазах — горят, горят смешинки...
На ресницах — талые снежинки.
Вестницею света и тепла
Снова поманила, повела
Свежестью, уже полузабытой,
Нежностью, когда-то мной убитой...

С возвращеньем, русская зима!
Хорошо, что ты пришла сама!..

* * *

Время — это скульптор,
Лепит наши души.
Каждая минута
Строит или рушит.
Все, чем в жизни грезим —
Радости и стоны,—
Скажется в разрезе
Глаз настороженных,
Скажется в прожилках
Рук, пропахших дымом,
В убежденьях пылких
И непримиримых.
В скулах, твердо сжатых,
По которым били,
В поступи крылатой
И в плечистой силе!
И в посадке прочной
Головы без блажи,
В седине досрочной
Скульптор свое скажет!
Нажитое нами
Переходит к детям,
Навсегда, на память
Будущим столетьям!

Свой

Того, кто поселился позже,
Не жалует мое село.
С ним говорит оно построже,
И как-то поначалу зло.

Глядят на новичка с прищуром
И судят-рядят новичка.
Покуда с ним еще не курят,
Не балагурят с кондачка.

...А новосел неутомимо
То крышу чинит, то забор,
Выводит, солнышком палимый,
Иноплеменный помидор.

Дровишек заготовит летом.
Зимой печется о весне.
Разбудит детвору с рассветом
«Далече школа, в стороне!»

На работящего соседа
Соседи пристально глядят,
Еще не балуют беседой,
Но все-таки теплеет взгляд.

И вот однажды самый хмурый,
Что был и строг и нелюдим,
Дед позовет:
— Давай, покурим!
Давай в тенечке посидим!

И если даже некурящий,
Иди и с дедом посиди!
Ты коренной стал, настоящий.
Твой дом — и в славе и в чести!

Но лихо, если не предложат
Тебе забавиться дымком...
До счастья, значит, ты не дожил,
Умрешь залетным чужаком!

Красота

Юркий ялик, ружье, патронташ...
С неудачи охотник сердитый!
Вот прицелился он, и шабаш:
Чайка плавает с грудью пробитой!

— Что ты, парень! Не дело, не честь —
Красоту подсекать!
Ну, не глупо?
Он — открытость, доверчивость весь —
Улыбается вдруг белозубо.
— Эту что же — солить красоту?!
Даже мясо, и то несъедобно!
...А законно стрелять на лету!
Захочу — и другую прихлопну!
Надоели... Противно орут,
Ишь, расквакались над мертвечиной!
И чего только глотки дерут?!

— Не к лицу же такое мужчинам!
Нет креста на тебе, вурдалак!

Голубыми он брызнул глазами:
— Эх ты, дед, неразбавленный мрак!
Не войдешь ты в грядущее с нами.

...Из чужих возвращаясь краев,
Лебединая движется стая.
Парень быстро хватает ружье
И, прицелясь, дуплетом стреляет!

Только птицы летят и летят,
Не нарушив исконного клина.
Машут белыми крыльями в лад,
С независимостью лебединой!

Ах, какие же вы молодцы!
Пусть вослед посылают проклятья
Не доставшие вас подлецы.
Выше,
выше красу поднимайте!

Душа

Где ненавидели меня,
Где был я добротой согрет,
Где пробыл лишь мгновенье я
Иль кряду много-много лет,
Где ошибался и грешил,
Где я любил и был любим,—
Там всюду след моей души,
Все слито с именем моим!

В цветенье майском женских глаз,
В паденье яблока в тиши,
В снежинках, опушивших вас,
Частица есть моей души!
Уйду — останется она.
Не городи, приятель, чушь,
Что исчезаем мы сполна,
И никаких на свете душ!

Дурачок

Ну что же, здравствуй, здравствуй, остров!
Давно хотел попасть сюда!
Дома, как холмики-погосты.
Песку насыпало — беда!
Ежами кустики чернеют.
Свистят колючки на ветру.
Лучи фонарь маячный сеет.
Бушует море не к добру!..
На бережок рюкзак я ставлю.
Куда б податься на ночлег?

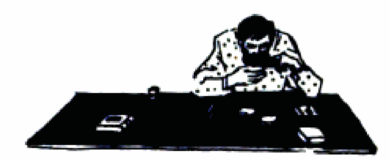
— А вон, вдали белеют ставни.
Живет там добрый человек!
(И за спиною прошептали:
«Пускай идет он к дурачку!
Тот рад гостям из дальней дали.
Покурят вместе табачку...»)
Избушка. Табурет и столик,
И в темном уголке топчан.
Порезал лук. Посыпал солью.

Материал, защищенный авторским правом

Поставил для купанья чан...
Обрадовался гостю, видно:
Давно не видел здесь чужих.
Мы с ним поужинали сытно,
И — набок. Утром ветер стих.
К его присматриваюсь жестам,
Беседу грею коньячком.
За что же, право, неизвестно,
Его прозвали дурачком?!
Ввалился в дом островитянин:
— Иван, часы вот барахлят!
— Давай-ка в организм заглянем!
...И вновь часы пошли — стучат.
— Спасибо,— говорит с усмешкой
И — за порог ступил ногой.
А следом с той же просьбой спешной
Явился мужичок другой!
...— Спасибо! — И усмешка снова.
— А плата?..— я вмешался тут.
— Мне заплатили добрым словом:
Все дурачком меня зовут!

Морщины разбежались грустно:
— Люблю собрать и разобрать...
Часы — они мое искусство.
И, понимаешь, деньги брать?!
Работы много: всё с часами.
Островитянин без часов,
Ну, вроде лодки в океане
Без весел и без парусов!
...А так работаю посменно
Я на приморском маяке.
Вы приезжайте непременно,
Не хлопоча о коньяке.

Спешу я на баркас по трапу.
Торопит голос морячка.
Ребята, что ловили крабов,
Кивнули: «Родич дурачка!»

Песня

Горьки думы-думушки
У соседки-кумушки:
Дочка — бесприданница!
Что же с нею станется?

...У нее приданое
Самое желанное —
Руки не балованы,
Губы не целованы!

Ты не бесприданница —
Милая избранница!
Мир не знает чище глаз,
В мире нет богаче нас!

Доверие

Пусть добро будет добрым назначено —
Злые платят за доброе злом!
Сколько было мне этак заплачено.
Но не жалуюсь я. Поделом!

Ошибаюсь и все-таки верую
В человеческую красоту.
Душу хочется самую серую
Обелить и взметнуть в высоту...

Может быть, на меня же обрушится,
Черным камнем падет с высоты.

...Я хочу, чтобы грязная лужица
Набралась ключевой чистоты!

Человека не лучше ль досказывать,
Чем на голову мусор мести?
В мое сердце ходы не заказаны
Поскользнувшимся на пути!

Остановка

Метель расчесывает тропку
До самой рощи на пробор.
Автобусная остановка.
Навес — пятнистый мухомор.
Укутанные снежным дымом,
Волнуются старушки:
— Он,
Случается, промчится мимо,
И расписанье не закон!
В снегу плетеные корзинки,
С вечерним молоком горшки.
...Пурга голосит по старинке,
И не видать кругом ни зги!
Немеют от мороза ноги.
Совсем заледенеешь тут!
Неторопливый и нестрогий
Старушки разговор ведут.
Кружит февральское ненастье!
Мерцают огоньки вдали.
...Всю жизнь опаздывали к счастью
И вот — за час они пришли...

Тени

Я уже эту девушку где-то встречал,
Только где — не припомню, пожалуй!
Затаили капризные губы печаль,
Хоть алеют улыбкою шалой.

В щелках глаз притаившийся синий смешок,
Только чудится — брызнут слезами!
Снег идет и касается ласково щек,
Но ресницы печалятся сами!

Видишь плачущим издали это лицо,
А поближе подходишь — смеется.
...Опушает снежок черно-бурой лисой
Пальтецо из простого суконца!

Я припомнил, где горесть такую встречал:
То страдалицы древней России
Дочерям передали в наследство печаль
Да глаза, словно раны сквозные...

Последняя любовь

Ах, чудаки! Что́ первая любовь?
Она, как в жизни первая весна!
Придет другая! Пашню подготовь —
И зеленями зашумит она!

Последняя любовь — последний свет,
Дарованный последнею весной,
С трудом отысканный в пустыне след,—
Не смыло бы песчаною волной!

И начинаешь верить глупым снам,
Ревнив и подозрителен вдвойне.
Последнюю любовь сжигаешь сам,
Как Гоголь рукопись в огне!

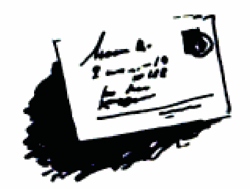
И над холодным пеплом слезы льешь...
Да что там — слезы первые любви,
Когда еще чего-то в жизни ждешь,
И ждут тебя вторые соловьи!

Последнюю весну, последнюю любовь
Я провожаю тихо до дверей.
Знобит. Не греет что-то кровь!
Постой-ка, я оденусь потеплей...

Почтальонша

В феврале на рабочем собранье
Почтальоншу костили опять:
Дескать, это безнравственно крайне —
Письма граждан вскрывать и читать!
Не впервые оно, к сожаленью...
Словом, дело клонили к тому,
Что пора ей подать заявленье —
По желанью уйти своему!
Шла домой почтальонша, рыдая,
И упреки на сердце, как нож...
Ну, простите ее! Ну, дурная!
Что ты с бабы нескладной возьмешь?!
Не видала ни ласки, ни детства:
Детский дом — не отеческий дом!
И любовь обошла ее сердце.
А ведь есть она! Пишут о том...
Просто муж был — и скоро оставил.
Просто дети пришли — без любви.
Старший тюрьмами дом свой ославил,
Младший — двоечник, хоть зареви!

Ну, простите! Ей очень хотелось
Почитать про чужое житье.
Проявите хоть раз мягкотелость!
Отмените решенье свое!

* * *

Лазил через заборы,
Шел сквозь облако дыма,
Через снежные горы
Пробирался к любимой.
А сегодня я к другу
Тороплюсь, беспокоен,
Чтоб согреть его руку
Своей теплой рукою,
Сесть у печки с мороза —
Званый я иль незваный —
Разделить папиросы,
С маху сдвинуть стаканы,
Друг на друга в молчанье
Поглядеть без сочувствий!
Вместе нам не печально,
А по-светлому грустно!..

Из космоса

Увидели люди планету
Земную с далеких высот.
Она — словно зеркало света,
Она — словно розовый лед,
Она — словно радужный шарик,
Мальчишкой запущенный ввысь.
И, как в муравейниках старых,
На ней колыхается жизнь!

Я вижу лицо человечье
В далеком овале земли.
От дум и забот бесконечных
Морщины на лбу залегли.
И лишь временами улыбкой
Заблещет пробившийся луч
И вмиг золотистою рыбкой
Исчезнет в громадинах туч.
А эти глаза-океаны
Горят в половину лица,
Как будто грустят несмеяны
От распрей людских без конца.
Ведь сердце земное не камень,
Хоть срок у терпенья велик!
Вулканы, взметнувшие пламень,
Похожи на яростный крик!

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

Материал, защищенный авторским правом

Ю. СБИТНЕВ

У ТРЕХ РУССКИХ РЕК

Витим. Есть в этом слове что-то буйное, непокорное, зовущее в дорогу, непоседливое что-то. И как хорошо отвечает оно нраву той реки, что ломится среди хмурых скал, разваливая их вороненым клинком стрежня, подмывая окатистые, словно ковриги хлеба, сопки, руша па́бережную тайгу, ретиво играя на порогах, похваляясь недюжинной силой.

Через таежные урманы, через оскалистые свóлоки, через дремучую неоглядную ширь прокладывает себе дорогу Витим к могучей Лене.

Бывает Витим спокойным, задумчивым. Широко и валко перекатывает он волны, покачивает на них рудовые сплотки бревен, словно бы малых детей, баюкает катера... Но ненадолго успокоится, соберет исподволь силу и разом кинется вперед в белых бурунах летучей пены, в грохоте рокочущей воды. И снова борьба, снова скалы. Бойцовый, острее клинка, стрежень.

Толпятся перед порогом катера, надсадно загудят, уводя в затоны плоты. Дальше нет дороги. Дальше порог. И так с истоков до устья.

Кипит, гудит, рушится, словно в чертовой мельнице, вода, белым куржаком застилает реку пена — острые брызги в небо, тревожно кричат чайки, страшась бешеной круговерти, стонет тайга, нянча в хвойных лапах гулкое эхо — Оронский порог.

Как-то завела меня сюда журналистская судьба, к людям, что каждый день воюют Витим, мерятся с ним силой,— к сплавщикам. Вроде бы, как принято говорить в таких случаях, ничем не примечательные, обыкновенные люди. С виду и силенки-то не ахти в них, и роста обыкновенного, в меру разговорчивые, в меру молчаливые. Не спеша делают свое дело. Вяжут из больших плотов сплотки поверх порога и сплавляются на них вниз до спокойной воды.

— Тут главное — гляди в оба, рот не разевай, чтобы тебя об камень не расшибло. Расшибет, мало что лес погубишь, а то и самого по самой точной схеме не соберут,— объяснил мне секрет работы бригадир.— С Витимом надо и головой и руками орудовать. Мозгу не жалеть да и пупка тоже.

— Знаешь, иной раз так наломаешься на этом самом пороге, натерпишься по самы ноздри, что думаешь, чего меня тут держит — уйду из бригады на стройку, на завод, а сгонишь сплоток, глянешь на реку, и так тебе вдруг еще раз, последний, захочется по этому самому Орону проскочить, что дух захватит. Так от разу к разу и ходишь. Приворот у этой работы есть,— признался как-то один из сплавщиков.

Вот там впервые услышал я о художнике, которого тоже приворожил Витим. В рабочих бригадах очень долго, и обязательно с большими преувеличениями, бытуют рассказы о художниках, журналистах, писателях, которые однажды решились «побыть в их шкуре». Это, так сказать, новейший фольклор.

— Ты не первый,— предупредил меня бригадир.— Жил у нас тут целое лето один художник. Как и ты, из самой Москвы. Картинки рисовал. Похоже здорово. Тайгу. Порог наш. Ребят тоже рисовал. Похожие получались. Смешно: хвать, хвать кистью. Вроде бы ничего и нет, а приглядишься — вот он я. Ничего, свой парень. С нами на плотах мотался. Ребята даже советовали: давай в бригаду. Но у каждого свой интерес. И каждый к своему делу приписан. У нас река, у него — картины. Опять же и учился он этому делу — свою профессию бросать нельзя. Но, честно говоря, в бригаду бы мы его взяли...

Вот так не совсем обычно и познакомился я с художником Юрием Титовым.

Познакомился далеко от Москвы, на буйной сибирской реке у Оронского порога. Мы никогда не виделись друг с другом. Но уже тогда, слушая рассказы сплавщиков, мне показалось, что я давно знаю его.

Ничто не сближает людей так, как дорога. Можно годами жить с человеком в одном доме, даже в одной квартире, работать рядом с ним, беседовать, спорить и даже дружить, можно «съесть пуд соли» и не заметить того, что откроется разом в пути, когда ты идешь с ним одной дорогой.

Мне кажется, что стремление художников подолгу жить далеко от своих мастерских, стремление выбирать самые сложные и долгие дороги объясняется не формулой «изучить жизнь», потому что сама по себе эта формула весьма относительна, а желанием быть не при дороге, а на ней самой.

В дороге познаются люди, открываются их чаяния, думы; время познается в дороге.

...И снова свела меня судьба с бригадой сплавщиков. Снова пережил я то волнение, с которым вступаешь на ослизлые бревна сплотка, тот холодок под сердцем, когда стремительно проносятся мимо острые скулы скал, мокрые, словно бы в холодном поту, камни порога, когда громадные потеси-рули выгибаются в дугу, и что-то кричит лоцман, и голос его тонет в грохоте воды.

Река, необузданная, все крушащая на своем пути, буйствующая стихия — и горсточка людей, вступивших с ней в единоборство. Напряглись мускулы, шальной ветер рвет с плеч спецовку, оголтело взметнулись волны. Мгновение, одно-единственное мгновение, напряжение всех сил, всей воли. Река и люди! Кто кого?

Вот в такие секунды откроется перед тобой, как на ладошке, человек. Не только увидишь окаменевшие мускулы, напряженные лица, руки и плечи, увидишь нечто такое, что вдруг разом раскроет перед тобой его недюжинные душевные силы, характер и красоту.

Река и люди! Кто кого?!

С той поездки прошло лет пять.

Я возвращался на Большую землю, или, как еще говорят на Дальнем Севере, «на запад», из долгой поездки. Месяца два мотался с группой охотоведов по тайге и лесотундре. Жили в зимовьях, палатках, исколесили на оленях и собачьих упряжках сотни километров, отвыкли от домашнего тепла, уюта. Электрический свет, горячая вода в кране, свежая рубашка и обыкновенный домашний обед казались нам тогда недосягаемой роскошью...

Радость возвращения в привычный мир буквально переполняла меня. Как они дороги, эти незаметные мелочи городского быта, по возвращении из тяжелой, полной опасностей и испытаний дальней поездки.

А утром я уже скучал по смолистому дыму костра, по горячему, обжигающему стужей дыханию Севера, по людям, которые едут где-то сейчас на оленях от одного стойбища к другому, по звону гитары в только что народившемся поселке строителей, по ребятам, с которыми коротал долгие расстояния.

— Нет, что ни говори, а все-таки чертовски здорово жить в дороге!

Позвонил Саша, не выдержал обусловленного покоя на трое суток.

— Слушай, ты свободен?

— Конечно.

— Давай махнем с тобой в наш музей.

— А что там?

— Выставка одного московского художника.

Вот тогда на вернисаже в выставочном зале иркутского музея я снова встретился с художником Юрием Титовым и ребятами с Витима.

Я смотрел на сплавщиков со стороны. Спокойно лился через окна зимний, холодноватый свет, медленно струился за стеклами снег, вполушепот беседовали вокруг меня люди, шелестели по паркету шаги, где-то назидательно звучал голос учителя, объяснявшего своим питомцам суть искусства, а я все глядел и глядел на Оронский порог, всматривался в такие незнакомые и такие знакомые лица сплавщиков.

Как часто те испытания, которые перенес в дороге, напряжение всех сил, трудные дни становятся вдруг твоими соавторами, твоими указчиками в тяжелом деле искусства.

Я долго думал над тем, что та озаренность человеческого характера в минуту, может быть, даже роковую, которая так явственна в картине «На порогах Витима», пожалуй, не могла бы найти своего проявления в той полной, просто-напросто оголенной мере, не испытай художник всего такого, что испытывают каждодневно сплавщики на Оронском пороге.

Вспомнилась другая река. Саяны... Кизир.

Черной, крепостной стеною встала на пути непроходимая чаща. Огрузлое, холодное небо над стальною гладью студеной воды. Тишь — вязкая, густая, осязаемая, на сотни и сотни километров вокруг ни души. Крутой излучиной изломалось русло реки, устремившись в узкий каменный проран — крохотное холодное окошко, в неизвестность, к новым скалистым перекатам, к порогам, базальтовым прижимам.

Крохотный светлячок костра на галечной отмели, сырой брезент двух палаток и фигуры людей подле нежаркого огня. Костер словно обволокла сырая предночная мгла, придавила к земле. Нет вокруг жарких отблесков, только дым да два багряных языка пламени. Кизир...

Этюд «Кизир» написан Юрием Титовым в холодных, тревожных тонах. Тут нет ярких всплесков красок, все приглушено, все суровососредоточенно. Значительность происходящего ощущаешь с какой-то необыкновенной силой, хотя нет в полотне ничего, кроме тайги, свинцово-тяжелого Кизира, неба, густо забитого тучами, да фигурок людей у сырого костра.

Когда-то в такое вот осеннее, мутное время прошла тут партия изыскателей дорог. Кошурников, Журавлев, Стофато. Теперь их фамилиями названы железнодорожные станции новой магистрали Абакан — Тайшет. А тогда, в суровые военные годы, эти люди искали самую выгодную и удобную трассу будущей дороги. Ломились сквозь тайгу, шли по бешеному Кизиру на плотах, вмерзали в реку — зима в том году выдалась на редкость ранняя. Они не вышли к людям. Холодные воды Кизира навечно покрыли их, но память о подвиге осталась. Люди нашли дневники, карты и планы, составленные изыскательской партией Кошурникова. Погибнув, землепроходцы оставили человеку то, ради чего шли на подвиг,— оставили дорогу, по которой сейчас пробегают в дремучей глуби электровозы, спешат мимо железнодорожных станций Кошурникова, Журавлева, Стофато большегрузные поезда...

Один маленький этюд, очень лаконичный, строгий рассказ о подвиге трех людей. Ради него пришлось художнику пройти по пути изыскателей с новыми, пришедшими сюда строить дорогу людьми.

Как-то, рассматривая в мастерской енисейские работы художника, я посетовал на то, что он обошел Красноярскую ГЭС. Дело в том, что мне довелось писать когда-то о самых первых строителях Дивногорска, о тех, кто, как говорится, «застолбил» первый стройтельный участок будущей гидростанции.

С тех пор ревниво слежу за всем, что появляется в нашей печати, в театрах и мастерских художников о дивногорцах. Дивногорцы, первые, кто сошел на пустынный скалистый берег с баржи, которую притащил вверх по Енисею старенький катер, они, эти парни и девчата, вошли в мою жизнь точно так же, как в лихую годину войны — те, другие назвавшие себя краснодонцами.

Краснодонцы — дивногорцы, как близки по звучанию эти два слова. И как близки друг другу по духу, по стремлению и своей простой чистоте парни и девчата военной поры и поры первого на Енисее мирного боя.

— Жаль, что, излазив Енисей, не заглянул к Дивным горам,— укорил я художника.

— Но это и есть Дивные горы. Только, прости, не было тогда еще там ни единого строителя.

Время. Начинаем считать, прикидываем. Выходит, что действительно десять лет тому назад не застолбили еще строительство Красноярской ГЭС.

А теперь уже... Город Дивногорск известен всему миру, и плотина, чудо-плотина, перечеркнула Енисей, соединив берега...

Время. Вот, пожалуй, что стоит за каждой енисейской работой Титова. Время, которое работает на нас.

И каждый, казалось бы, самый отвлеченный пейзаж очень современен. Современен тем, что чувствуешь: в нем мысль современного человека, ищущего, непоседливого, открывающего новое.

Принято считать первопроходцами тайги геологов, топографов, изыскателей новых дорог, будущих ГЭС и заводов. И, размышляя над живописными полотнами теперь уже давней поры, далекой истории (10—15-летней давности), думаешь о том, что сам художник в какой-то мере изыскатель и геолог не только в своем творчестве, но и в тех событиях и свершениях, которыми повседневно занят наш человек.

Спешит спокойно и широко все дальше и дальше на север Енисей. Пасутся вдоль его берегов стада оленей. Охотники спешат в густые черные боры за белкой и соболем. Строится высотою в добрый десятиэтажный дом виадук будущей железной дороги. Работают на вершинах Саянских гор метеорологические станции. Люди, разные по национальности и возрасту, но одинаковые по такой дорогой для художника доброте, мудрости и человечности, все это вместе — жизнь Великан-реки Енисея. Сегодняшняя жизнь, запечатленная в рисунках и этюдах,— подступы к большой работе, к широкому живописному полотну, которое, надо надеяться, напишет Юрий Титов, еще не однажды пройдя вдоль Батюшки русских рек.

Материал, защищенный авторским правом

Ю. Титов. СЛЕДЫ ВЕКОВ.

БАЙКАЛ.

Ю. Титов. НА ПОРОГАХ ВИТИМА.

Материал, защищенный авторским правом

Материал, защищенный авторским правом

Ю. Титов. ВЕЛИКАН (ЕНИСЕЙ).

В ТАЙГЕ.

щенный авторским правом

Злоключения электробритв

Я. МИЛЕЦКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Прежде чем рассказать о них, хочу объяснить жителям Харькова, почему, получив несколько необычное задание редакции, я поехал именно в их город. Отнюдь не потому, что здесь в столь важной сфере, как служба быта, дела обстоят хуже, чем в других краях. Нет! Возможно, что в общем-то служба эта здесь и получше. Но дело-то в том, что редакция, снаряжая меня в путь-дорогу, вручила четыре электробритвы «Харьков»: «Пусть их отремонтируют...» Где? Ну, конечно, там, где они родились.

Электробритвы эти завоевали симпатии мужчин многих стран и ежедневно добросовестно омолаживают сильную половину человеческого рода. Я лично питаю к «Харькову» особое уважение: бритва верно служит мне уже одиннадцатый год. И лишь дважды я отдавал ее в ремонт. Небольшой и недорогой. Но тут мне, видимо, везло. Ибо ремонт бытовых приборов... О, это тернистый путь!

Кому из нас не приходилось относить в ремонт то ли электрополотер, то ли чемодан, то ли авторучку, а то, упаси господи, отвозить в мастерскую телевизор или, еще того хуже, холодильник?! С трепетом выслушиваешь профессорски-неоспоримый диагноз, установленный мастером, и безропотно уплачиваешь безапелляционно назначенную сумму. Я наблюдал однажды, как изумилась молодая женщина, услышав в ателье, что за ремонт утюга с нее следует три рубля. Она вопрошающе-жалобно взглянула на мастера и тотчас же осеклась: на лице его было выражение крайнего недовольства... «Что, не нравится? Можете забирать свой утюг». Мужчина, принесший пылесос, так и поступил: услышав большую сумму, назначенную мастером за ремонт электроприбора, он быстро спрятал его в рюкзак, взвалил на плечи и со словами: «В соседней мастерской дешевле возьмут»,— зашагал к выходу...

И вот я в Харькове, и у меня в портфеле четыре электрические бритвы, которые я отдам в четыре харьковские мастерские. Во всех бритвах одинаковый незначительный дефект: ослаблен винт ведущей шестерни. Акт, составленный специалистами, свидетельствует, что «в остальном все электробритвы полностью соответствуют паспортным данным». Далее в акте отмечается, что «устранение дефекта заключается в необходимости дотянуть винт ведущей шестерни и не требует никаких дополнительных работ». И заключительные строки: «Стоимость устранения дефекта выражается в пределах 45 копеек, включая операцию разборки электробритвы».

Итак, в путь!

ЭЛЕКТРОБРИТВА № 66031

Мастерская на Московском проспекте, в доме пятьдесят один, носит по случайному совпадению номер пятьдесят два. Это деревянная хибара, похожая на убежище ушедшего в прошлое «кустаря без мотора». Да и трое мужчин, сидящих в разных углах, чем-то напоминают кустарей-одиночек. Каждый занят своим делом: один колдует над чемоданом, другой возится с электроплиткой, третий и есть тот, кто мне нужен. Перед ним с десяток электробритв.

— Перестала работать,— говорю я и протягиваю свою бритву № 66031 пожилому дородному мужчине в очках, которого и в самом деле не отличишь, пожалуй, от настоящего профессора.

— Сейчас посмотрим, в чем дело,— отвечает он и неторопливо берет мою электробритву.

— Давно у вас?

— Да нет, почти новая...

Несколько поворотов отверткой, и бритва разобрана. Мастер что-то углубленно изучает и многозначительно произносит: «Гм...»

— Что-нибудь серьезное?

— Да... Стерлись зубчатые колеса. Придется новые ставить.

— Но бритва-то почти новая...

— Новая?! Видите...— Он протягивает мне два зубчатых колеса и тотчас же забирает их.

— Что ж, делайте, если так,— соглашаюсь я.

— Это будет стоить рубль две копейки.

— Дороговато...

— Дорого? Вот лежит бритва, так ее ремонт стоит семь рублей, и никто не сказал, что это дорого.

— Но моя-то новая...

— Знаете, какие они, бритвы: сегодня новая, завтра сломалась.

Пока мы так мирно беседуем, мастер быстро вставляет зубчатые колеса. Еще несколько поворотов отверткой, и бритва включена: «Вот и готово! Извольте...»

— Зубчатые колеса, которые вы сняли, отдайте мне,— говорю я мастеру.

— Мы старых деталей не возвращаем,— отвечает он. И, внимательно посмотрев на меня, добавляет: — Нам это запрещено.

— Но ведь колеса плохие, по вашим словам. Зачем они вам?

— Мы их возвращаем на завод...

Я не вступаю в пререкания, хотя знаю, что это неправда. На завод возвращаются лишь запасные части, снятые с бритв, которые отремонтированы бесплатно согласно гарантии. Нетрудно догадаться, почему мне не вернули зубчатые колесики.

Мастер выписывает квитанцию, дает мне расписаться и прощается. Но я не спешу уходить. «Вы не дали старых колесиков, так дайте хоть копию квитанции». «Мы квитанций не даем». «Позвольте, я приду домой, и бритва вдруг откажет, как же тогда?» «Придете, починим». «А если вас не будет? Мастерская же дает гарантию после ремонта?» «Ничего не случится, бритва хорошая. Квитанции нам запрещено давать на руки». «Но я все же прошу копию». «Идите в наше заводоуправление. Театральная площадь, семь».

В разговор вмешался молодой человек, сидевший за соседним столом, заведующий мастерской. «Дайте копию квитанции»,— приказал он.

Квитанция уже была наколота на гвоздь. Мастер недовольно снял ее, выписал копию и примирительно сказал: «Подумаешь, квитанция. Если что случится, заходите — починим».

Итог: вместо 45 копеек рубль две копейки.

ЭЛЕКТРОБРИТВА № Е35195

Пушкинская, 59,— это почти центр города, а мастерская за номером одиннадцать приютилась чуть ли не в деревянном сарае, тесном и грязном. В углу чемоданы и дамские сумки, а у окна пристроился «мастер на все руки».

Передаю ему вторую электробритву — № Е35195.

— Что-нибудь серьезное?—спрашиваю я, увидев, что бритва уже разобрана.

— Ничего серьезного. Главный винт отошел.

Я облегченно, радостно вздыхаю: диагноз поставлен правильно!

— Придется смазать. Всего будет стоить 54 копейки.

— Мажьте, пожалуйста,— отвечаю по возможности любезнее, а сам думаю: половина задания уже выполнена, и счет пока ничейный — 1 : 1.

Но вот беда — снова конфликт из-за копии квитанции. «Нам запрещено давать копии... Но если уж вы так настаиваете — берите». И сердито добавил: «Филькина грамота...» Тут он прав. Написанного не разобрать, даже номер бритвы не указан. И все же я доволен мастером...

ЭЛЕКТРОБРИТВА № 78719

Был уже предобеденный час, когда я зашел в мастерскую № 54, что разместилась на Рымарской улице в доме 9. Не в пример другим, она занимает хорошее помещение. И есть тут работник, который только и делает, что принимает вещи в ремонт.

Мне не повезло. Приемщица взяла у меня бритву, сорок копеек за ее осмотр, выдала соответствующую квитанцию и буркнула:

— Закрываемся на обед. Приезжайте через два часа, тогда скажу, сколько еще доплатить.

Я вернулся в мастерскую раньше назначенного срока. Квитанцию у меня забрали, новой не дали и велели уплатить еще 74 копейки.

Быстро подсчитав в уме, я понял, что ремонт этой бритвы обошелся в один рубль четырнадцать копеек вместо сорока пяти.

Итак, счет 2 : 1 в пользу недобросовестных.

ЭЛЕКТРОБРИТВА № 74932

На этот раз ехать пришлось далеко и долго: мастерская № 76 находится в районе Новой Баварии. Добродушный на вид толстяк, включив бритву, многозначительно изрек: «Эге, видать полетели шестерни и колеса... Но у нас нет запасных. Впрочем, может, на ваше счастье... Сейчас посмотрю...» Он разобрал бритву и долго осматривал ее. «Где ремонтировали?» «В Москве». «Вот халтурщики! А шестерни в порядке... Давно она у вас?» «Недавно...» «Ишь ты, смазка еще заводская... Сейчас мигом сделаю».

Он оказался человеком словоохотливым, говорил без умолку. Повозился еще несколько минут и объявил: «С вас 55 копеек...»

Расплачиваюсь. Жду, что выпишет квитанцию. А он улыбается:

— Идите с богом, добривайтесь...

Я понял, ждать нечего. Толстяк «сработал налево». Спасибо, что недорого взял.

Плохой итог, что и говорить...

...С такими недобрыми мыслями очутился я на Театральной, дом 7, в кабинете Владимира Николаевича Шемелина, директора завода «Металлобытремонт». В его ведении чуть ли не семьдесят всяческих мастерских, цехов и предприятий, занятых бытовым обслуживанием харьковчан.

История ремонта четырех электробритв очень огорчила Владимира Николаевича.

— Как не дают квитанций? — возмущенно воскликнул он.— Обязаны давать копию квитанции!

Но через несколько минут, после того, как заводской бухгалтер подтвердил, что мастерским действительно запрещено выдавать копии квитанций, Владимир Николаевич быстро переменил свою точку зрения:

— Зачем копии? Лишняя канцелярщина!

Случайно у меня оказалась копия квитанции одной московской мастерской, давным-давно ремонтировавшей мою электробритву. Я показал ее.

— В Москве у клиента на руках остается документ. Это, несомненно, дисциплинирует мастера...

— Надо будет учесть опыт Москвы,— снова перестраивается Владимир Николаевич.— Пожалуй, изменим порядок...

— Чем же,— спрашиваю я,— объяснить, что в трех случаях из четырех мастера проявили недобросовестное отношение к своим обязанностям?

— Я их вызову, задам трепку! — воспаляется Владимир Николаевич.— Они это запомнят!

— Видимо, надо усилить контроль за мастерскими.

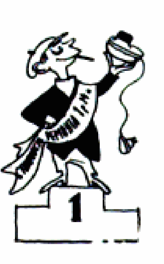
— О-о, контроль есть, и контролеры у нас есть.

Я попросил привести хоть один случай, когда завод сам вскрыл недобросовестность мастера. Долго, очень долго рылись канцеляристы в груде прошлогодних приказов, но ни одного подобного случая так и не нашли.

— Нет, теперь я им покажу! — продолжал распаляться директор.

В тот день мы долго обсуждали мои злоключения. Высказывались разные точки зрения. Но всем нам было очевидно, что есть еще немало прорех и в системе отчетности, и в организации контроля, и в том, как определяется заработная плата работников предприятий службы быта, которая пока еще недостаточно стимулирует высокое качество работы и добросовестное отношение к ней.

ОТ РЕДАКЦИИ: Злоключения четырех электробритв весьма поучительны и заслуживают пристального внимания Министерства бытового обслуживания УССР. Дело, конечно, не в четырех электробритвах и не в тех четырех харьковских мастерских, о которых рассказывает наш специальный корреспондент. К сожалению, с такими же фактами встречаешься и в некоторых других мастерских: по ремонту обуви, радиоприемников, телевизоров, пылесосов. Конечно, в борьбе с подобной недобросовестностью огромную роль играют моральные стимулы, коммунистическое воспитание работников предприятий службы быта. Но следует подумать и о том новом, что вносит в их жизнь экономическая реформа. Видимо, действующая здесь система планирования, контроля, отчетности, зарплаты да и сами принципы построения цен требуют серьезных уточнений и дальнейшего совершенствования.

Каково ваше мнение, работники предприятий и учреждений службы быта? Какова точка зрения Министерства бытового обслуживания?

Рисунки Ю. Черепанова.

Материал, защищенный авторским правом

● ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Тихий Дон». Опера И. Дзержинского (по мотивам 3-й и 4-й книг романа М. Шолохова). Аксинья — И. Богачева, Григорий — В. Морозов.
Фото П. Боярова.

«Через сто лет в березовой роще». Театр имени Ленсовета. На снимке — скоморохи; фрагмент массовой сцены.

СТРОКИ ЛЕНИНГРА

Н. ТОЛЧЕНОВА

Если только вы не проездом очутились в Ленинграде, то как же заманчиво распахнет он перед вами свое богатство — сцену!

Ленинград театральный предлагает зрителю огромный выбор. Здесь есть и то, что непременно надо увидеть, и то, что просто хочешь посмотреть сам. Не разочаровывают театры и в том и в другом случае. Многие спектакли заставляют не только помнить их, но думать о них, мысленно возвращаться к ним, иногда спорить с ними. Но вы опять-таки обязательно станете участником драматических событий, воскрешенных театром, ибо почувствуете, как остро и горячо вас касаются, задевая за живое, серьезные, нравственные конфликты, поднятые к жизни искусством сцены... Борьба идей.

Таким именно, остроконфликтным и глубоко-конкретным, личным, человеческим ощущением истории пронизан вихревой, размашистый, страстно-напряженный «Тихий Дон», поставленный Р. Тихомировым в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова.

«Оперность» привыкли считать чем-то исключающим глубину переживаний. А тут речь идет о переживаниях особенно сложных, развивающихся на широком историко-революционном, народном фоне. Впрочем, для публики, аплодирующей героям «Тихого Дона», нет ни «фона», ни «оперности» — есть любимый всеми мир героев Шолохова. И герои эти предстают в спектакле такими, какими они всегда рисовались в нашем воображении: дерзкими, бурно откликающимися на все происходящее. Путь их не свободен от ошибок и поражений, но действуют они азартно, взволнованно, целиком беря на себя ответственность за все, ими содеянное. Такова Аксинья И. Богачевой в ее неудержимом тяготении к Григорию, к любви. Таков и Григорий. Исполнитель этой партии В. Морозов показывает человека незаурядного, талантливого, искренне любящего, страдающего, мстящего, раскаивающегося... Многими гранями души наделен Григорий.

Такова же и Виринея Т. Богдановой на сцене Малого оперного театра: живой человек, которым нельзя не восхищаться, которого нельзя не полюбить. Это опять-таки **личность**, выбирающая нелегкую дорогу, активно утверждающая свои жизненные позиции и чувством этим заражающая зрителей.

Общественные мотивы, вновь и вновь перекликаясь с темой личной ответственности, заинтересованности человека во всем происходящем, определяют будто бы негромкое решение спектакля о декабристах — «Через сто лет в березовой роще» по пьесе В. Коростылева.

Спектакль этот, идущий на сцене Театра имени Ленсовета, весь сосредоточен на выявлении внутреннего мира персонажей. Совершенно по-новому раскрываются перед нами герои, которых все мы с детства привыкли чуть ли не обожествлять в своем сознании. А здесь они не кумиры. Люди. Со всеми их слабостями: сомнениями, тревогой, детской незащищенностью и ранимостью души. И в то же время поражающие открытостью, правдивостью, неизменным постоянством в органическом неприятии зла.

Оно тоже живое, это зло.

Оно защищает себя почти неуловимой хитростью, лукавством, лестью, двоедушием. Оно подличает и приспосабливается, надевает личину добра, стараясь удивить, подкупить, разжалобить. И тут тоже отнюдь не лобовая подсказка театра. Тут сокровенная находка искусства, второй смысл, потаенно живущий в образе-характере и счастливо разгадываемый зрителем.

Удивительно олицетворяет зло, играя молодого царя, артист А. Пустохин, поистине умудряющий зрителей более ясным и тонким, а главное, **обновленным** пониманием образа.

Николай А. Пустохина позволяет увидеть в самовлюбленно позирующем, холодном, щеголеватом красавчике, на все лады примеряющем императорский чин, словно желанную обнову, поразительную нравственную скудость, тупость... Он хитер. Но как он ни хитрит, как ни грозит, ему все равно не удается сломить этих непонятных «революционистов»; удается всего лишь обмануть их — не больше!

Поэтому-то и они становятся по-новому близки, по-новому дороги нам, ничуть не умаляясь, кстати, в своем подвиге. В наш нынешний мир, в нашу сегодняшнюю мысль они включаются естественно и необходимо. Включаются и высокой славой свершенного ими подвига, и всей мерой человеческого страдания, которым сполна оплачивается их слава. Мы видим тяжкие муки неравной борьбы, видим обреченность, жертвенность... Короче, видим не памятник мужеству, а самое мужество, самую верность, выразившиеся свежо и ярко.

...Спектакль с длинным названием «Правду! Ничего, кроме правды!» — новая постановка Г. Товстоногова.

Интересно решенный спектакль, охватывающий зрителя — подобно панорамному фильму — со всех сторон, властно втягивает вас с первых же минут в свою стихию.

Думается, несколько нарочитая сухость документальной пьесы Д. Аля заставила Г. Товстоногова пойти на особенно щедрые затраты режиссерской выдумки. Здесь чуть ли не каждая реплика, каждая мизансцена становятся находкой постановщика: за ними не успеваешь следить. Пробовала я кое-что записывать, но скоро убедилась в безнадежности попытки. Тем более, когда поняла, что спектакль-то давно уже начался и шел, пока в зале еще горел свет, а зрители безмятежно отыскивали свои ряды и рассаживались по местам.

Да, да! Вот так это все и происходило. В зале и на сцене было светло; кто-то непрерывно входил и выходил из-за кулис. Со сцены и в зале слышались возгласы, сначала глухие, невнятные, потом начинаешь все яснее разбирать отрывистые английские слова.

На стенах сцены устроены ложи; постепенно и они тоже заполняются публикой. Видишь дам в необычных шляпах, парадных мужчин... Рядом со мной в зрительном зале сидела весьма пышно одетая дама с девочкой лет восьми — десяти; их удалили, несмотря на бурное сопротивление дамы: ей непременно хотелось посмотреть, как будет происходить церемония суда!.. Ага, вот в чем дело, соображают зрители. А на сцене уже появился звездно-полосатый флаг; людей в длиннополых сюртуках и высоких жестких воротничках приводят к присяге. Подняв руку вверх, каждый присягающий повторяет: «Клянусь говорить правду! Ничего, кроме правды!» (отсюда название спектакля).

Но они лгут, клевещут на большевиков, на Ленина... Лишь немногие из них говорят правду!

Театром воссоздан так называемый «судебный процесс над Октябрьской революцией», устроен-

Материал, защищенный авторским правом

«Правду! Ничего, кроме правды!» на сцене БДТ имени М. Горького. Актриса З. Шарко в роли Луизы Брайант.

Фото Д. Мовшина.

«Нахлебник» И. Тургенева. Исполнитель заглавной роли — А. Борисов. Его дочь Ольгу Петровну Елецкую, богатую дворянку, играет Г. Карелина!

ДСКОЙ АФИШИ...

ный американскими сенаторами в 1919 году. Воссоздан во всех подробностях, во всех деталях, позволяющих зрителю как бы впервые пережить острейший, непримиримый конфликт мира отжившего и мира только что народившегося, нового. А это значит, что на сцене снова борьба идей. Снова ожесточенный нравственный спор. Снова схватка не на живот, а на смерть между добром и злом, верой и неверием.

Режиссура и, конечно, сильнейшие актеры — З. Шарко, Л. Макарова, Л. Неведомский, Е. Копелян, В. Стржельчик и многие другие — решают этот спор увлеченно, талантливо, смело. Театрализуя документы эпохи, они тоже ищут за ними человека, его душу.

Запоминается трагедия старой женщины, все потерявшей: родину, народ, веру... Всклокоченную, седую, опустившуюся Брешко-Брешковскую в остром, резком исполнении М. Призван-Соколовой вносит в зал суда группка ее приспешников. Все они страшны и смешны одновременно.

Огромный темперамент обнаруживает К. Лавров в роли Ведущего от театра. Его видишь в проходах между креслами, на сцене и возле нее; он прочно держит спектакль, связывая эпизоды воедино. Он вездесущ.

Громкая публицистичность и темы и замысла и — в еще большей мере! — публицистичность постановочного решения дали театру возможность интересного сценического эксперимента в области труднейшего искусства политической мысли. Здесь важны всякие находки, тем паче находки Г. Товстоногова. Но, на мой взгляд, даже он не сумел преодолеть до конца фрагментарность пьесы, отрывочность и разобщенность вкрапленных в нее исторических эпизодов. Весьма далекими от происходящего кажутся появляющиеся то в одном, то в другом углу сцены Дефо, Александр Ульянов, Чернышевский, Димитров и другие герои истории. Самая же картинность их появления, помпезность эпизодов-вставок нарушают, по-моему, живую логику борющейся, конфликтующей, остро развивающейся жизни и мысли основных героев спектакля: Джона Рида, его жены Луизы Брайант и их немногих друзей.

Мы почти успели полюбить этих людей, но нам хотелось бы узнать их больше, лучше, глубже. Конкретнее представить их судьбы, эмоциональное содержание той борьбы, которую они вели. Однако времени на это у театра уже не остается: возможности, предоставленные пьесой, он исчерпал до дна...

Конечно, подобные догадки приходят не на спектакле. А уже после того, как вдосталь поразмышляешь о нем на досуге, стремясь уточнить свое, личное понимание облика героев, их слов, поступков, решений... Хотя ведь всегда только такое — личное, интимное, заинтересованное — отношение к персонажам спектакля, словно к близким друзьям или уж во всяком случае к живым людям, встреченным тобою в живой жизни, может обрадовать театр, не правда ли?! Оно всегда по-настоящему определяет и его поэзию, его гражданственный пафос, высокий накал его страстей.

...Пристальное, вдумчивое внимание к мироощущению человека, не идущего на компромисс с уродствами жизни, отстаивающего себя, свой духовный облик, свою личность от неправды и унижения, — вот, пожалуй, наиболее радующая черта в постановке тургеневского «Нахлебника». Особенно интересным показалось, что осуществлена эта постановка самым молодым режиссером Ленинграда. На программке «Нахлебника» значится имя Олега Соловьева. Пьесу он ставил, будучи дипломантом режиссерской мастерской М. Сулимова при Институте театра, музыки и кинематографии.

Коллектив Академического театра драмы имени А. С. Пушкина оказал большое доверие не только юному режиссеру, но и такой же молодой художнице Татьяне Елагиной. Она выпускница того же самого института, который кончает Олег Соловьев. Кстати, и музыку к «Нахлебнику» написал их товарищ Вячеслав Наговицын, лауреат Всесоюзного конкурса молодых композиторов, ученик Д. Д. Шостаковича.

Талантливую молодежь увлекли неумирающие прогрессивные идеи «Нахлебника», социальная заостренность, воинственная человечность... Осуждая косность и бездушие, Тургенев прямо указывает на тех, кому несправедливо принадлежит хлеб; на тех, кто пытается за этот хлеб **купить человека**, унизить честь и достоинство... Написанный Тургеневым в Париже в 1848 году, «Нахлебник» первоначально так и назывался — «Чужой хлеб». Более десяти лет цензура запрещала постановку этой пьесы в России.

Что же делает спектакль современным? Почему нам интересен «Нахлебник» сегодня?

Да потому, что страстная режиссура, откровенно непримиримая к разделению людей «по чинам и рангам», равно как и слаженное, крупное актерское исполнение ролей — всех без исключения! — заставляют публику вместе с театром возмущаться «господами», безжалостно разрушающими человеческие привязанности, зачеркивающими в жизни людей все святое и доброе.

Энергичный, напористый спектакль (художественный руководитель постановки В. Эренберг) не имеет, как я уже сказала, ни одной проходной роли. Но сразу же вслед за А. Борисовым, поднимающимся до подлинных высот трагического в создании заглавного образа, хочется назвать роль Ольги Петровны Елецкой, «незаконной» (как становится известно зрителям) дочери Нахлебника, мелкопоместного дворянина.

В образе Ольги Петровны актриса Г. Карелина раскрыла явление сложнейшее. Ведь кажется-то она и доброй и отзывчивой. Да, наверное, она и впрямь искренне страдает и мучается, узнав, что давний приживальщик их дома, жалкий старик, самое имя которого ей толком неведомо, — ее, Ольги, родной отец!

Г. Карелина не обвиняет Ольгу Петровну. Не играет бесчувственную злодейку. Напротив, актриса находит объяснение для многих поступков героини. Эта богатая, красивая женщина, может быть, так и должна оставаться чужой для отца, сохраняя свое реноме в глазах мужа, света, всех окружающих ее людей...

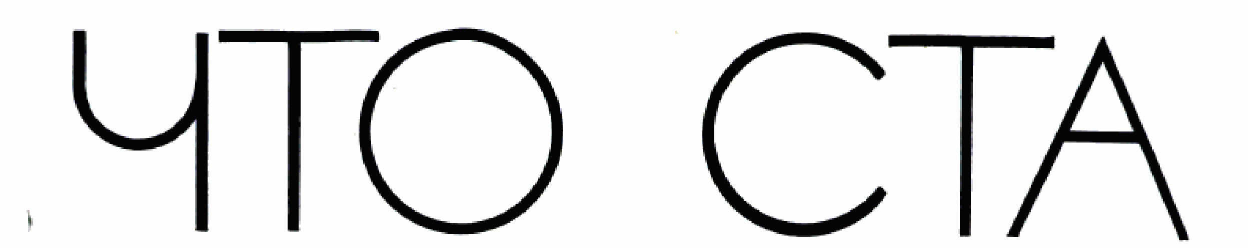
Но тем горше затаенные страдания Нахлебника! Тем непримиримее тайный, а потом уже и открытый, несдерживаемый, рвущийся из глубины сердца протест.

Сыгран Нахлебник А. Борисовым столь проникновенно и в то же время столь мощно, что хочется назвать его героя «королем Лиром Орловской губернии». Такая в нем живет человечность. И такая трагедия.

...А ведь эти интереснейшие спектакли — лишь малая часть, всего несколько строк, нынешней театральной афиши Ленинграда.

Материал, защищенный авторским правом

Мария ХАЛФИНА

Наш читатель В. Заболотный (Донецкая область) написал в своем письме в редакцию журнала «Огонек»: «Большая просьба рассказать о писательнице Марии Халфиной, авторе «Простой повести», и какие ее произведения можно еще прочесть».

Мария Леонтьевна Халфина родилась в 1908 году на Алтае, в селе Пушталим, вблизи города Бийска. В Бийске окончила школу, в Томске — библиотечный техникум. Много лет работала библиотекарем, педагогом. В ранней молодости писала стихи, к прозе пришла поздно. М. Халфина сама пишет о себе: «Только к пятидесяти годам явилось настоящее, порой непреоборимое желание рассказать людям о пережитом, о том, чем болит и чему радуется душа».

В «Огоньке» в 1965 году были опубликованы рассказы М. Халфиной «Баба Груня» и «Тюня», в 1966 году — повести «Мачеха» и «Простая повесть».

В нынешнем году «Огонек» предлагает своим читателям новеллы Марии Халфиной под общим названием «Что старикам надо».

14 марта Марии Леонтьевне исполнилось 60 лет. Томская общественность тепло отметила юбилей писательницы.

1. ОДИНОЧЕСТВО

На пятиминутке ночная сестра доложила, что больная Ильина из восьмой палаты ночью опять поднялась, стояла у окна и легла в постель только после того, как сестра пригрозила ей вызвать дежурного врача.

Когда была названа фамилия больной, все посмотрели на меня. Славка даже подмигнул мне соболезнующе. Нонночка сделала испуганные глаза, а Римма Константиновна нахмурила свои великолепные накладные брови.

Зав отделением Леонид Иванович взглянул на меня укоризненно, словно это я сама, босая и полуголая, разгуливала ночью по палате.

Только шеф не поднял своих тяжелых век. Заканчивая пятиминутку, он предложил мне еще раз показать Ильину невропатологу, а потом, почесав мизинцем переносицу, добавил: «А лучше всего, Мария Владимировна, пригласите-ка психиатра».

Обычно я всегда успеваю до пятиминутки заглянуть в свою палату или хотя бы коротенько узнать у ночной смены, как мои провели ночь. А сегодня я, как назло, немножко проспала, потом поругалась с мамой.

Еще накануне я засунула шарф на верхнюю полку шифоньера, а утром сделала вид, что не могу его найти, а потом оказалось, что я и в самом деле забыла, куда его сунула. Мама уже пустила слезу, потому что термометр показывал 28° мороза, а у меня недавно болело горло.

Пришлось под мамино нытье и настырную воркотню все же найти этот шарф, который она собственноручно связала и подарила мне в день рождения.

В клинику я прибежала вся в мыле, только-только успела с ходу заскочить в халат и натянуть на голову свою «шапокляку».

И, как на грех, на пятиминутку заявился сам шеф. Конечно, я давно уже перестала его бояться, но для меня тошнее всего садиться в галошу именно в его присутствии.

Не потому, что все мы, особенно молодые врачи, зависим от его отношения к нам, от его оценки нашей работы... Он очень не плохой мужик. Нагрузка у него нечеловеческая, но не ради денег. Он не хапуга, и это — главное. И мы это знаем точно. Проверено.

С больными он воплощение какого-то особенного, удивительного такта и душевной деликатности.

Ну, а с нами он не очень церемонится. Нас, молодых врачей, в кардиологическом отделении четверо: Славка, Нонночка, Игорь и я.

Все мы очень разные, и ругает нас шеф по-разному. Лексикон у него обширный и вполне современный: снобы, битники, полупотерянное поколение, хлюпики и еще почему-то самоеды.

Все это, конечно, несерьезно. В случае настоящей провинности, даже со стороны «средняков» вроде Риммы Константиновны, которые по возрасту не намного моложе шефа, он становится холодно-сдержанным и немногословным.

По имени-отчеству мы называем его только в личном разговоре. За глаза почти весь персонал, с нашей легкой руки, величает его шефом.

А иногда он превращается в мэтра, патрона, хозяина и даже босса. Это когда Славка или Игорь обижены и пытаются хоть чуточку отыграться сарказмом.

С пятиминутки я шла злая, как черт. В коридоре меня перехватил Славка и, тиснув на ходу мой локоть, сказал:

— Будь бдительна, Машук. Что-то мне в этой твоей старушенции не очень нравится...

Славка — мой однокурсник, но в институте мы с ним никогда не дружили. Одно время я даже считала, что в медицине он вообще человек случайный.

Слишком самонадеянный. Прямолинейный, как оглобля.

А врач из него все-таки получился. С больными он держится просто, но очень уверенно, и больным это импонирует. Его любят.

И шеф явно выделяет его из нашей четверки. Видимо, заслуженно. Не знаю. Возможно, я просто немного ему завидовала. Но недавно произошел случай, который нас очень сблизил.

У Славки был больной, поступивший к нам из хирургии после операции на печени. Славка с ним очень много возился, смело пичкал новыми препаратами, дело шло к выздоровлению, и вдруг вечером, как раз в мое дежурство, больному стало плохо, и в 12.20 он умер. Инфаркт.

Оказалось, что родственники через какого-то услужливого идиота, ходячего больного, передали ему письмо. Его жена где-то на Урале в командировке попала в автомобильную катастрофу. Позднее мы узнали, что она осталась жива... А он умер.

Больному стало плохо в десять часов, и хотя я знала, что и как нужно делать, велела сестре позвонить Славке домой. Он прибежал.

Когда все было кончено, я пошла искать Славку. Есть у нас в процедурной, за будкой электрокардиографии, такой уютный, тихий уголок. Славка сидел в этом полутемном закутке и раскачивался, обхватив голову руками.

Я очень испугалась, мне почудилось, что он плачет, я начала пятиться, чтобы уйти, пока он меня не заметил, но он поднял голову и окликнул меня.

Глаза у него были сухие, но лучше бы уж он плакал...

Он сказал: «Посиди со мной...»

Я втиснулась к нему в закуток, и мы впервые поговорили с ним по-людски, о многом и очень нужном.

Несколько Славкиных брошенных мимоходом слов встревожили меня больше, чем все пятиминутные разговоры.

В палату с утренним обходом я вошла в препаршивом настроении и, конечно, прежде всего увидела, что моя драгоценная Ильина сидит, прикрыв опущенные с кровати босые ноги одеялом.

Ни халата, ни тапок постельным больным не положено, а ей предписан постельный режим. И даже не просто постельный, а строго постельный.

Всего пять дней назад ее доставила к нам «Скорая» с тяжелейшим приступом стенокардии.

— Прошу вас, Нина Алексеевна, ложитесь...— говорю я насколько могу мягко и спокойно. И убедительно.— Вот сделаем еще одну электрокардиограмму, посоветуемся с профессором, и, возможно, через несколько дней он разрешит вам сидеть...

— Мне так лучше...— говорит она тихо, не глядя на меня. Голос у нее тусклый, почти без интонаций.

Разумеется, она знает, что я «второгодок», и

Материал, защищенный авторским правом

РИКАМ НАДО

ни в грош не ставит мои предписания. Я уверена: если она сейчас поднимет на меня глаза, я в них прочту: «Откуда ты можешь знать, маленькое ничтожество в белом халате, что для меня лучше или хуже?»

— И все-таки вы должны лежать...— говорю я твердо и помогаю ей лечь.

Она лежит, как положено. На спине, вытянув поверх одеяла худые, удивительно красивые руки. Лежит, закрыв глаза, неподвижно.

А я опять не могу оторвать глаз от ее лица. Спокойное, белое, как гипсовая маска, красивое лицо. Я не представляла себе, что у человека в семьдесят лет может быть такое прекрасное лицо. И волосы, совершенно седые, но густые и пышные.

...Честное слово, многие наши девчонки охотно променяли бы свои жиденькие патлы на такое богатство. И седина не испугала бы, покрасить можно в любой цвет — было бы что красить.

Я начинаю обход. К Ильиной я подойду позднее еще раз, пусть отдохнет, а может быть, и подремлет после бессонной ночи.

А с психиатром я все же повременю. Я должна разобраться сама. Тут что-то другое... Но что?

Родные ежедневно справляются по телефону о ее самочувствии, аккуратно навещают, приносят передачи.

Сын Ильиной Виктор Андреевич сейчас в Ленинграде, в командировке. Навещает ее невестка, жена сына. Очень симпатичная, приветливая женщина средних лет. Ильину она называет мамой, иногда мамулей, целует ее в щеку, и мне кажется, все эти нежности не притворны.

Это чувствуется по выражению лица Ильиной. Оно теплеет и несколько оживает, когда Марина Борисовна входит в палату.

И называет ее Ильина Маринкой или Маришей, а ведь это тоже чего-то стоит. Но по-настоящему она оживает, когда приходит Валерий, ее единственный внук, студент-дипломник, длинный, еще по-мальчишески тощий, но уже жених. Его Ирочка — очень хорошенькая девчонка. Вообще это на редкость симпатичная пара. Он высокий, белобрысый, с синими глазами, она едва ему по плечо, тоненькая, черненькая. Карие глаза в пушистых ресницах.

Валерий приносит бабушке цветы. Зимой у нас в Сибири достать их не так-то просто.

Он похож на бабушку, и, видимо, они очень привязаны друг к другу. Он говорит: «Помнишь, как ты меня пичкала рыбьим жиром? Я же терпел! Имею я право на реванш? Это же в конце концов не рыбий жир, а всего-навсего сливки с фруктовым соком. И всего полстакана...»

И она послушно пьет из его рук какую-то не очень аппетитную на вид смесь, а он уже достает из сумки виноград и лимоны.

Главное, он не стыдится проявлять свои чувства к ней. Они не целуются при встрече, но он, пока сидит подле нее, все время не выпускает из своих больших лап ее руку, и както очень хорошо перебирает ее тонкие, прозрачные пальцы, и, прощаясь, не целует, а просто на мгновение приникает щекой к ее ладони.

Два раза Ильину навещала мать Ирины, Варвара Семеновна, толстенькая, румяная, громогласная и удивительно моложавая. Просто не верится, что у нее дочь — невеста.

Ильину она называет сватьюшкой, приносит ей разные домашние постряпеньки и рецепты «самого последнего, надежного лекарства от сердца».

При появлении сватьи на лице Ильиной возникает какая-то виноватая, вымученная улыбка.

После свидания я пригласила Марину Борисовну в ординаторскую. Мне нужно было узнать: всегда ли ее свекровь Нина Алексеевна отличалась таким замкнутым характером или черты эти обострились в результате болезни?

Марина Борисовна искренне изумилась:

— Да что вы, Мария Владимировна! У мамы золотой характер. Конечно, она не болтлива, но очень общительна и посмеяться любит и поговорить. Просто ее травмировал этот неожиданный сердечный приступ. Вы обратили внимание, как она лежит? Ведь она даже руку поднять боится...

Обратила ли я внимание?!. В том-то и загадка. При них лежит почти неподвижно, образцовая больная, а ночью разгуливает босиком по палате и лекарства втихомолку выбрасывает в плевашку.

Я знаю, что сердечный приступ у нее начался неожиданно, без всяких якобы предвестников.

Никаких потрясений, никаких травм. Ходила в кино, смотрела чепуховую комедию, шла домой не спеша, вечер был чудесный, присела во дворе в скверике отдохнуть, подышать перед сном, и вдруг началось...

— Скажите, Марина Борисовна, а сейчас...— спрашиваю я не очень уверенно.— Нет ли чего-нибудь, что могло бы Нину Алексеевну угнетать, тревожить?

Марина Борисовна недоуменно пожимает плечами.

— Может быть, она скучает о Викторе? Я хотела телеграфировать, и Валерик настаивал, но мама сама категорически запретила. Это же было при вас и в присутствии Леонида Ивановича. Вы меня простите, Мария Владимировна, но я по этому вопросу еще раз проконсультировалась у Леонида Ивановича, и он меня заверил, что вызывать Виктора Андреевича нет необходимости...

Так-то вот. Значит, на балансе имеется: общительный, даже, можно сказать, жизнерадостный характер, никаких душевных травм, в семье полная гармония... все хорошо, прекрасная маркиза... А желания жить у человека нет.

Опять поссорилась с мамой. Она становится невыносимой. Я положительно ее не узнаю, настолько у нее испортился характер. Вечная смена настроений. Или ворчит, или хнычет, сама не зная о чем.

И эта навязчивость, совершенно ей несвойственная... Приходишь домой — обязательно рассказывай ей о всех своих делах.

А я иногда просто не знаю, о чем с ней говорить. Неприятности свои я от нее скрываю, потому что она обладает способностью делать из мухи слона и любую мою ерундовую неудачу превращать в трагедию.

Я понимаю, что она скучает. На пенсию она ушла два года назад и, видимо, до сих пор не может привыкнуть к безделью. Я ей говорю: «Ну, что тебе нужно? Мне бы такую жизнь. Ничем не связана, времени свободного хоть отбавляй. Заведи приятельниц хороших, в кино ходи, читай, рукодельничай. Возьми, наконец, какую-нибудь общественную нагрузку, есть же у вас какие-то пенсионерские советы, вот ты и сходи, узнай — найдется и для тебя какое-нибудь дело. Теперь ведь модно — общественные начала...»

А она смотрит на меня такими глазами, словно я ее обидеть хочу. Теперь еще новенькое появилось. Раньше, когда я была девчонкой, она никогда меня не опекала: видимо, была уверена во мне. Я всегда дружила с мальчишками, и никогда это ее не тревожило... А теперь, как бы поздно я ни пришла домой, она не спит. Ждет. И в глазах тревога. И вопрос: почему задержалась? Где была? А главное, конечно, с кем была?

На Юрку косится. Когда он приходит, я чувствую, как она следит за каждым нашим словом, за каждым взглядом.

Умора. Она боится, что Юрка меня «совратит»!

Смешно и противно, потому что приходится врать. Да еще Юрка, балда, не может удержаться, чтобы ее не поддразнивать...

Не понимаю, как можно так измениться. Не настолько уж она стара, чтобы с этих пор начать выживать из ума...

В клинике я провожу много «лишнего» времени. У меня несколько интересных больных, но, если уж говорить правду, меня все время тянет в восьмую палату, к Ильиной.

Знаю теперь абсолютно точно: она все время чего-то ждет. Вернее, кого-то ждет. И нервы, несмотря на внешние признаки депрессии, натянуты до предела.

Иногда, неудобно вывернув шею, она напряженно, не мигая, смотрит на закрытую дверь палаты.

И уже несколько раз я засекла такой момент: глаза закрыты, лицо неподвижно и, казалось бы, спокойно, но голова чуть-чуть приподнята, чуть-чуть отделилась от подушки: она вслушивается в звуки коридора. Она жадно ловит звуки, но не все, а только звуки мужских шагов, мужских голосов.

Она ждет сына. Того самого Виктора Андреевича, который сейчас находится в командировке.

Она сама запретила его вызывать... Запретила и все-таки ждет. Может быть, она надеется, что родные, не посчитавшись с ее запретом, все же сообщили ему о ее болезни...

И он не приехал до сих пор, возможно, потому, что временно уезжал из Ленинграда на какой-нибудь отдаленный объект, а телеграмма лежит нераскрытая в номере ленинградской гостиницы... И еще погода... Ведь может же быть нелетная погода, и он сидит где-нибудь на Свердловском аэродроме...

А может быть, сейчас, именно в эту минуту, самолет приземлился в нашем аэропорту... вот Виктор бежит к остановке такси... может быть, это его шаги в коридоре, торопливые, тяжелые... и голос... от волнения голос может очень измениться...

Вот примерно какие мысли могут заставить человека так исступленно ждать.

Еще в детстве у меня была дурная привычка — задумываться, по маминому определению, «уходить в себя».

Идиотское состояние. Вдруг выключаешься, перестаешь видеть и слышать, что происходит вокруг тебя. Не замечаешь любопытных, а порой и насмешливых взглядов.

Позднее я научилась следить за собой. Во всяком случае, больным я ни разу не предоставила возможности наслаждаться любопытным зрелищем, когда их лечащий врач вдруг «уходит», а потом «выходит» из себя.

Материал, защищенный авторским правом

А теперь у меня явный рецидив.

К концу обхода я почему-то очень устаю, а когда в заключение осмотра и выслушаю Ильину, вытяну из нее хотя бы самые необходимые ответы — скупые, вялые, неохотные,— от меня остается одна шкурка, как от выжатого лимона.

И вот картина: больная с закрытыми глазами, не то дремлет, не то притворяется спящей, а врач сидит у ее постели и смотрит, не мигая, упершись глазами в одну точку.

Вчера из такого конфузного состояния меня вывела Ильина.

Видимо, она долго наблюдала за мной из-под опущенных век и наконец, коснувшись кончиками пальцев моей руки, тихо сказала: «Идите отдыхайте, милая вы моя...»

Наконец-то мне удалось перевести Ильину в одиннадцатую палату. Это маленькая, одноместная комнатка, очень уютная и тихая. Окно выходит в институтский сад, сюда совершенно не достигают городские шумы.

И оборудована она не по-больничному, а как в хорошем санатории. Вполне приличные шторы, на полу коврик, в нише за шифоньером «персональный» умывальник.

В своем кругу мы называем эту палату-люкс «блатной».

Обычно по распоряжению Леонида Ивановича ее заселяют жены или тещи больших начальников.

На этот раз, когда очередную номенклатурную жену готовили к выписке, Леонид Иванович дал указание перевести в нее из мужской, очень хорошей, небольшой и спокойной палаты какого-то весьма сановитого дядю.

Уже несколько дней он прогуливался по коридору, благосклонно улыбаясь молоденьким сестрам и врачам, в том числе и мне.

Такой представительный, солидный — выше средней упитанности.

Славка заблаговременно снабдил меня необходимыми «агентурными» сведениями. Больной лег на обследование; его драгоценному здоровью в данный момент ничто не угрожает; сон и аппетит — дай бог любому из нас; в часы, свободные от сна, процедур и приема пищи, разгуливает по всей клинике, по вечерам уходит в терапию смотреть телевизор или режется в шашки с выздоравливающими больными.

Вооруженная этими данными, при активной поддержке не только «полупотерянного поколения», но и всех «средняков», я воззвала к авторитету шефа и вырвала палату прямо из пасти Леонида Ивановича.

Теперь, когда Нина Алексеевна в отдельной палате, я имею возможность уделять ей значительно больше и времени и внимания.

Два раза ее смотрел шеф. С сердцем попрежнему очень нехорошо. Режим без изменений — неподвижность, покой. Но ее душевное состояние меня уже тревожит меньше. Понемногу спадает напряженность. Видимо, она убедилась, что родные не известили сына о ее болезни,— и перестала ждать его внезапного появления.

Я принесла ей наушники, она кладет их под подушку, слушает музыку. Встречает меня улыбкой. Улыбка у нее хорошая, чуточку ироничная, но добрая.

И говорим мы теперь не только о ее самочувствии. О музыке говорим, о новых кинофильмах, о литературе. С ней очень интересно. Какая-то энциклопедическая начитанность. И ясность мысли. И еще удивительное для ее возраста чувство нового, понимание нового...

А что я, собственно, знаю о людях ее возраста? Старики, даже самые высокообразованные и мудрые, всегда казались мне неинтересными и скучными. Никогда меня к ним не тянуло.

Говорит Нина Алексеевна мало, но получается, что всегда разговор направляет она. Я уверена, она понимает, что мной руководит не какое-то бабье любопытство, и все же очень деликатно, но твердо пресекает любую мою попытку «заглянуть ей в душу». С разрешения шефа я выписала для ее родных постоянный пропуск.

Теперь Валерий, и Марина Борисовна, и даже сватья Варвара Семеновна могут навещать ее в любое, удобное для них время.

Странное дело, но у меня такое ощущение, что этот мой подарок Нину Алексеевну не обрадовал. Иногда мне кажется, что она терпит присутствие родных только из деликатности.

Спит она очень мало. О чем она думает? Чем заняты ее мозг, ее память, если ей мешает даже Валерий, которого она, несомненно, очень любит?

Отдельная палата, постоянный пропуск — все это чрезвычайно расположило ко мне родственников Нины Алексеевны. Даже сблизило нас. Сватья, например, относится ко мне, можно сказать, по-родственному. Рассказала, как она мирила Ирину с Валерием, когда они недавно серьезно поссорились.

Виновницей ссоры, по ее мнению, была Ирина, а Валера только «показал свой мужской характер», поэтому она «заставила Ирку покориться» и сделала ей серьезное внушение, что «какой-то соплюхе задирать нос перед таким самостоятельным парнем — это недолго и на бобах остаться» и т. д.

О Нине Алексеевне она отзывается с большим уважением: «Стара сватья у нас, а прямо сказать, всех мер женщина. Образованная, а никакой черной работы не боится. К любому человеку уважительная и характером уживчивая, не то что некоторые другие старухи».

Я, конечно, стараюсь при каждом удобном случае перекинуться с ними словом. В результате всех этих случайных, обрывочных разговоров у меня складывается уже более или менее ясное представление об этой семье. Муж Нины Алексеевны и ее старший сын, Володя, погибли на фронте. Младшая из детей, любимица всей семьи Маруся, умерла в сорок втором от менингита.

И все эти годы утрат и потерь рядом с матерью был Виктор — последняя зацепка в жизни, единственный, все понимающий, лучший из всех сыновей земли.

Двадцати трех лет, в первом послевоенном году, он закончил институт и вскоре привел Марину.

«Вы знаете, мама не была для меня свекровью... она никогда не ревновала Виктора ко мне. Сначала нам жилось очень трудно, особенно когда родился Валерик. Без маминой помощи я, конечно, не смогла бы окончить университет» (из разговора с Мариной Борисовной).

Сама Нина Алексеевна о семейных говорит скупо, но неизменно доброжелательно. Только когда разговор коснется Валерия, она становится несколько многословнее: «В бабьем сердце есть такой особый заповедничек для внучат. Появляется в семье — не зван, не прошен — этакий владыка, деспот, центр вселенной, весом три килограмма двести граммов. Все летит кувырком: налаженный семейный уклад, покой, отдых... На вас обрушивается лавина новых забот, волнений, страхов, ночи бессонные, но вам уже кажется невероятным: как это раньше вы могли обходиться без него?

Он часто болел. А я работала в издательстве и брала работу на дом, чтобы быть с ним, когда он не мог посещать садик. У меня была старенькая, большая, теплая шаль. Он ее очень любил. Возьму его на руки, закутаюсь вместе с ним шалью — у него только головенка торчит наружу — и ношу от окна к окну. Называлось это у нас «походим-побродим». Я говорю: «Смотри, вон это завод, там делают машины. Видишь, какая большая труба, а из трубы дым идет». Он смотрит так серьезно, вдумчиво и повторяет: «Ту-ба... мым».

Приходит время поорать — сидит, орет. Убедится, что никто из взрослых не реагирует,— замолчит, подумает — идет мириться.

Бывало, скажешь ему: «Ну, вот и все. И орать было нечего».

Переболел свинкой. Сидит в кроватке хмурый, сердитый. Говорит отцу басом: «Дай пить!» Отец спокойно спрашивает: «А как нужно сказать, сынок?» В ответ рев: «Пить хочу!!!» Отец продолжает невозмутимо делать свое дело. Поорал пять-шесть минут... Замолчал. Сидит зареванный, надутый, сопит. Потом говорит хмуро: «Папа, дай, пожалуйста, водички»,— и тут же сердитой скороговоркой добавляет: «Вот и все, и орать было нечего».

Тринадцать лет жили в двухкомнатной квартире. В большой комнате — молодые, в маленькой — бабушка с Валериком. Потом получили трехкомнатную. В столовой поставили ширму. Образовался светлый, уютный угол. В нем хотя и впритык, но очень удобно вместились тахта и письменный стол. Валерий получил отдельную жилплощадь.

В этой квартире живут они и сейчас.

С Иринкой Валерий дружит около двух лет. Марина Борисовна в нее влюблена, кажется, не меньше Валерия.

Нина Алексеевна об Ирине: «Обаятельная девочка. Рада за Валерия. Думаю, что он не ошибся в выборе».

Будущую Валеркину тещу, Варвару Семеновну, в семье Ильиных тоже приняли радушно, по-родственному.

«Женщина простая, без претензий, Ирочку обожает, готова ради нее на любую жертву и в то же время держит ее в ежовых рукавицах. Ирочка не только отличница пединститута, но и прекрасная хозяйка, трудолюбива, чистоплотна, знает цену копейки...» (из характеристики Марины Борисовны).

Нина Алексеевна своей богоданной сватье тоже отвечает полной взаимностью: «Труженица, честная, очень искренняя. Пленяет неистощимым оптимизмом... несколько категорична в суждениях и для меня, к сожалению, слишком громогласна. Мариша и Валерий — люди молодые, выносливые, а я по старости лет через полчаса выхожу из строя, тупею и лишаюсь дара речи».

В общем, если суммировать все данные, почерпнутые из этих разговоров и кратких характеристик, передо мной наиблагополучнейшее семейство.

Полная семейная гармония.

Почему я так устаю? Здорова, как березовый пень. Нонночка против меня задохлик, а в любое время дня и ночи она в форме, свеженькая, словно парниковый огурчик.

Вчера Римма Константиновна — она с нами говорит всегда в этаком покровительственно-материнском тоне — потрепала меня по щечке: «Ничего, девочка, скоро придет второе дыхание. Ко всему нужна привычка». Не знаю, можно ли привыкнуть к человеческой боли... к агонии. И еще к сознанию своего бессилия, беспомощности перед смертью и страданием.

Я не сентиментальна. Боже упаси! Не выношу всяких там разных нежностей и сюсюканья с больными, но меня всегда корежит от цинизма некоторых старшекурсников и молодых врачей, когда они говорят о больных.

За это я и Славку раньше не любила.

Ему ничего не стоит сказать: «Этот мой старый хрен из четвертой палаты ночью чуть-чуть концы не отдал. Валандался с ним до рассвета...» Или: «Опять мне Лелин старушечку подсудобил. Предынфарктное состояние, вместо печенки футбольный мяч, ей бы заблаговременно об оркестре похлопотать, а она этак ультимативно вякает, что через две недели должна лететь в Свердловск на какой-то там семинар».

Теперь-то я знаю, что все это идиотская бравада, а вернее, форма защиты против жалости, страха за больного, против сознания своего бессилия.

И к своим больным он так же по-дурацки привязывается, как я... Как-то я его спросила, чего это он с утра пришел в таком собачьем настроении. Он говорит: «Встретил сейчас Сальникова. Помнишь? Рыжий такой, в пятой у меня лежал больше месяца. Я обрадовался: прет, понимаешь, навстречу, морда такая здоровенная... Я чувствую, рот у меня до ушей, а он прошел мимо... не поздоровался. Не узнал... Забыл. А я помню, под каким ребром у него скрипело, под каким булькало... все анализы его помню».

Гуманность... Вот с чего начался этот странный разговор. Она сказала: «Гуманность — понятие растяжимое... Вы не читали роман «Семья Тибо»? Французский писатель Мартен дю Гар. Советую прочесть... я попрошу Валерия, он принесет... Человека съел рак... чудовищ-

Материал, защищенный авторским правом

ные страдания... но человек еще не стар... сильный организм... здоровое сердце... Умирает и никак не может умереть. Помочь ему... сократить чудовищно затянувшуюся агонию может один-единственный человек, который безотлучно находится подле него, его старший сын... врач.

Я не была подготовлена к такому разговору. Я сказала:

— Это было бы убийством...

— А может быть, наоборот: актом наивысшего, подлинного гуманизма... актом милосердия?

— Как же этот... сын поступил? Он сделал... это?

— Да, он сделал это... Мужественный человек. Честный... и он любил отца.

— Но ведь он был не только сыном... он был врачом?!

Нина Алексеевна закрыла глаза. Она не собиралась спорить. Но я уже не могла уйти от этого разговора. Зачем она его затеяла? Что она хотела сказать?

Она мне напомнила. Был такой ученый, который утверждал, что старики, достигнув определенного возраста, примерно шестидесяти лет, неизбежно становятся обузой не только для семьи, для своих детей, но и для общества. Мешают общественному развитию, тормозят прогресс.

Спасением от этого социального зла и должно служить гуманное, безболезненное умерщвление стариков.

Если меня по-настоящему разозлить, я могу стать даже красноречивой. Я прочла ей краткую, но вполне квалифицированную лекцию по геронтологии. Биология старости... клинико-морфологические аспекты старения... активное, творческое долголетие... Привела почти дословно длинную цитату из недавно прочитанной умной книжки о том, что «...старость не должна быть прозябанием; что старость — это подведение итогов труда целого поколения, передача трудовой эстафеты новому поколению в порядке активного с ним сотрудничества».

Нина Алексеевна слушала терпеливо и очень серьезно. Перебила она меня, только когда я начала перечислять имена великих старцев. Они сыпались из меня, как из мешка: Гете, Толстой, Верди, Павлов, Тимирязев...

— Эти люди — исключение... Активное, творческое долголетие — удел избранных,— сказала она тихо.— Вы говорите: старость не должна быть прозябанием. Но в том-то и беда, что для подавляющего большинства стариков долголетие — несчастье.

Передача трудовой эстафеты новому поколению... все это звучит убедительно и... красиво, но физическое угасание, угасание интеллекта — процесс неизбежный и естественный... Старик не живет уже, а доживает. Не только близким, а и сам-то себе становится в тягость... Он начинает заедать жизнь молодым...

Она так и сказала: заедать жизнь молодым. Фраза эта звучала каким-то диссонансом на фоне всех интеллигентных слов, какие мы с ней друг другу наговорили.

— А я вам не верю,— сказала я твердо.— Не верю, что вы могли говорить все это серьезно.

— Не сердитесь...—Она тихонько коснулась моей руки кончиками сухих, прохладных пальцев.— Я понимаю вас. Существует такое понятие — врачебная этика. И все же задам вам один вопрос — именно как врачу... В клиниках и больницах не хватает мест. На квартирах лежат «очередники»— молодые, полноценные люди. Их на дому кое-как лечат участковые врачи в ожидании, когда в вашем стационаре освободится место. А «неотложка» подваливает вам стариков: хроников с инфарктами, параличами, астмами... Месяцами они занимают эти драгоценные, дефицитные больничные койки... Не может вас, как врача, не волновать нелепость такого положения... И в то же время — как вы думаете?— очень уютно чувствует себя старик, захвативший место, по праву и по логике вещей принадлежащее молодому?

— Вы забываете, Нина Алексеевна, что, кроме врачебной этики, существует обычная, общественная этика...— сказала я, вставая.— Право на заботу и лечение в первую очередь имеют пожилые люди... Давайте выпейте свой порошок — и спать! А больничных коек у нас пока действительно не хватает. Все мы это знаем. Но мы знаем и другое. Утверждено строительство областной лечебницы, капитально ремонтируется и расширяется заречная городская больница... Стоит вопрос о создании стационара санаторного типа для лечения престарелых (каюсь, эту утопию я сочинила на ходу, по вдохновению, в порядке самообороны. Никто и нигде вопроса о таком стационаре для стариков пока еще, конечно, не ставил). Ну, закрывайте глаза, тушу свет!

Я шла полутемным коридором и в смятении думала: «Господи, неужели она права? Неужели мы настолько неосторожны? Нужно поговорить со Славкой».

Проснулась, словно вынырнула из чистой, прохладной реки, вышла на песчаный солнечный берег — свежая, отдохнувшая.

Ужасно люблю просыпаться без желания еще хоть минуточку поваляться в постели. Только откроешь глаза, и уже хочется побыстрее начать что-нибудь делать. И завтрак кажется вкусным, и кислая мамина физиономия не раздражает.

Между прочим, последние две недели мы с мамой совсем не ссоримся. Она очень изменилась к лучшему. Не ворчит, не пристает с расспросами, часто по вечерам уходит к соседям или копошится в кухне, так что я могу спокойно почитать или покрутить пластинки, которые она очень не любит.

Вчера шеф консультировал больную Приходько. Две недели назад она была еще очень плоха. Несколько ночей подле нее дежурили родные.

А вчера шеф разрешил ей садиться в постели.

Шеф никого не хвалил, но если его довольно сложное заключение перевести в трех словах на простой русский язык,— это будет звучать примерно так: человека вытащили из могилы.

Приходько — моя больная. После консультации Славка сказал, галантно расшаркавшись передо мной: «Мария Владимировна, примите мои поздравления!»

Домой мы шли вместе, и я рассказала ему о своем последнем странном разговоре с Ниной Алексеевной.

Славка стал очень серьезным.

— Зри в корень, Машук. Или твоя старушенция — психопатка, или у нее дома обстановочка, располагающая к петле...

Со Славкой я теперь часто советуюсь, и его советы мне всегда помогают, но с Ильиной все значительно сложнее.

Во-первых, никакая она не психопатка, во-вторых, дай бог всем старикам иметь такую семью! Ее любят, о ней заботятся, и она любит. А что еще старику нужно?

Я сказала Славке, что у меня такое ощущение, как будто она беззлобно, с этакой мудрой иронической усмешечкой подшучивает надо мной.

А я, как слепец: звук слышу, хожу вокруг да около, а вплотную подойти не могу.

Встретила Надежду. Она педиатр, специализируется в детской у профессора Нечаева. Мы когда-то дружили. Я часто у них бывала. Семья как семья. Отец погиб. Жили втроем. Мать, Надежда и старший брат Костя. Все было в порядке, не хуже, чем в других семьях. А сейчас Надежда говорит: «Опротивело все. Домой хоть не приходи. Костю выжила из дома: женился, видишь ли, не по ее вкусу. Ушел с женой, с ребенком на частную квартиру. Приходишь домой — начинаются стоны, истерики, упреки в неблагодарности, в эгоизме: «Я вам жизнь отдала, я ради вас молодостью пожертвовала!» А какому черту ее жертвы были нужны?! Хоть бы женишок какой подвернулся, ушла бы за любого, только бы от этого ада избавиться».

А Светка Ярошевская на днях мельком сказала, что ушла от матери в аспирантское общежитие. Говорит о матери, поджав губы в ниточку, и глаза холодные, злые.

Светкина мать мне всегда казалась очень интересной, умной. Во всяком случае, такой она была, когда мы со Светкой еще учились в школе.

Спрашиваю Светку, из-за чего она ушла от матери, а она говорит: из-за магнитофона.

Копили ей на зимнее пальто, а она пошла и на эти деньги купила магнитофон. Конечно, каждый из нас мечтает обзавестись собственным «магом», потому что интересных грамзаписей, особенно зарубежной джазовой музыки, в наших магазинах днем с огнем не найдешь.

А Светка к тому же влюблена в Эдит Пиаф. Она говорит:

«Не знаю ничего более трагического, более выразительного и искреннего, чем голос Эдит».

А мать этот же самый голос может довести до судорог. Она заявила Светке: «Не верю, что тебе с твоим музыкальным вкусом, с твоим чутьем могут нравиться эти истеричные вопли. Ты просто кривляешься, потому что это модно... Нельзя одновременно любить Зыкину и Пиаф... Это противоестественно, патологично».

— Посмотрела бы ты, какое у нее при этом лицо! Скорбная, трагическая маска, пальцы судорожно сжаты. Потрясающая сцена из старинной мелодрамы: мать пытается спасти падшую дочь от окончательной гибели.

Потом она заявила, что я слушаю эту «растленную» музыку только назло ей, что вечерами ей необходим покой... Целыми днями ничего не делает, живет в собственное удовольствие, а у меня выпадет в неделю какой-то один несчастный вечер, и то я не имею права послушать любимые мелодии... А что она творила, когда я в первый раз покрасила свои соломенные патлы! Ты думаешь, она ругалась? Нет. Холодное, презрительное молчание... Я говорю: «Ты ханжа. Что ты понимаешь? Какое тебе дело?» А она со скорбью во взоре: «Мне больно и стыдно за тебя... Докатиться до такого мещанства... до такого духовного оскудения, убожества... Вы тупое стадо обезьян... Ничего личного, искреннего, индивидуального... Рабы уродливой, безвкусной, бесстыдной моды...»

У нее очень красивые ноги, до сих пор красивые... А у меня, сама знаешь, не очень. Надела я новое платье — полгода на него копейки свои откладывала,— она осмотрела меня молча с ног до головы, покачала головой и этак соболезнующе цедит: «Ну, знаешь, с такими ногами я бы не отважилась...»

Понимаешь? Бьет по больному, со вкусом бьет, со смаком...

Я спросила Светку: как это все у них началось? Ведь не сразу же: вчера все было хорошо, а сегодня дело доходит до разрыва.

Светка говорит:

— Не знаю. Нет, конечно, не сразу. Сначала какие-то мелочи, недовольства, потом хуже и хуже...

Я шла домой и все думала: видимо, это подкрадывается постепенно, незаметно. Возникает сначала непонимание, отчужденность какая-то, а потом она перерастает в ожесточение, даже в ненависть, как у Светки.

Никак не могу вспомнить, когда я впервые обнаружила, что мне с мамой скучно.

Раньше я могла говорить с ней часами. Она жила в поселке. Приедешь на каникулы или просто вырвешься домой на денек — и не можешь наговориться.

Или случится что-нибудь, места себе не находишь: нужно обязательно рассказать маме.

В нашей семье никогда не были в ходу нежности. И при жизни папы и после его смерти, когда мы остались с мамой одни.

Жили очень дружно, но обходились без всяких там лобзаний и прочей ерунды.

Но ведь еще совсем недавно, в воскресное утро, когда и ей и мне можно было лишний часок поваляться в постели, я забиралась к ней под одеяло, и мы говорили, говорили обо всем на свете.

А теперь скучно. Или она поглупела за эти несколько последних лет, или я стала такой уж чрезмерно умной?

Придется как-то на досуге все эти дела обдумать, чтобы не получилось так же, как у Светки.

Продолжение следует

Материал, защищенный авторским правом

11-я ЗОНА, МИРОВОЙ ЦЕНТР

Город науки, обязанный своим рождением успехам человеческой мысли,— знамение нашего времени.
Дубна и Обнинск, Академгородок под Новосибирском, Пущино на Оке... Сколько таких городов появилось за последние годы на карте нашей страны! Одни из них еще в поре становления, другие уже сделались мировыми столицами Мысли...

Л. КОКИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

«Обнинск. Первый город в истории человечества, жители которого приготовили свой утренний завтрак на энергии расщепленного урана».

Когда-нибудь — в обозримом будущем,— сойдя здесь с поезда, приезжий человек увидит красивое современное здание вокзала — непременно красивое и непременно современное, иное городу не пойдет — и прочтет на стене какие-то похожие на эти слова (они из воспоминаний физика Дмитрия Ивановича Блохинцева). «Случилось так,— поясняет Блохинцев,— что на следующий день после пуска атомной станции все другие источники энергии были отключены».

Но покамест никакой подобной надписи нет, как покамест нет и вокзала. Лишь высокая дачная платформа с несколькими скамьями для ожидающих да кассовой будкой посредине. Не сбавляя хода, пролетают мимо платформы дальние поезда, только по утрам притормаживает 923-й почтовый Москва — Львов, чтобы сбросить мешки с почтой. Мешков этих необычно много для такой маленькой станции. Если посчитать, должно быть, Обнинск окажется на одном из первых мест в стране (не исключено, что и в мире) по потреблению на душу печатного слова. А письма? Откуда только не добираются сюда письма: из Австралии, из Японии, из обеих Америк! Филателисты соседних Малоярославца и Наро-Фоминска могут люто завидовать обнинским своим собратьям.

Но железная дорога консервативна. Что ей дачная платформа? Пригородные электрички выбрасывают порции пассажиров, у которых билет до «11-й зоны». Торопливо перебежав через рельсы, они попадают в известный во всем мире научный центр.

Его заложили в лесах меж Москвой и Калугой, на берегу милой лесной речки Протвы, заложили, а потом и прославили физики-атомники. Много воды утекло в речке Протве с того летнего дня 1954 года, когда долгожданное облачко пара, вырвавшись из трубы, возвестило начало атомной энергетики и товарищи поздравили руководившего пуском первой в мире атомной электростанции Игоря Васильевича Курчатова «с легким паром». По сравнению с Белоярской или Ново-Воронежской АЭС «первая в мире» нынче выглядит слабенькой и устарелой. Станции, что поновее, в десятки раз более мощны и намного более экономичны, но они бы не стали такими, когда бы не обнинская «старушка», которая послужила для них — и для всех будущих атомных станций — первой ласточкой, опытным полигоном, школой. В сущности, и Белоярская, и Ново-Воронежская родились здесь, в Обнинске, в стенах Физико-энергетического института, так же как и большая атомная станция, ныне строящаяся на берегу Каспия, в городе Шевченко.

Реактор для снабжения электроэнергией опреснительных установок, новой станции на Каспии в отличие от своих предшественников работает на так называемых «быстрых» нейтронах. Отмеченное Ленинской премией создание «быстрых» реакторов — одно из главных достижений обнинских физиков во главе с Александром Ильичом Лейпунским. «Быстрые» реакторы замечательны в первую очередь тем, что по мере выгорания ядерного горючего общее его количество не только не уменьшается, но, напротив, растет. «Получается как бы так, что сожжешь в топке уголь, а выберешь вместе с золой еще больше угля»,— пояснял И. В. Курчатов. Именно с такими реакторами-«размножителями» связывают сейчас физики будущее атомной энергетики.

...С Физико-энергетического института начался город Обнинск. Но за чистыми физиками последовали геофизики, и физико-химики, и медики, и специалисты по медицинской радиологии. Обширное семейство институтов действует ныне здесь. И заметьте: редкая профессия обозначается одним словом. Чаще всего это профессии-гибриды, возникшие в результате взаимодействия и взаимооплодотворения разных наук. Известно, что именно на стыках наук рождаются в наши дни наиболее важные открытия.

У АТОМНЫХ ЛЕКАРЕЙ

Когда в лаборатории трудятся рука об руку физики, химики, биологи, врачи, никого в Институте медицинской радиологии это не удивляет. И книжная полка, где с квантовой механикой соседствует том по фармакологии, тоже в порядке вещей. По мнению авторитетов, завтрашняя биология — это физико-химическая биология. Но... мало посадить биолога, физика, химика в одной комнате. Куда важнее и вместе с тем куда труднее уместить их в одной голове!

Кандидат технических наук Юрий Рябухин и его сотрудники экспериментируют над злокачественными опухолями. Образование у Рябухина физико-химическое, много лет он работал как инженер-физик, защитил кандидатскую диссертацию, сделал наполовину докторскую, а затем бросил все и совершил такой пируэт, что товарищи его только ахнули: перешел в институт к медикам заведовать лабораторией, которой еще и не было. Теперь легко говорить об этом: у Рябухина опубликовано полтора десятка работ по нынешней его профессии,— а тогда, перейдя в институт к медикам, он почти год просидел один в помещении институтского вивария. Читал книги. Подселял, так сказать, биолога в свою физико-химическую голову.

Идея, над осуществлением которой бьется сейчас в опытах над животными бывший инженер Рябухин, заключается в том, чтобы, облучив раковую опухоль нейтронами, создать в ней искусственную радиоактивность. В сущности, сердцевина этих опытов весьма напоминает то, что делалось в физических лабораториях всего мира в пору становления ядерной физики. Едва ли кто мог бы рассказать об этом лучше научного руководителя обнинского Физико-энергетического института А. И. Лейпунского: вместе с Курчатовым и вслед за Ферми исследовал в свое время молодой Лейпунский атомные ядра, бомбардируя их с помощью нейтронов. Захват атомным ядром нейтрона приводил затем к распадению ядра. Следует ли напоминать, что эти работы привели в конце концов к расщеплению урана?..

Нейтронозахватная терапия возможна благодаря свойству опухолевой ткани задерживать в себе некоторые вещества. К ним относятся и такие, что способны поглощать нейтроны, например, литий. Нейтронная бомбардировка,— разумеется, строго по цели — вызывает ядерную реакцию, сопровождающуюся облучением опухоли изнутри. При этом не повреждается здоровая ткань, что неизбежно при обычных «внешних» способах облучения. Правда, можно вводить радиоактивные элементы больному внутрь, но и тогда по пути к цели в какой-то степени волей-неволей облучаются здоровые ткани.

Радиация и организм... Эту проблему без преувеличения называют проблемой века. Кто лучше медиков знает, что смертельный яд при разумном употреблении становится целебным? Все зависит от дозы. И когда проблему века обсуждают медики и биологи, их заботит не только защита живого организма, но также использование радиоактивных излучений в лаборатории, в клинике. Для медиков и биологов радиация — оружие эксперимента и врачевания. О том, как применять это оружие, шла речь в Обнинске на большой научной конференции по проблеме «Радиация и организм».

...После конференции группа гостей отправилась на осмотр нового, с иголочки, здания институтской клиники. С придирчивым любопытством профессионалов заглядывали во врачебные кабинеты. Рентгенодиагностика. Рентгенотерапия. Радиотерапия. О мере возрастания применяемых доз можно было судить не только по сложности и внушительности аппаратуры. Все толще становилось свинцовое стекло в наблюдательных окнах, через которые лучевой терапевт следит за больным во время процедуры, и наконец там, где действует установка «Луч» — кобальтовая пушка,— над врачебным пультом гости увидели мерцание телевизионного экрана. Все это само по себе не удивляло гостей-специалистов, лишь вызывало единодушное одобрение. Не удивила и надпись на соседней с

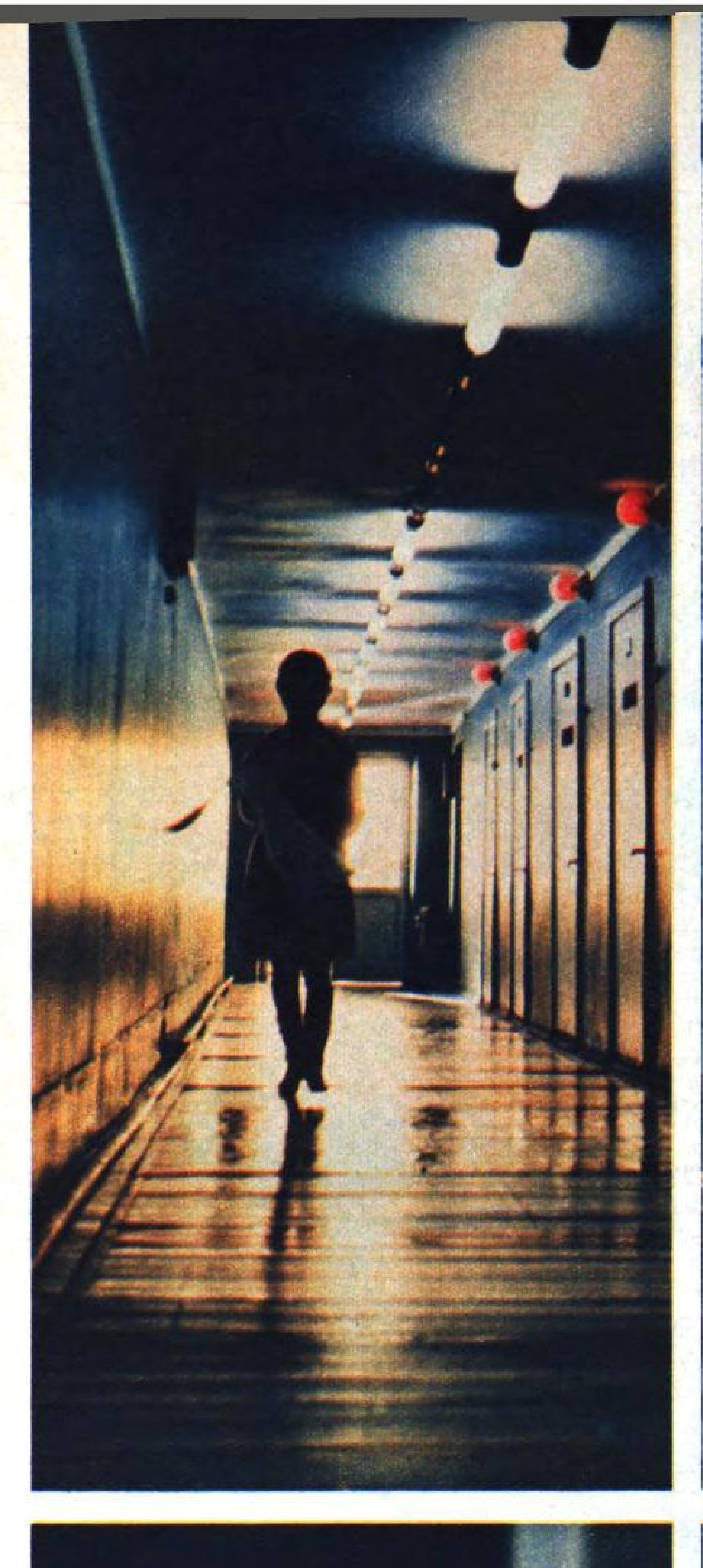
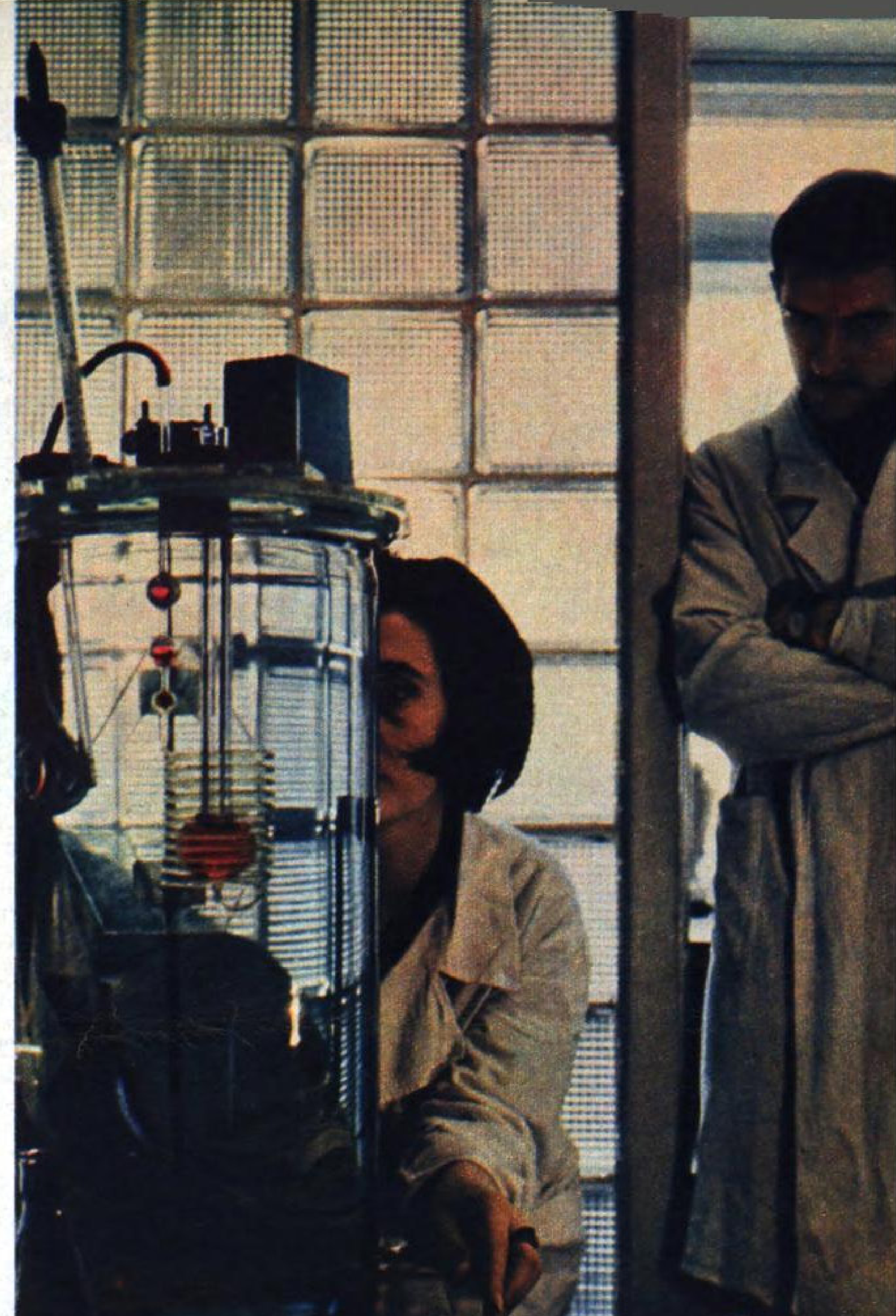
Центральная геофизическая обсерватория Института физики земли АН СССР. За этими дверьми регистрируются сейсмические колебания.

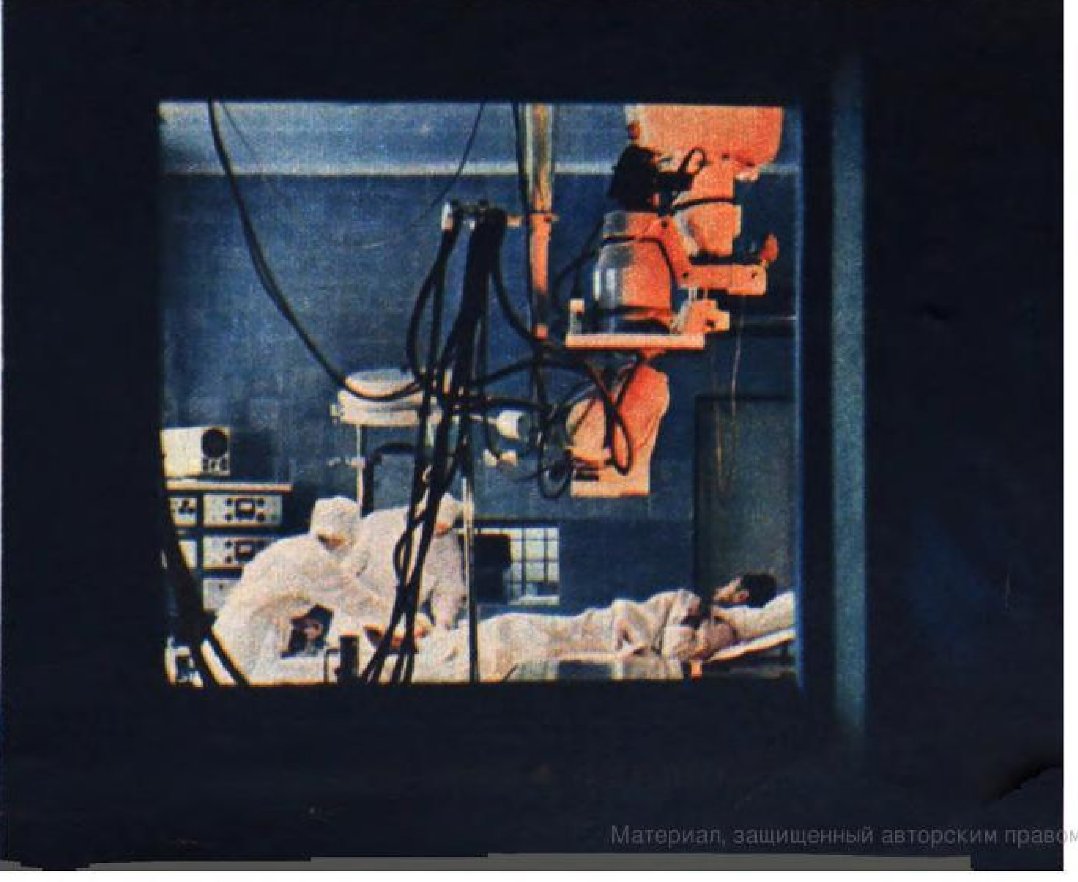
Институт медицинской радиологии АМН СССР. В отделе биофизики лаборантка Зоя Асоян и инженер Виктор Соколов изучают вещество наследственности — молекулы ДНК.

Медицинская сестра Лариса Борисовна Звездочкина — депутат городского Совета.

Исследование больного в кабинете ангиографии и лимфографии.

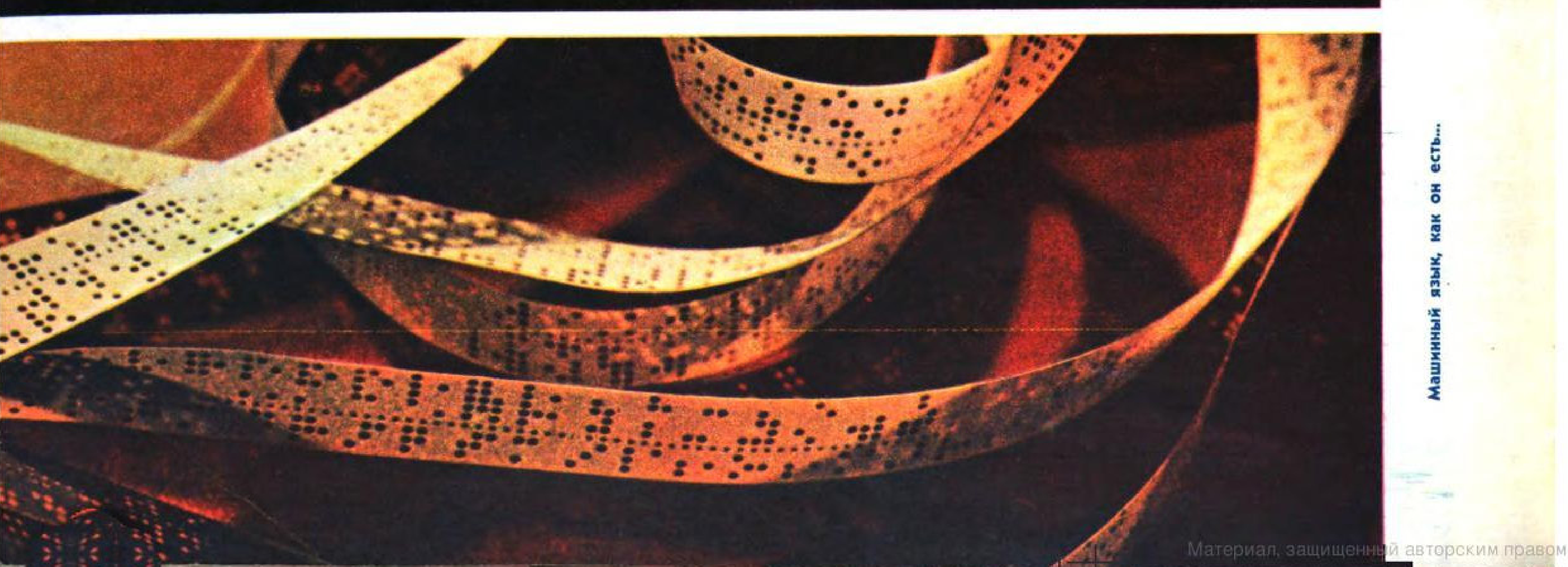
Материал, защищенный авторским правом

Материал, защищенный авторским правом

Подготовка к лучевой терапии на гамма-установке «Рокус».

Машинный язык, как он есть...

Материал, защищенный авторским правом

«Лучом» двери. «Ускоритель. Перевязочная» — гласила вывеска.

Специалисты знакомы с применением в лучевой терапии ускорителей элементарных частиц. Ну, а то, что в недавнем прошлом подобные установки принадлежали исключительно физическим лабораториям, изучавшим строение вещества, в этом, право же, нет ничего неестественного. Со времен В. К. Рентгена медики стремятся поспешать за физиками, самое слово «рентген» мы узнаем, ничуть не подозревая, что это имя одного из основоположников новой физики. Еще в детстве оно становится для нас в ряду с такими словами, как «микстура», «укол», «таблетка».

Нет, каждая установка в отдельности не удивляла гостей-специалистов, но, собранное под одну крышу, все вкупе производило сильное впечатление. Постепенно любопытство сменялось восхищением, даже завистью: нам бы такую клинику! Не в одной лишь технике было дело. Действовало все: просторные, светлые кабинеты, удобная мебель, красивая отделка, даже картины, любовно подобранные для комнат и холлов.

Впрочем, взглянув по пути в окошко, известный профессор-рентгенолог засомневалась:

— Зачем им картины при таком-то пейзаже? Тут же вид лучше всякой картины!

В строгой раме окна по колено в снегу утопал серебряный березняк.

РАКЕТЫ НАД ПОЛЮСОМ

...Из-за тяжелой ледовой обстановки пароход вышел в рейс к Земле Франца-Иосифа с опозданием. До намеченной даты эксперимента времени оставалось в обрез. Оттягивать же эксперимент не было никакой возможности: методика требовала безлунной ночи или, вернее сказать, безлунных сумерек, когда солнце уже закатится за горизонт, но в небе еще не стемнеет. Между тем надвигалась полярная ночь.

«Рейд забит льдами и торосами, ветер с моря,— по прибытии на остров Хейса сообщал начальник экспедиции Алексей Фокин.— За сутки по два-три понтона — больше выгрузить не удается. Работаем по 27—29 часов... Но вот уже подтягивают последний понтон. Ура!.. Трудно, но пока никто не унывает, ребята все молодцы, энтузиазма хватает. Будем пытаться успеть все подготовить, если не сможем — считайте, что это было действительно невозможно, так как сил никто не жалеет...»

Подготовить же надо было запуск метеорологических ракет. Сложные, автоматически действующие системы обеспечивают такой эксперимент. Они регистрируют положение ракеты в пространстве во время полета, контролируют бортовые системы и передают информацию об их работе на Землю. Служба «единого времени» позволяет увязать показания всех систем воедино и совершенно точно определять, когда и на какой высоте произошло то или иное событие на борту ракеты. Теперь представьте себе условия Арктики, сложность и капризность всей этой радиотелеметрии и электроавтоматики плюс предельную сжатость сроков. Когда бы дома, в лаборатории, на Большой земле, все это не было сто раз налажено и выверено — никакой энтузиазм не помог бы. Но было и выверено и налажено — на Большой земле, в городе Обнинске. В Институте прикладной геофизики или — сокращенно — ИПГ.

Эксперимент готовили сообща с сотрудниками Службы аэрономии Национального центра научных исследований Франции. Как и подобает смежникам, действовали по единому плану, пересылали друг другу чертежи для привязки, встречались, спорили, согласовывали. Наконец, когда вся аппаратура была изготовлена, все железо собрали, состыковали, испытали на стенде, создав условия, возможно более близкие к полетным.

Когда входишь в рабочий кабинет Виктора Тесленко, технического руководителя работ, первое, что бросается в глаза,— серебристые конусы у стены, начиненные научными приборами головки ракет. В космос над полюсом летали точные копии — двойники — этих конусов у стены.

— А эксперимент был красивый,— вспоминает Тесленко.

На высоте около ста восьмидесяти километров установленный на ракете прибор выбросил в атмосферу пары натриевой соли, которые образовали искусственное облако. Подсвеченное заходящим солнцем, оно выглядело как голубовато-зеленоватый диск размером с луну. По характеру свечения с помощью специальных приборов-фотометров удалось измерить температуру верхней атмосферы. Был измерен и ее состав и скорость «космического» ветра.

Высота 180 километров — для обнинских геофизиков верхний предел научных интересов. Ну, а нижний предел — ноль. Собственно, начинали с ноля. С того, что по идее академика Евгения Константиновича Федорова решили построить в Обнинске трехсотметровую метеорологическую мачту — для изучения нижних слоев атмосферы. В этом нуждались строители высотных зданий и линий электропередач, работники аэродромов... Занявшись исследованием облаков, забрались и повыше — в самолетах-лабораториях. Впрочем, физика облаков познается не только в натуре. Целый комплекс модельных установок — вероятно, самый богатый в мире — собран в Аэрозольном корпусе. Не выходя из этого корпуса, ученые могут подниматься в стратосферу и блуждать в тумане, могут разыгрывать по желанию прихотливые процессы образования и развития вечно изменчивых облаков. И поскольку это не просто геофизики, а геофизики «прикладные», то изучают они облака, чтобы научиться активному воздействию на них.

Словом, в ИПГ начинали с мачты, вознеслись в облака, а затем добрались и до космоса...

МАСКА ГОЛИЦЫНА

ЦГО расшифровывается так: Центральная геофизическая обсерватория. В отличие от геофизиков-«атмосферщиков», чьи интересы простираются «от ноля до космоса», помыслы обсерваторских ученых устремлены в противоположном направлении. От «ноля» в глубь Земли. Отсюда все следствия. Если, например, на стройке ИПГ нельзя было обойтись без верхолазов, то ЦГО соорудили горнопроходчики.

...В обычном, «домашнем» лифте спускаемся на тридцатиметровую глубину. Здесь, вдали от шума городского, в естественном термостате (круглый год температура плюс семь — девять), разместилась крупнейшая подземная сейсмическая станция. Вдоль широкого коридора — он напоминает тоннель метро, только малость поуже,— ряд закрытых дверей. В камерах за дверьми несут бессменную вахту приборы, прислушиваются к пульсу земных недр. Впрочем, прислушиваются сказано для наглядности. На самом деле бетонные постаменты приборов наглухо сомкнуты с коренным основанием — тоннели и камеры прорублены в мраморе,— и благодаря этому чуткие самописцы сейсмографов вздрагивают от каждого колебания земной коры. Слово «сейсмология» означает буквально «наука о трясении»...

Хочу записать для памяти кое-какие сведения. Достав из кармана блокнот, кладу его на прозрачный колпак, коим прикрыты приборы. Но мой спутник бледнеет.

— Это же сейсмографы! Представляете, что они из-за вас понапишут?!

— Сюда, наверно, не следовало и спускаться,— догадываюсь я.

— В сущности, да,— соглашается мой спутник.— Без особой нужды сюда не ходят. Ведь вся информация автоматически передается с приборов наверх, на центральный пульт управления. Даже информация о том, где мы с вами сейчас находимся.

Землетрясение — по существу, обыденное явление природы. Ощутимый для человека толчок в среднем происходит на земле каждый час. Где бы сильное землетрясение ни случилось, на центральном пульте обсерватории, в лесу под Обнинском, тотчас вспыхнет надпись: «Идет землетрясение»,— и раздастся звонок. Это для оператора. Одновременно приборы автоматически получат ряд команд. Разумеется, они лишь зарегистрируют событие. Предугадывать их наука пока еще не умеет.

Нередко землетрясения зарождаются на гигантских, недоступных исследованию глубинах. По замечанию одного из ученых, современная геофизика находится в положении читателя, которому из книги в тысячу страниц дали прочитать лишь последнюю. Но ученые все же не ограничиваются накоплением фактов. Сейсмические волны, подобно рентгеновским лучам, просвечивают планету. Задача состоит в том, чтобы понять сообщение. Основоположник сейсмологии Б. Б. Голицын уподоблял землетрясение фонарю, вспышка которого освещает недоступные для нас недра земли.

Только в нашей стране около 130 сейсмических станций неусыпно следят за этими «вспышками». Станции объединены вокруг зональных центров в Единую систему сейсмических наблюдений. Центральная геофизическая обсерватория в Обнинске задумана как межзональный всесоюзный сейсмический центр. Сюда по телетайпным линиям связи будет стекаться вся сейсмическая информация из зон. С помощью вычислительных машин она будет здесь автоматически обрабатываться.

Сейсмологи со всех концов Союза познакомились в прошлом году со своим новым центром. Ученые съехались на юбилейную сессию Совета по сейсмологии Академии наук СССР, чтобы подвести итог полувековому развитию своей отрасли науки.

«При организации обсерватории в Обнинске мы постарались использовать все достижения современной геофизики»,— сказал, открывая сессию, академик Михаил Александрович Садовский.

...Будет в обсерватории и свой музей. Начало ему положено: обнинцы получили в дар посмертную маску Б. Б. Голицына, «отца сейсмологии»,— экспонат № 1 будущего музея. И, может быть, этот дар лучше, чем что-либо другое, говорит о том, какие надежды связаны у советских сейсмологов с молодой обнинской обсерваторией.

БАРАК НА БЕРЕГУ ОКЕАНОВ

«И вот в сентябре 1957 года была организована Обнинская экспедиция Института прикладной геофизики, она заняла две комнаты в бараке строителей».

Это сообщение я прочел на стенде, посвященном десятилетию ИПГ. Мне даже показали фотографию исторического барака. Впрочем, выяснилось, что на него можно полюбоваться и в натуре. Барак не раз собирались ломать, да все он оказывался на что-то пригоден. И так тянулось до тех пор, пока в нем опять не поселились строители. И научные сотрудники тоже. На сей раз нового и пока что самого молодого в городе научного учреждения — отделения Мирового метеорологического центра.

Создаваемая на нашей планете всемирная Служба погоды в своей деятельности будет опираться на три Мировых центра: в США, в Австралии и в Советском Союзе. Задача каждого из центров — собирать и накапливать всю метеорологическую информацию, откуда бы она ни исходила: с метеостанций, с искусственных спутников Земли, из морских экспедиций. Для приема лавины сообщений центры оборудуются многоканальными линиями связи, а для автоматической обработки полученных сведений — новейшей вычислительной техникой. Климат всего мира будет храниться в памяти Мировых центров.

...На окраине города, рядом с клиникой Института медицинской радиологии, уже поднимаются первые здания обнинского Мирового центра. Но покамест в тесных комнатках барака строителей его будущие сотрудники не сидят сложа руки. Стены тесных комнаток поверх дешевых обоев завешаны картами океанов, и адрес барака известен морякам Балтики и черноморцам, на Севере и на Дальнем Востоке.

Одно из подразделений будущего Мирового центра — если хотите, его действующая модель — Центр океанографических данных собирает лишь один из видов информации, которая будет стекаться в будущий Мировой центр. И средством связи покамест служит неторопливая почта. И пакеты приходят еще не со всего мира, а главным образом от отечественных морских экспедиций. И машинное время для обработки материалов пока что приходится занимать у соседей... Но в принципе «модель» действует подобно будущему Мировому центру. Здесь уже собраны материалы полутора сот экспедиций последних лет — наблюдения в разных частях Мирового океана. На основании этих данных издаются каталоги экспедиционных материалов, морские тайны раскрываются по заказам моряков, рыбаков, портовиков. В бараке уже тесно, и Центр океанографических данных снимает в городе несколько квартир...

В свое время в бараке размещался будущий Институт прикладной геофизики. В свое время — и не так уж давно — кабинеты Геофизической обсерватории находились в частных квартирах, а сейсмическая станция занимала... подвал продовольственного магазина. С бараков и времянок начинался Физико-энергетический институт. А красавец институт медицинской радиологии появился на свет в гостиничном номере. Директор института, действительный член Академии медицинских наук, профессор Георгий Артемьевич Зедгенидзе рассказывает, как лет восемь назад приехал в Калугу получать участок земли для будущего института. Пришел к кому нужно, а там говорят: будьте любезны проект. А проекта еще не было. «Подо что ж мы вам землю-то давать будем?» Вечером в гостинице профессор медицины с помощью инженера-строителя набросал на листке бумаги план будущего института, каким его тогда представлял...

Так вот и начинаются мировые центры.

Материал, защищенный авторским правом

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

АВТОГРАФЫ ГОРЬКОГО ВО ФРАНЦИИ

2. ГОРЬКИЙ ПЕРЕПИСЫВАЕТСЯ С В. П. КРЫМОВЫМ

Когда вспоминаю русских парижан, встречавшихся с Горьким, мои мысли снова и снова возвращаются к одному из них — старейшему русскому писателю Владимиру Пименовичу Крымову. Удивительной судьбы человек, он через два месяца будет отмечать свое девяностолетие.

На протяжении нескольких лет В. П. Крымов переписывался с Горьким. Познакомились они еще в Петрограде, где в 1913—1917 годах Владимир Пименович издавал журнал «Столица и усадьба», который сам же с полным основанием называет «снобистическим». В своих воспоминаниях, а также в письме ко мне В. П. Крымов рассказал о том, как произошло их знакомство. «Я только что затеял тогда свой журнал «Столица и усадьба»,— писал мне Владимир Пименович 13 декабря 1967 года,— и мой сотрудник, ближайший друг Куприна, капитан П. Н. Троянский, художник-шаржист, выступавший в печати под псевдонимом «Юнкер Шмит», сообщил мне, что у Горького есть коллекция китайских «нетцуке», пуговиц из слоновой кости». Об их первой встрече Владимир Пименович говорит в напечатанных воспоминаниях следующее: «Я немедленно позвонил Горькому, и он охотно согласился разрешить описание этой коллекции с фотографиями в моем журнале. Он любовно показывал мне эти пуговицы, действительно удивительной работы, показывал с разных сторон, гладил рукой, обращал внимание на цвет слоновой кости, какой дало ей время, сотни лет, в отличие от новой, совсем светлой,— эта темная особенно ценится китайцами и нравилась Горькому».

В. П. Крымов прожил большую и во многом интересную жизнь. Так, он шесть раз объехал вокруг света, неоднократно печатал свои путевые очерки. 17 апреля 1917 года в качестве корреспондента газеты «Русское слово» Крымов отправился в Новую Зеландию. Оставшись за границей, он писал рассказы, повести, романы, воспоминания — всего Владимир Пименович выпустил свыше двадцати книг. Некоторые из них Горькому нравились.

Сейчас В. П. Крымов живет в Шату́ под Парижем. Несмотря на преклонный возраст и на то, что он несколько лет назад потерял зрение, писатель продолжает трудиться. Дважды я побывал у этого своеобразнейшего человека, оставшегося и по сей день темпераментным собеседником. Наши разговоры касались литературных знакомств Владимира Пименовича. Общаясь на своем веку с множеством писателей, художников, композиторов и политических деятелей, он является неисчерпаемым источником сведений об этих замечательных людях. В своей книге «Из кладовой писателя» Крымов рассказал, и то весьма кратко, лишь о некоторых из них — о Льве Толстом, Горьком, Куприне, А. Н. Толстом, Герберте Уэллсе.

В архиве Владимира Пименовича уцелело много интересного. Узнал я тогда и о существовании адресованных ему шести писем Горького, до сих пор неизвестных в печати. Недавно я получил фотографии трех из них. Они являются еще одним свидетельством того, как внимательно Алексей Максимович знакомился с присылаемыми ему литературными произведениями, с какой требовательностью относился он к печатному слову, откровенно критикуя недостатки языка.

29 января 1927 года Крымов отправил ему письмо и свою новую книгу «Бог и деньги». А спустя несколько дней пришел отзыв Горького.

В. П. Крымову.

Получил вашу книгу, с интересом прочитал, сердечно благодарю за любезный подарок.

Вы не обидетесь, если я скажу, что эта ваша книга понравилась мне не так, как «Богомолы в коробочке». Она сделана менее искусно и более небрежно, чем та, острая, легкая и, несмотря на ее иронию, скепсис, все-таки как-то хорошо, юношески свежая. Да, я знаю, что вы уже не юноша, я говорю не об авторе, а о впечатлении, данном его книгой.

Уже пятая строка первой главы, где «мчащиеся лихачи скачивали»— фонетически небрежна. А раньше сказано «у природы дождь». Затем, мне кажется, есть кое-какие неточности: из гнилых пней не выгнать смолы, как вы утверждаете,— будь в них смола, они не были бы гнилыми; реки севера не могут «промерзать до дна» по силе высокого падения их вод. И т. д. Вообще, в книге чувствуется торопливость работы, как будто — не ваше свойство, судя по прежним книгам.

Но, все же, в «Боге и деньгах» много фактически интересного. Деньги, конечно, доминируют над богом, но — такова действительность.

В. В. Розанову вы не польстили. Суворину дали мало места, а он — интереснейшая фигура. Кто это Красильщиков? Ман[асевич]-Мануйлов?

Вы правы, назвав книгу «холодной». Я бы сказал, что она при этом и «жесткая». Но как бы вы сделали ее «горячей»? Для этого надо быть Свифтом или по меньшей мере Салтыковым. Так что вы и правы, и не правы, осудив себя.

Простите, что разболтался. Это — ваша вина, все-таки.

У вас нет экземпляра «Богомолов»? У меня эту книгу украли, а я ее люблю.

Всего доброго. А. Пешков.

7.II.27
Sorrento

В своих воспоминаниях Крымов рассказывает, что в декабре 1928 года он отправился в Сорренто к Горькому, незадолго до этого совершившего большую поездку по Советскому Союзу. Алексей Максимо-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47, 49, 52 за 1966 год; №№ 3, 5, 6, 8, 12, 13, 31, 33, 35, 48, 49, 50 за 1967 год; №№ 11, 13 за 1968 год.

Материал, защищенный авторским правом

вич с большим оживлением говорил о достижениях нашей страны в послереволюционные годы, а Владимир Пименович поделился своими впечатлениями о встречах с оригиналами-иностранцами. Эта беседа запомнилась Горькому. Сохранилось его письмо к П. П. Крючкову от 21 декабря 1928 года, в котором приводится один из разговоров Крымова во время кругосветного путешествия с американцами, у которых было самое фантастическое представление о Советском Союзе (письмо не издано; хранится в Архиве А. М. Горького).

Завершив в начале 1929 года новую книгу, «Люди в паутине», Крымов послал Горькому экземпляр машинописи вместе с письмом. Ответ пришел быстро и гласил:

В. П. Крымову.

Рукопись прочитана и передана мною в издательство объединения литераторов «Федерация». Издательство молодое, культурное и работает крайне успешно. Мною заявлено, что если работа ваша будет принята, я дам предисловие к ней. Адрес ваш издательству сообщен. Его адрес: Москва, Тверской бульвар, «Дом Герцена». Александру Николаевичу Тихонову.

Мое мнение о работе вашей таково: интересная, живая, своеобразно написанная книга, но — она тяжелее «Богомолов в коробочке». Тяжелее потому, что слишком перегружена материалом субъективным, автобиографическим в узком смысле этого — последнего — понятия. В «Богомолах» вы — зоркий, остроумный наблюдатель, там вы весело и, порою, очень зло рассказываете о том, что видели, слышали, мало говоря о том, что думали, чувствовали. «Люди в паутине» — изобилуют «самоописанием», в этой книге вы слишком увлеклись рассказами о ваших вкусах, ощущениях, предубеждениях и даже сновидениях. Все это для современного читателя, влюбленного в сюжет, факты, краски — не интересно.

Думаю, что «Федерация» предложит вам сократить книгу за счет «самоописаний», допущенных вами в чрезвычайном излишке.

На днях возвратился из Соловок и Мурманска. Скоро отправлюсь по Волге и Каспию до Красноводска и далее — в Ташкент. Расстояния — солидные. Но когда попадаешь в эту удивительную, сказочно богатую, сказочно разнообразную страну, когда видишь ее бурную жизнь, неукротимое кипение ее молодой энергии, — расстояния не пугают. Хочется ходить, ездить, бегать, лишь бы побольше видеть.

Сердечно желаю вам всего доброго.

Привет супруге.

А. Пешков.

P. S. Пришлите А. Н. Тихонову «Богомолов» с предложением издать эту книгу.

А. П.

27.III.29

P. P. S. Очень крепко сделаны вами описания Индии и Китая.

Владимир Пименович в это время путешествовал, продолжая работать над рукописью книги «Люди в паутине». Еще не получив только что приведенного ответа Горького, Крымов отправил ему письмо (первая страница имеет пометку: «На «Пасифике» (у берегов Гондураса)»): «Моя книга определилась уже вполне. Вы как-то похвалили моих «Богомолов в коробочке». Авторы часто ошибаются, но я уверен, что эта много интереснее. В ней больше оптимизма, чем в той... Мне пришла смелая мысль. Книга, вероятно, — почти наверно — будет издана в Москве. Не согласились ли бы вы написать страничку предисловия к ней... Я думаю, что это соответствовало бы вашим желаниям — таково содержание книги» (письмо не издано; хранится в Архиве А. М. Горького).

Вскоре Владимир Пименович получил ответ:

В. Крымову.

Простите мне, — забыл имя и отчество ваши, нет у меня «памяти на имена».

Предисловие, вероятно, напишу. Пошлите рукопись в Москву, Госиздат, — Рождественка, 4 — мне. Я буду там с конца мая до октября. Предисловие, разумеется, вышлю вам.

Относительно гонорара — не будем говорить, это — лишнее. Для меня предложение ваше совершенно не приемлемо. Если я помогу хорошей книге найти читателя — это будет вполне солидным гонораром. Современного русского читателя я люблю. Он «некультурен» — верно! Но в «не культурности» его я вижу «иммунитет» здорового человека к болезнетворным началам старой культуры.

Из Москвы вышлю вам журнал «Наши достижения», думаю, что в нем вы найдете кое-что интересное.

Будьте здоровы. Привет мой супруге вашей.

А. Пешков.

3.V.29
Sorrento

Таковы те три письма Горького, фотографии которых любезно прислал мне их адресат В. П. Крымов. В Москве книги его, которые Алексей Максимович хотел видеть изданными, так и не появились. Но публикуемые здесь впервые письма Алексея Максимовича показывают, что́ именно ценил великий писатель в произведениях В. П. Крымова.

* * *

Автографов Горького, выявленных мною во время пребывания во Франции, еще немало. В одном из очерков расскажу о письмах Алексея Максимовича к известному издателю З. И. Гржебину (1869—1929). К сожалению, в семье покойного Зиновия Исаевича из многих десятков писем Горького сохранился автограф только одного, а также фотографии и машинописные копии еще десяти писем (в бумагах же Горького имеется 69 писем Гржебина). Кроме того, я обнаружил подлинники некоторых писем Горького, адресованных Гржебину, у парижских антикваров и коллекционеров. Так, мне удалось получить фотографию одного из таких писем, продававшегося в антикварной фирме Морсена. Фотографию же другого письма Горького к Гржебину мне любезно предоставил известный коллекционер Леон Миллер. А то, что сохранилось в семье Гржебина, я просил передать в Архив А. М. Горького, и вдова издателя, Мария Константиновна, мою просьбу удовлетворила.

На протяжении нескольких лет я переписывался с живущей во Франции Генриеттой Леопольдовной Гиршман, увековеченной Валентином Серовым. Она прислала мне свои воспоминания о художнике, а также сообщила, что в ее альбоме наряду с записями Брюсова, Бальмонта, Станиславского, Шаляпина, Качалова, Рахманинова, Стравинского Горький вписал два своих стихотворения: «Неаполитанскую песню» и «В Финляндии» (под последним дата: «10.II.19, Петроград»). Два других стихотворных автографа Алексея Максимовича — «В Крыму» и «О птичках», под которым та же дата «10.II.19. Петроград», — имеются в альбоме Екатерины Владимировны Гиршман (дочери Генриетты Леопольдовны), также проживающей во Франции.

Три письма Горького к писателю Алексею Михайловичу Ремизову, относящиеся к 1922 году, будут, возможно, присланы на родину вместе с бумагами Ремизова.

Недавно во Франции в одну из личных коллекций поступило письмо Горького, отправленное с Капри 5 сентября 1909 года немецкому композитору Рихарду Гроссу, просившему Алексея Максимовича написать либретто по его рассказу «Хан и его сын», для которого он, композитор, напишет музыку. Горький отказался, но предложил, если либретто будет написано, отредактировать его с точки зрения этнографической верности, а также прислать несколько мелодий татарских песен с нотами. Кончается письмо словами: «Желаю полного и счастливого успеха. М. Горький».

В Ницце я видел превосходное собрание автографов, в котором имеется письмо Горького к прогрессивному бельгийскому писателю Францу Элленсу, датированное 11 декабря 1925 года. Любопытна история обнародования этого автографа. В 1957 году в двух французских изданиях — журнале «La Nouvelle Revue Française» и в посвященной памяти Элленса книге — печатались в переводе на французский язык письма к нему Алексея Максимовича. При создании вышедшего у нас в 1960 году тома «Переписки А. М. Горького с зарубежными литераторами» было решено включить и его письма к Элленсу. Но так как в бумагах Алексея Максимовича сохранились лишь некоторые их черновики, то письма, известные по зарубежным публикациям, пришлось печатать в переводе с французского, то есть в переводе с перевода. Автографы писем Горького к Элленсу разошлись по всему свету. И вот одно из них оказалось в Ницце. Теперь это письмо, фотографию которого я получил, можно будет печатать по оригиналу. В нем говорится о встрече с Элленсом в Сорренто, о том, что это — «один из случаев молниеносного зарождения симпатии. Я очень люблю такие встречи, когда с одного удара глаз рождается прочное чувство духовной близости».

Таковы некоторые из автографов великого писателя, которые мне удалось обнаружить во Франции у частных лиц. Немалое число других его автографов хранится там под спудом, в сейфах. Поиски свои я продолжаю и надеюсь, что они увенчаются новыми успехами.

Очень хотелось бы, в частности, отыскать письма Горького к писателю М. А. Осоргину (1878—1942), который с 1910 года был представителем ряда русских периодических изданий в Риме, а в послереволюционные годы жил во Франции. Алексей Максимович был высокого мнения о личности и таланте Михаила Андреевича. Так, говоря о подготовлявшейся в Париже книге о современной России, Горький писал 21 июня 1924 года Д. А. Лутохину: «...за эту книгу эмиграция должна будет проклясть авторов. Осоргина усердно травят. Это — талантливый человек и все растущий» (письмо не издано; хранится в Архиве А. М. Горького). Сохранился и другой отзыв Алексея Максимовича о Михаиле Андреевиче, датированный 13 января 1936 года: «...следя за жизнью эмиграции, не помню ни одного выступления Осоргина против Советской власти. Старый литератор, он довольно влиятелен среди эмигрантской молодежи левого уклона» (письмо не издано; хранится в Архиве А. М. Горького). Осоргин был и превосходным переводчиком, — именно ему Третья Студия МХАТа, руководимая Е. Б. Вахтанговым, и поручила перевод пьесы «Принцесса Турандот» Карло Гоцци. Премьера этой постановки состоялась в феврале 1922 года. И до сих пор в переводе Осоргина «Принцесса Турандот» идет в Театре имени Евгения Вахтангова. Вышедшая в Москве в 1923 году коллективная монография об этой постановке включает и статью Осоргина, в которой восторженно оценивается большой талант режиссера. На протяжении многих лет Горький поддерживал деятельную переписку с Осоргиным. Алексей Максимович редко оставлял копии своих писем. В его бумагах сохранилось сорок пять писем Осоргина, а копий писем Алексея Максимовича всего девять. Существовало, по-видимому, еще несколько десятков ответных писем Горького. Хотя значительная часть архива Осоргина была расхищена в годы оккупации Парижа, возможно все же, что связка горьковских писем находится где-нибудь во Франции.

В эти дни, когда весь мир отмечает столетие со дня рождения Алексея Максимовича Горького, следует добрым чувством вспомнить о благородном деле, осуществляемом замечательным коллективом научных сотрудников Архива А. М. Горького. Именно этот весьма немногочисленный коллектив ведет в нашей стране основную работу по разработке и обнародованию творческого наследия великого русского писателя. В Архив А. М. Горького я и передал все то эпистолярное, документальное, изобразительное и мемуарное, связанное с Алексеем Максимовичем, что отыскал во время моей первой поездки во Францию.

Материал, защищенный авторским правом

Анатолий
ЛАНЩИКОВ

ФАКТЫ ИСТОРИИ И ФАКТЫ ПОЭЗИИ

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости.

А. С. ПУШКИН.

Интерес молодых поэтов к прошлому своей страны, к прошлому своего народа — факт сам по себе, безусловно, отрадный, но не всегда столь простой, как это может показаться при беглом с ним знакомстве. Повернувшись лицом к истории, некоторые поэты неожиданно обнаруживают в собственном образовании существенные пробелы, но относятся к этому «открытию» далеко не все одинаково. Для одних изучение отечественной истории стало насущной потребностью и источником творческого вдохновения; другие... Не берусь судить, в чем эти «другие» черпают вдохновение, однако и они все чаще стали проявлять интерес к «делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой».

Вот перед нами, например, стихотворение Роберта Рождественского. Цитировать его невозможно, а потому воспроизвожу полностью: «— Куда вы? В лаптях. В опорках. Неужто на самом деле,— медлительны и упорны,— в науку идти захотели? Уже позабыли плети? В голоде, в шрамах, в мозолях,— плебеи! Мужичье племя! А тоже — книжки мусолят!.. Сибиряки, рязанцы,— вы же, как дети, забавны. В гранит науки вгрызаться с вашими-то зубами?!! Останется все, как было. Лень. Болезни. Посконность... Суконные рыла! Быдло! Куда вы?? — Куда? Мы — в космос!»

Разумеется, никто не подталкивает Роберта Рождественского идеализировать русского мужика и тем более те условия, в которых тот пребывал, однако небезынтересно узнать, у кого автор позаимствовал столь экзотический лексикон: «плебеи», «мужичье племя», «суконные рыла», «быдло», а *главное*, какая у него была необходимость собирать все эти слова воедино? Я лично причин тому подходящих не нахожу, а объяснение вижу только в примитивности авторского взгляда на историю, узревшего в прошлом только лапти, опорки, лень, болезни, плети да посконность. Или Р. Рождественскому невдомек, что Иван Сусанин не вернулся из лесу вовсе не по причине природной лени, Михайлу Ломоносова погнала в далекую московскую землю не наследственная хвороба, что партизаны 1812 года громили непрошеных пришельцев не во имя телесных наказаний?

Нужно иметь очень странный взгляд на прошлое своей страны, чтобы ее истории дать столь неожиданное толкование, как это сделал Р. Рождественский. Я могу понять человека, живущего за рубежом, мыслящего о далекой и загадочной для него России такими стереотипами, как «лапти», «водка», «медведь», «балалайка», но я отказываюсь понять моего соотчича, который ограничил свою историческую осведомленность подобными стереотипами.

Публикации последних номеров журнала «Юность» невольно заставляют думать, что историческое невежество, оказывается, может стать «принципом», а в литературе даже особым «направлением». Не станем ломать голову и выяснять, кто лидер этого нового «направления»,— в претендентах здесь особого недостатка нет, а «правила игры» в данном случае неисповедимы.

В последнем номере журнала «Юность» за минувший год была опубликована «Поэма о разных точках зрения» Р. Рождественского. В главе «Экскурс» автор обращается к очень давним событиям, и вот как он их толкует: «Славяне, запутавшись намертво в ссорах и дрязгах, пришли до варягов... Сказали: «Земля наша сильно лесами обширна, ручьями обильна, и только обидно, что нет в ней порядка, и люди устали бессмысленно мучиться, жить не по правде. Придите и правьте!..» Я тихо краснею за это бессилие собственных предков — суровых и бренных».

А я вот краснею не за предков, а за своего современника, который собственное непонимание исторических процессов прячет за рифмование цитат из школьного учебника. Действительно, в наших летописях говорится о призвании новгородцами и соседними финскими и славянскими племенами варягов. Однако выходцы из Скандинавии, кого мы называем варягами, столь же хорошо известны и в Западной Европе. В период становления европейской системы государств и образования понятия государственности варяги, будучи воинами-профессионалами, повсеместно выполняли роль платных наемников. Так что если уж краснеть за предков, то делать это нужно почти во всеевропейском масштабе.

И здесь, кстати, не мешает заметить, что еще в прошлом веке известный историк В. О. Ключевский подобные «исторические экскурсы» квалифицировал следующим образом: «Сказание о призвании князей, как оно изложено в Повести, совсем не народное предание, не носит на себе его обычных признаков: это — схематическая притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста».

Не стану делать вид, будто меня больше всего на свете интересует: может или не может Р. Рождественский подняться выше школьного уровня понимания исторических процессов; откровенно говоря, меня тут заботит больше другое. После того, как автор «Экскурса» «тихо покраснел» за наших неразумных предков, он начинает уже густо краснеть за своих современников: «И только обидно, что нет на земле (как бы это сказать, чтоб звучало толково?) чего-то такого... То сеем не там. И не то. И не так, чтобы к сроку. Морока!» Короче говоря, земля наша обильна — порядка только нет. И вот уже несется призыв: «Варяги, ау-у-у! Придите и правьте. Мы очень понятливы. Необычайно проворны...» Но тут Р. Рождественский вдруг спохватывается и обрывает себя: «Довольно! К чертям! Супермены! Советчики! Форды! Рвачи и так далее,— видали!! Шеренги заезжих высочеств, проезжих величеств — валитесь!..»

Не знаю, что должен означать весь этот частокол, возведенный из восклицательных знаков. Если авторское возмущение, то не должно ли оно, как бумеранг, вернуться к тому, кто вдруг ни с того ни с сего закричал: «Варяги, ау-у-у!»? Отклонив кандидатуры «высочеств», «величеств» и прочих претендентов, Р. Рождественский не оставляет мысли, что нам позарез нужны какие-то «спасители». Его «Экскурс» так и заканчивается: «Земля наша сильно людьми знаменита, в которых — надежда, в которых — спасенье... Люби эту землю!» Я не знаю, кого все-таки призывает Р. Рождественский в «спасители», ведь тех, в ком было испокон веку наше спасение, излишне призывать: «Люби эту землю!»

Конечно, если историю рассматривать только как школьный предмет или университетскую дисциплину, то тогда, кажется, в самый раз поставить точку. Однако, учтя, что история — наука более активная, чем иногда это предполагается, ограничимся пока менее категоричным знаком препинания.

К сожалению, журнал «Юность» в последнее время стал все чаще и чаще забывать о том значении, которое имеет правильное освещение истории в воспитании нашего юношества да и не только юношества. Ничем другим нельзя объяснить появление, например, статьи Вл. Воронова «Заклинания духов» («Юность» № 2, 1968 г.), автор которой пытается подвести «теорию» под публикации антиисторического характера, обрушивая свой гнев на всякое проявление уважения «к минувшему». По мнению критика, уважение к национальным традициям, к сложившемуся характеру народа, к его быту, складу ума является чуть ли не отступлением от принципов интернационализма. Но факты, которые привычно называть упрямыми, говорят об обратном.

«Поэма о разных точках зрения» Р. Рождественского была напечатана в последней книжке журнала «Юность» за прошлый год, а в первой книжке этого же журнала за нынешний год были опубликованы не менее странные стихи на «исторические» темы Олега Чухонцева.

Друг мой! Жалость не в том,
Что надежды хороним;
Лишь бы жечь, а потом —
Сгинь хоть дымом холодным.

Это из монолога декабриста Каховского. Как видите, метод тот же самый: вместо истории — ни на чем не основанное свое собственное о ней представление. Неужели современник сожжения Москвы, человек, думающий о благоденствии государства, патриот мог так думать: «Лишь бы жечь, а потом — сгинь хоть дымом холодным»? Тут молодой поэт явно спутал Каховского с кем-то другим.

В стихотворении «Повествование о Курбском», пожалуй, нет ничего нового, и ничем бы оно не смогло привлечь читателя, если бы не такие ошеломляющие строки: «Чем же, как не изменой, воздать за тиранство, если тот, кто тебя на измену обрек, государевым гневом казня государство, сам отступник, добро возводящий в порок?»

Найдено и провозглашено оправдание измене — тиранство! Но ведь нужно же помнить, что Курбский не просто бежал от Грозного. Проиграв сражение, он перешел на сторону врагов своего народа, принял участие в войне против него. О. Чухонцев считает Ивана Грозного отступником, возводящим добро в порок. Пусть даже так, но разве это оправдывает предательство Курбского и его прямое выступление против своего народа? Даже самозванец из пушкинского «Бориса Годунова» — и тот казнится тем, что ведет в свою страну чужеземцев.

Незнание истории не столь уж и безобидно. Роберта Рождественского оно привело к призыву «варягов», Олега Чухонцева — к возведению измены в гражданскую добродетель. Разумеется, никто не отрицает, что Грозный был тираном, однако это вовсе не причина возводить предательство Курбского в норму нравственного или справедливого деяния. К тому же никто не волен по собственному усмотрению распоряжаться историческими фактами. И здесь я должен сделать некоторые уточнения.

Как известно, кровавые дела Ивана Грозного справедливо связываются в основном с опричниной. Разные источники указывают на разное число жертв опричнины (от 400 до 10 000). Любая из этих цифр, даже меньшая, говорит о жестокости Грозного. Олег Чухонцев ставит измену Курбского в прямую связь с тиранством Грозного. Но, например, опричнина была создана в 1565 году, а Курбский бежал в 1564-м, то есть за год до того, как была создана опричнина.

Больше того, нельзя не считать, что создание опричнины в какой-то мере было связано и с бегством князя Курбского, хотя бы потому, что первыми ее жертвами стали сторонники Курбского. Надо сказать, беглый князь не только подставил под удар своих сторонников, он также бросил на произвол судьбы свою жену и малолетнего сына. Все эти факты меньше всего дают основания романтизировать предательство Курбского и фигуру самого предателя. И здесь нет никакой альтернативы: вина одного не снимает и не снижает вины другого, и предательство Курбского вовсе не вытекает из тиранства Грозного. Таковы исторические факты.

Но сколько бы мы ни говорили об истории, трудно понять, зачем Олегу Чухонцеву вдруг понадобилось оправдывать предательство, возводить его чуть ли не в гражданскую доблесть? К сожалению, в последнее время мы все чаще и чаще становимся свидетелями, когда незнание поэтами отечественной истории переходит в ее неуважение.

Не станем приукрашивать истинного положения дел: знание отечественной истории нашей молодежью оставляет желать много лучшего, и здесь всякая дезинформация, упрощенное или слишком произвольное толкование сложных исторических процессов есть не что иное, как проповедь невежества.

Возможно, поэма Р. Рождественского и стихи О. Чухонцева вызовут чье-то одобрение. Очень даже возможно. Наш читатель слишком верит в печатное слово и тем более в слово поэтическое. Это доверие завоевано не только нами, так не будем его без конца эксплуатировать. Поэзия в нашей стране всегда была слишком серьезным делом, и нам теперь незачем снижать ее высокое назначение.

Материал, защищенный авторским правом

МЕДВЕДЬ В СТРАНЕ СЛОНОВ

Александр КУЛЕШОВ

Слон появился с самого начала. Его изображение украшало официальную эмблему чемпионата мира по вольной борьбе. И с тех пор слон уверенно и неотлучно сопровождал нас все десять дней в Дели.

Господи, каких только слонов тут не было!

Слоны были вышиты на шалях и галстуках, на рубашках и скатертях, высечены на браслетах и брошках, ожерельях и запонках, изображены на фото и открытках, на обложках книг и рекламных проспектах. И потом были слоны настоящие. Они весело катали детишек в парке развлечений, лениво отдыхали на лужайках зоологического сада, ведомые погонщиками, подходили, властно требуя рупию, на дороге, ведшей в Аггру.

Были еще змеи, которых, завидя иностранца, укротители торопливо и без особой нежности извлекали из мешков, пронзительно дудя в деревянные дудки. Были обезьянки — символы восточной мудрости. Были ящерицы и мангусты, крокодилы и собаки, волы и верблюды, просто коровы и коровы священные. Не было только медведей.

— Удивительное дело,— говорил мне всегда веселый вице-президент Индийской федерации борьбы Картар Синтх,— никогда не видел, чтобы фамилия так не подходила к человеку. Ну какой ваш Медведь — медведь? Леопард — это да! Или тигр! Но медведь!

Картар Синтх — специалист: он убил на охоте сто леопардов и сорок четыре тигра, не говоря уже о носорогах и прочей мелочи. У себя в доме он с гордостью демонстрировал нам свою двустволку, свои трофеи. Но тут же, отложив все в сторону, воскликнул:

— Как я их люблю, ваших Александров — Иваницкого и Медведя, какие борцы, какие спортсмены, какие люди! Как жаль, что нет Иваницкого! Он молодец: ушел непобежденным! А Медведя я жду в наш клуб.

И Медведь пришел в гости в самый аристократический клуб Дели «Рошинара», где поют и играют известные музыканты, где подается изысканный обед и где по стенам безмятежно бегают ящерицы. Он слушал речи и тосты, беседовал с вице-президентом федерации и ровно без четверти одиннадцать уехал домой. Никто не пытался его удержать: режим есть режим, здесь собрались знатоки спорта, и они понимали, что к чему. А сам Медведь понял, что к чему, еще двенадцать лет назад, когда увлекся борьбой. Александру было тогда девятнадцать лет. Отец-лесник с ранних лет приучил сыновей к физическому труду, дальним лесным походам, закалил, научил любить силу. Но по-настоящему пристрастился Медведь к борьбе во время службы в армии. Тогда первым его тренером стал Павел Васильевич Григорьев, он-то и тренирует Медведя по сей день. А сам Александр за эти годы успел окончить институт физкультуры и сейчас работает преподавателем, сам растит молодых сильных борцов.

...И вот на один из четырех ковров вышел бороться Александр Медведь. И в первой же схватке повредил себе голеностоп... Уже потом, в Москве, на Шереметьевском аэродроме, встречающие немало дивились, почему в снежнослякотную, холодную погоду сошел Медведь с самолета в белых борцовках, да еще не зашнурованных на правой ноге. А ему было больно ступать. Дома ладно. Дома, когда вернулся с больной ногой, но с золотой медалью, и асфальт аэродрома покажется мягким ковром. А вот каково было там, на мягком мате, где каждый, даже легкий шаг отдава..ся болью?..

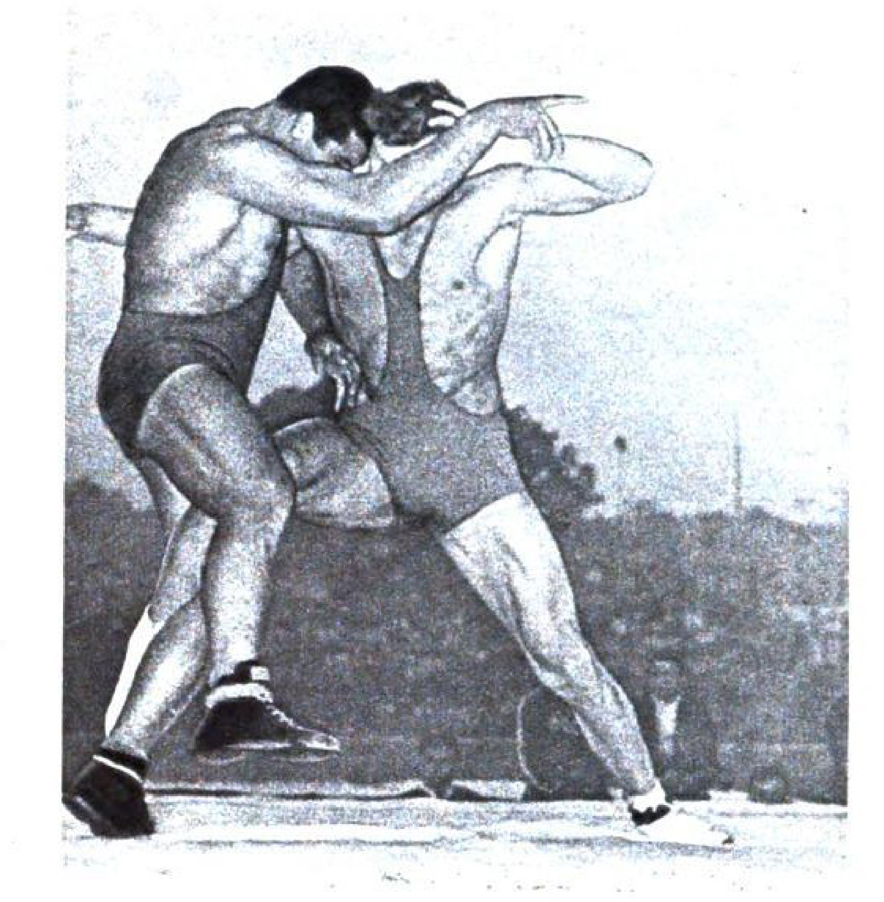
В свете электрических огней, окруженный неслышной многотысячной толпой, затаившей дыхание, Александр готовился к выходу на ковер. О чем он думал, что вспоминал там, в Дели? Может быть, 1961 год? В том году в Минске проходило первенство СССР по вольной борьбе, на которое в качестве почетного гостя прибыл президент Международной федерации борьбы француз Роже Кулон. Президент очень любит вспоминать эту поездку. И главным образом свое знакомство с борцом, похожим на баскетболиста. Когда схватка закончилась и арбитр поднял руку новичка, президент подозвал его и сказал, обращаясь к окружающим:

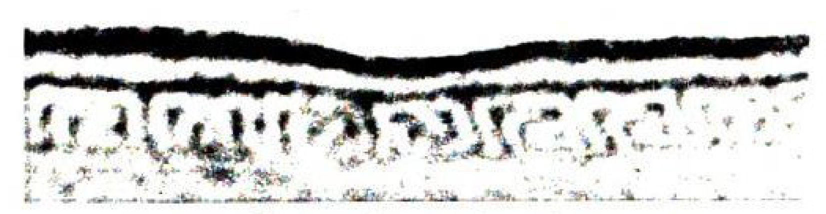
— Видите этого молодца? Так вот учтите: перед вами олимпийский чемпион 1964 года!

Многие тогда недоверчиво, хотя и вежливо, заулыбались. Не спорить же с президентом! Но в 1964 году в Токио я видел, как улыбался Кулон, когда на пьедестал почета на верхнюю его ступеньку взошел Александр Медведь.

После своего дебюта в 1961 году Александр Медведь еще четырежды завоевывал звание чемпиона страны и трижды — титул сильнейшего тяжеловеса в мире. Шесть раз участвовал он в соревнованиях сильнейших и всегда был на пьедестале почета. А тогда вот в Индии ему предстояло добиться этого в седьмой раз. Казалось бы, дело привычное. Но Медведь впервые выступал не в полутяжелом весе, а в тяжелом, и ему надо было сохранить традицию нашего замечательного тяжеловеса Александра Иваницкого. А весил Александр Медведь всего 105 килограммов. Разве это вес? Вот, например, его первый противник, болгарин Осман Дуралиев, был почти на двадцать килограммов тяжелее. И тут еще с первых минут — повреждение ноги! Но Медведь все равно выиграл чисто, на туше.

Следующий противник — турок Гъясстин Ильмаз. Вероятно, Медведь тушировал бы и его (как это он уже сделал однажды в Турции, в товарищеском матче), но с больной ногой следовало беречь силы. И Медведь выиграл с преимуществом в 4 очка. Следующий партнер был самым опасным: американец Лари Кристоф. Он известен как сильный борец, прогрессирующий от соревнования к соревнованию. Я видел его в Японии, в США, на других чемпионатах,— сосредоточенный, упорный, он силен физически и очень быстр. Любит, как выражаются борцы, «проходить в ноги». Важно было сковать его инициативу. В этой схватке Медведю достаточно было сделать ничью. Силы еще потребуются, если американца победит иранец Анвари. Тогда ведь первое место будет разыграно между советским и иранским борцами.

На ковре Медведь (справа).

Три схватки в один вечер! И это с больной ногой! И Медведь добился ничьей с американцем, а потом ему и с Анвари повезло: рассердившийся Кристоф выиграл у иранца, и Александру в третий раз выходить на ковер не пришлось. Он и без того стал чемпионом.

В черное небо медленно поднимался подсвеченный прожекторами алый флаг, военный оркестр торжественно играл наш гимн, а потом Александру Медведю надели на шею золотую медаль. Из настоящего, между прочим, золота. Весом в сто граммов...

— Ну, а еще что ты везешь, кроме медали? — спросил я у Александра на аэродроме в Дели, когда мы сидели в ожидании самолета и он печально взирал на свою опухшую ногу.

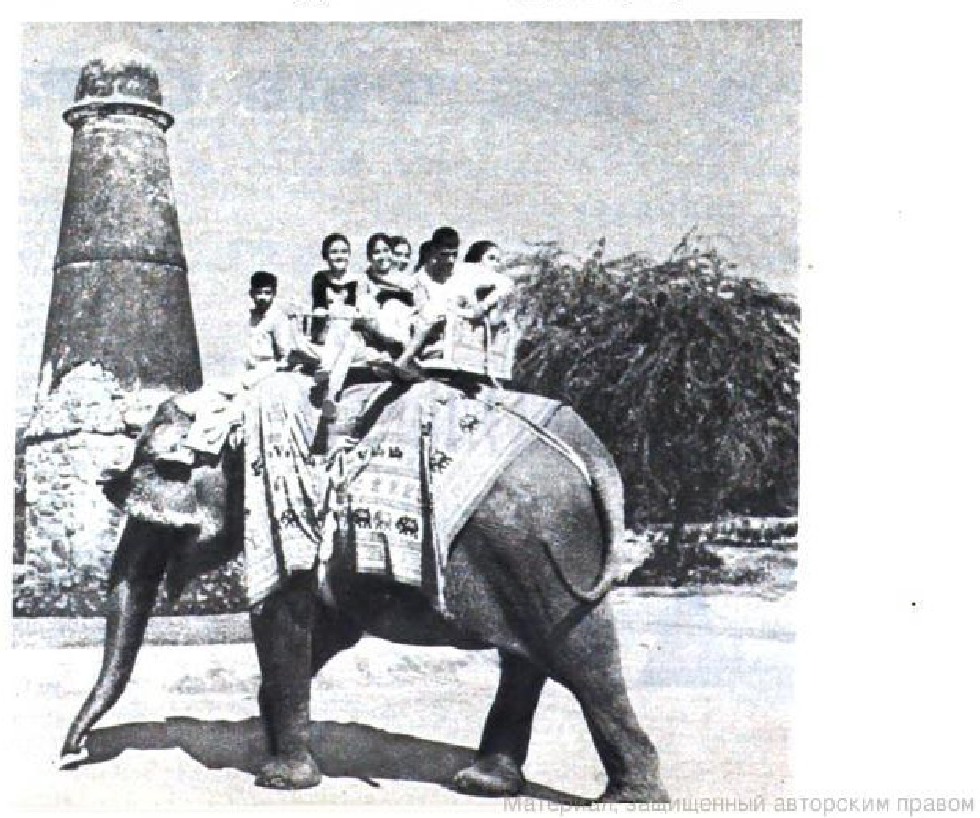
Александр Медведь улыбнулся и ответил:

— Дочке подарки везу, сыну, ему как раз стукнет два месяца. Дата! Жене...

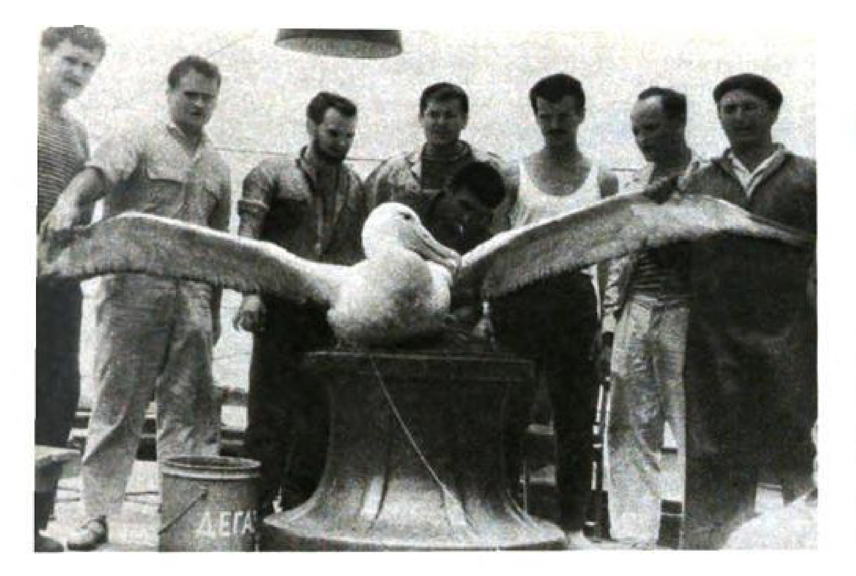
— Ну, а жене что? — допытывался я с упорством интервьюера, которому не о чем больше спрашивать.

— Жене везу слонов! — с гордостью сообщил Медведь.— И таких и сяких. Целое стадо...

Кругом слоны... Фото А. Преображенского.

Материал, защищенный авторским правом

● ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЧУДО АНТАРКТИКИ

Несколько лет подряд танкер «Каховка» новороссийского морского пароходства совершает рейсы в Антарктику к китобоям, доставляя им горючее.

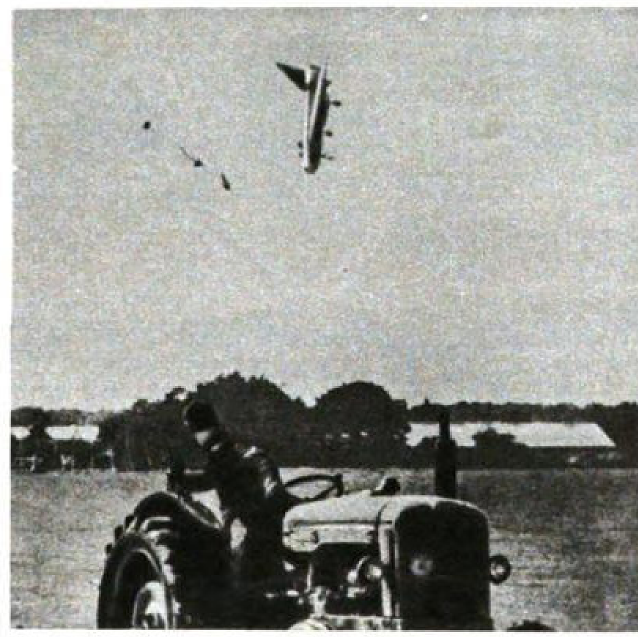
Во время плавания наши моряки наблюдали удивительный полет огромных альбатросов, которые парили над волнами океана. Но ни разу нам не приходилось видеть эту антарктическую птицу близко. В декабре 1967 года в Индийском океане, около островов Крозе, наконец, нам представилась такая возможность.

Огромный белый альбатрос сел прямо на грузовую палубу нашего танкера. Весь экипаж выбежал посмотреть на экзотическую птицу. Альбатроса поймали. Три человека, едва справляясь с ним, понесли его на кормовую палубу.

Каждый раз, когда кто-либо приближался к альбатросу, тот норовил ударить его своим огромным клювом, длиной не менее 20 сантиметров. Размах крыльев у альбатроса оказался около 3 метров, а вес птицы — около 16 килограммов. Моряки сфотографировались на память с этим чудом Антарктики и отпустили его на волю.

П. НЕТКАЧЕВ,
первый помощник капитана танкера «Каховка»

Фото автора.

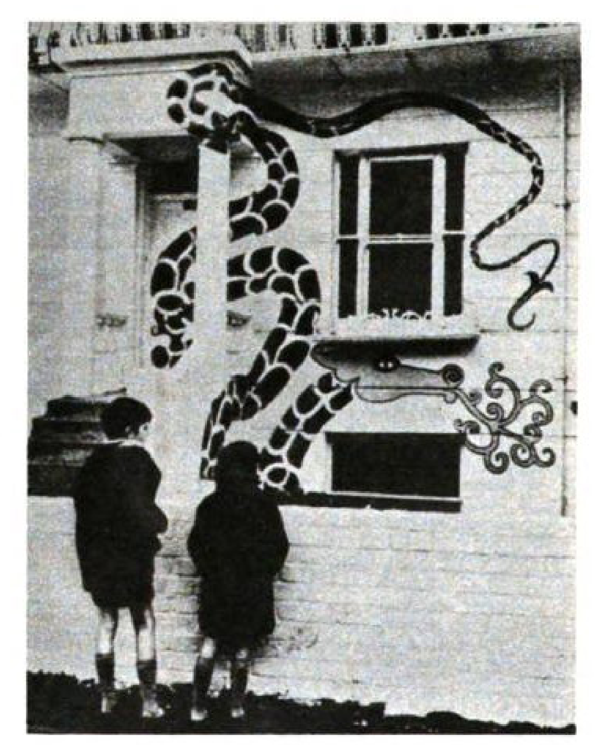

СПАСИБО ПОМИДОРАМ!

Самолет английского пилота Джорджа Эрда отказал в управлении, и летчик катапультировался. Но парашют не раскрылся, и казалось, что пилоту грозит неминуемая гибель. Однако летчик не пострадал. Он упал на нейлоновую пленку, которая была растянута над помидорным полем.

Рисунок А. Грунина.

ОСТОРОЖНО...

Вместо надписи «Осторожно, злая собака!» некоторые лондонцы на стенах своих домов рисуют дракона.

— Я мигом, выпью только кружку пива!

Рисунок А. Алешичева.

● ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ ● ПЕСТРЫЕ

Ц. СОЛОДАРЬ

КОМУ СКОЛЬКО?

Порфирий Тишкин
Совершает моцион
(Он на ночь глядя
Терренкурит ежедневно)
И видит:
Топчет хулиган газон...
Вы полагаете,
Вмешался Тишкин гневно?
Нет, нет!
Пусть запылает дом при нем,
Он не прервет
Прогулки перед сном,
Он поглядит
Отсутствующим взглядом:
«Что, разве больше всех
Мне надо?»

Пускай при нем
Обжулят старика,
Обидят женщину
Похабно и скандально,
Прислушается он
Исподтишка,
Но не вмешается
«Прын-цы-пи-яль-но»!

Пускай дискуссия
Возникнет рядом,
Дебатов жар
Его не разожжет.
Порфирий Тишкин
Нервы бережет:
«Что, разве больше всех
Мне надо?»

Порфирий Тишкин
«Едет на места» —
В служебную
Командировку.
Он на ревизии —
Святая простота:
«Ревизовать дотошно?
Ох, неловко!»
Неторопливо
Стройку обошел
И, хоть увидел,
Что ни складу там, ни ладу,
Все эти факты
Он в докладе обошел:
«Что, разве больше всех
Мне надо?»

Порфирий Тишкин
Уезжает в Геленджик.
С путевкою к нему
Я послан на дом.
Иду и думаю,
А вдруг он напрямик
Откажется:
«Бесплатная? Не надо!»
Но дома нет его,
В милицию ушел.
Как там рыдал он,
Изливая душу:
«Немедленно
Составьте протокол:
В моем саду
Сорвал мальчонка грушу!»
Домой вернулся.
И, путевку взяв,
Сказал мне
Наставительно и строго:
«Местком наш, вижу,
Сборище раззяв:
Он не прислал мне
Денег на дорогу!
А где, скажи,

Материал, защищенный авторским правом

ПАРИК-БАШНЯ

Этот гигантский парик высотой в 150 сантиметров смастерил лондонский парикмахер Гарольд Лейтон.

— Опять в супе волос!

Рисунок П. Гейвандова.

СТРАНИЦЫ

О премии приказ?
И где харчишки
С базисного склада?
Я лишнего
Не требую от вас:
Что, разве больше всех
Мне надо?»

Гляжу, квартира —
Форменный ломбард
Плюс продовольственно-
Хозяйственная база:
Комоды, сундуки,
Бочонки, вазы...
А коридор — мешки, мешки,
мешки —
Амбар!
Он свято чтит и моцион
И рацион,
Он клянчит премии,
Пособия, награды.
Ему-то больше всех
И надо,
Хоть пользы меньше всех
Приносит он!

На первой странице обложки:

БУДНИ ГОРОДА ОБНИНСКА

1.

В Обнинском институте медицинской радиологии многими работами по радиационной биологии и генетике руководит всемирно известный ученый, один из пионеров этой науки, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский.

2.

Каждый из нас обладает собственной радиоактивностью... Ее измеряют в этой лаборатории.

3.

Подопытный кролик.

4.

Благодаря электронному микроскопу старший инженер Ольга Карлова видит в десятки тысяч раз лучше.

5.

Из любой точки города видна метеорологическая мачта Института прикладной геофизики.

6.

В этой термобарокамере Института прикладной геофизики создают искусственный туман...

7.

Две картины: летний лес и рентгенограмма легких.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

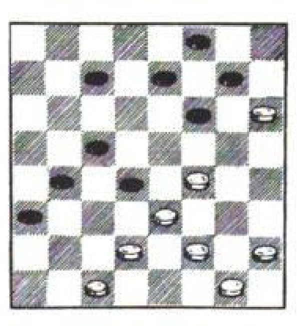
На последней странице обложки: Весна в колхозе «Политотдел», Узбекистан.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

●

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

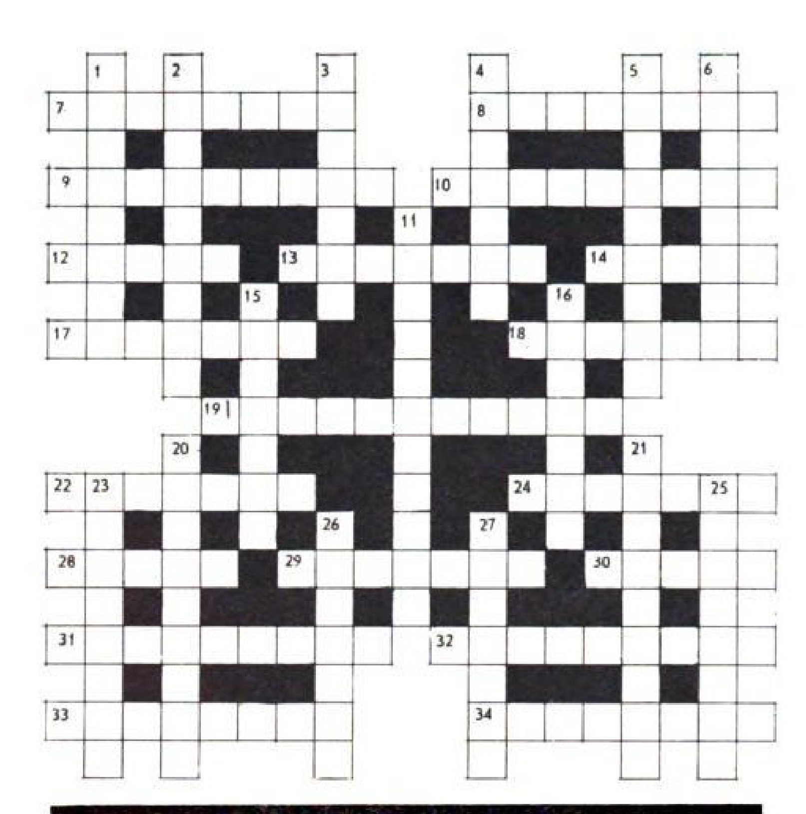
КОНЦОВКА

А. Гуральник (Советская Армия).

Белые начинают и выигрывают.

●

Решение концовки М. Вала, напечатанной в № 12 «Огонька»: 1. f6—e7 d8 : f6 2. f2 — e3! d4 : h4 3. c1 — b2! e5 : g3 4. e1—f2! g3 : c3 5. b2 : g5 h4 : f6 6. a3 : g5 и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Рассказ М. Горького. 8. Оптическая система из нескольких линз. 9. Ночное понижение температуры весной и осенью. 10. Порт в Нидерландах. 12. Ученическая сумка. 13. Лепное украшение в виде цветочных лепестков. 14. Слоистый минерал. 17. Высокий детский голос. 18. Элементарная частица. 19. Звуконепроницаемая кабина для испытания космонавта. 22. Зодиакальное созвездие. 24. Город в Румынии. 28. Металл. 29. Математический знак. 30. Предварительный набросок картины. 31. Основная тема музыкального произведения. 32. Автор повести «Звезда». 33. Единица длины. 34. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря.

По вертикали:

1. Река в Индии. 2. Опера П. И. Чайковского. 3. Советский писатель. 4. Северная ягода. 5. Итальянский композитор XVII—XVIII веков. 6. Малая планета. 11. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Коляска». 15. Приток Днепра. 16. Название месяца. 20. Цветок. 21. Чертежный инструмент. 23. Вид драмы. 25. Литовская многоствольная флейта. 26. Дощечка для смешивания красок. 27. Морская птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

4. Стельмах. 6. Краковяк. 8. Офсет. 11. Зуева. 13. Кемпинг. 14. Персей. 15. Крит. 17. Знамя. 18. Талас. 19. Подгруздок. 20. Шхуна. 22. «Кукла». 23. Лист. 25. Оксана. 26. Рисунок. 27. Рожок. 29. Сачок. 30. Розмарин. 31. Довженко.

По вертикали:

1. Сервиз. 2. Патока. 3. Портупея. 5. Препарат. 7. Клещи. 9. Незабудка. 10. Анаконда. 12. Рефлектор. 14. Питомник. 15. Кагул. 16. «Тазит» 21. Авангард. 22. Клубника. 24. Инжир. 27. Ректор. 28. Казань.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00386. Сдано в набор 11/III-68 г. Подписано к печ. 26/III-68 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 592. Заказ № 715.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Материал, защищенный авторским правом

С утра до вечера...

Очередь в Лаврушинском

Замоскворечье. Теперь, пожалуй, только здесь, ну совсем как в допетровские времена, увидишь над главами редких древних церквушек стаи черных галок и уцелевшие чудом, но уже врастающие в землю типично московские особнячки. В этой стороне Москвы можно найти по-особому уютные переулочки, тишину которых лишь изредка нарушит автомашина.

В Лаврушинском тихо только в среду. В остальные дни задолго до десяти часов в мороз и жару, в дождь и снег выстраивается длинная очередь. Хорошая это очередь! Москвичи и немосквичи идут в Третьяковку. Пройдемте вместе с ними по ее залам.

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

Под крылом Третьяковки

Весь мир знает этот адрес: Москва, Лаврушинский переулок, 10. Это адрес «Троицы» Рублева и «Боярыни Морозовой» Сурикова. Это адрес Третьяковской галереи.

Но только узкий круг людей знает другой адрес: Лаврушинский, 15. И люди, со всех концов мира съезжающиеся к Третьяковской галерее, равнодушно смотрят на серый пятиэтажный дом на другой стороне переулка, и лишь немногие прочитывают надпись: «Московская средняя художественная школа при Московском государственном художественном институте имени В. И. Сурикова». Средняя художественная школа — в просторечии «сэхэша».

Едва накинув пальто, перебегают «сэхэшата» Лаврушинский переулок и исчезают в дверях Третьяковки, чтобы навести необходимую справку: как Дейнека нарисовал руку «Тракториста», чем именно Суриков написал в «Боярыне Морозовой» снег.

Почти тридцать лет живет под крылом Третьяковки художественная школа. Сюда приходят одиннадцатилетними. Здесь ведут традиционные ученические сражения: как красиво вписать в прямоугольник холста два яблока и кувшин, как вытащить из поверхности бумаги цилиндр так, чтобы его можно было схватить рукой. И тут уже подбираются к большим задачам искусства: воскрешают на рисунках древнюю русскую историю, рисуют сегодняшнего водителя троллейбуса и новенькую, с иголочки, Останкинскую телевышку...

Сейчас в коридорах школы открыта юбилейная выставка. Вот живопись Маши Дрезниной. Маша вся — в мире Древней Руси. Даже натюрморты ставит с русским вышитым полотенцем. А Алешу Бобрусова увлекает сегодняшний день. С мальчишечьей упрямой хваткой пишет он улицы, тоннели и цирк, людей в современных костюмах.

В методическом кабинете висят школьные рисунки воспитанников, чьи холсты вошли в залы Третьяковки,— Коржева и Оссовского, Ткачева и Виктора Иванова. А в коридорах снуют те, что перебегают сегодня улицу и входят в Третьяковку зрителями — пока... С какими холстами войдут они сюда через десять, через двадцать лет?..

Ариадна ЖУКОВА

Юные авторы. Фото Д. Ухтомского.

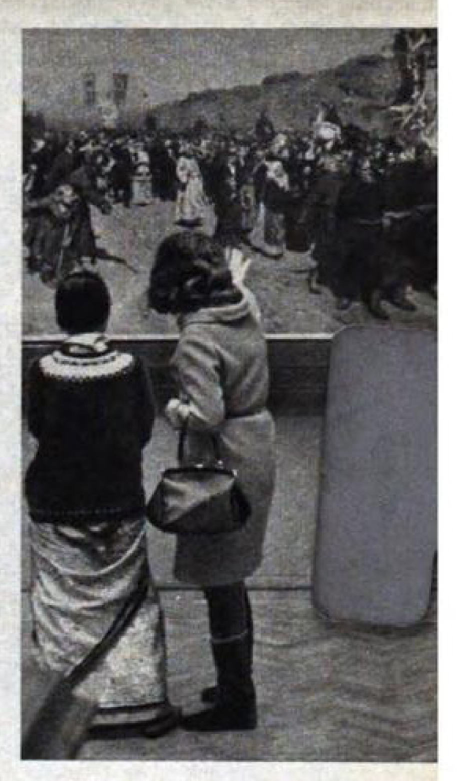
Материал, защищенный авторским правом

Конспект.

Дока.

— А что такое крестный ход!

В глубину веков.

Что есть истина!

«Помоги!». Плакат Д. Моора.

Материал, защищенный авторским правом

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663